

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SAFETY PROBLEMS
OF HUMAN AND SOCIETY

№ 2 (11) – 2011

Редакционный совет

Председатель – доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства в области науки и техники генерал-полковник внутренней службы **Артамонов Владимир Сергеевич**, начальник университета.

Заместитель председателя – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Уткин Николай Иванович**, заместитель начальника университета по научной работе.

Заместитель председателя (ответственный за выпуск) – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации полковник внутренней службы **Луговой Александр Александрович**, начальник кафедры философии и социальных наук, руководитель учебно-научного комплекса – 4 «Психолого-педагогическое обеспечение деятельности МЧС России»

Члены редакционного совета:

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации полковник внутренней службы **Баскин Юрий Григорьевич**, начальник кафедры пожарной, аварийно-спасательной техники и автомобильного хозяйства;

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор полковник внутренней службы **Грешных Антонина Адольфовна**, начальник факультета подготовки и переподготовки научных и научно-педагогических кадров, профессор кафедры теории и истории государства и права;

кандидат педагогических наук **Давыдова Любовь Евгеньевна**, проректор университета по платной деятельности – ректор института безопасности жизнедеятельности;

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации **Узун Леонид Спиридонович**, профессор кафедры взрывобезопасности и технических средств противодействия терроризму;

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации **Винокурова Надежда Георгиевна**, профессор кафедры психологии риска, экстремальных и кризисных ситуаций;

доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации **Коннова Людмила Алексеевна**, профессор кафедры сервис безопасности;

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор полковник внутренней службы **Аганов Сергей Самуилович**, начальник кафедры физической подготовки;

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации **Лобжа Михаил Тимофеевич**, профессор кафедры физической подготовки;

доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации **Рыбников Виктор Юрьевич**, заместитель директора по научной и учебной работе Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России.

Секретарь редакционного совета:

старший лейтенант внутренней службы **Алексеева Людмила Викторовна**, редактор редакционного отдела.

Редакционная коллегия

Председатель – кандидат юридических наук майор внутренней службы **Удальцова Наталья Вячеславовна**, начальник редакционного отдела.

Заместитель председателя – полковник внутренней службы **Сычева Елена Юрьевна**, главный редактор объединенной редакции редакционного отдела.

Члены редакционной коллегии:

кандидат педагогических наук подполковник внутренней службы **Юнцова Ольга Семеновна**, заместитель начальника центра организации и координации учебно-методической работы;

кандидат педагогических наук полковник внутренней службы **Кондрашина Любовь Андреевна**, заместитель начальника университета по финансово-экономической работе, доцент кафедры финансово-экономического и тылового обеспечения;

кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы **Парышев Юрий Васильевич**, заместитель начальника университета – начальник института дополнительного профессионального образования;

кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы **Солнцев Владимир Олегович**, помощник начальника университета – начальник отдела кадров, профессор кафедры психологии и педагогики;

кандидат психологических наук, доцент **Иванова Светлана Петровна**, заведующая кафедрой психологии риска, экстремальных и кризисных ситуаций;

кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы **Титаренко Юрий Алексеевич**, заместитель начальника кафедры физической подготовки;

кандидат педагогических наук полковник внутренней службы **Воробейчикова Ольга Павловна**, начальник кафедры трудового права;

кандидат педагогических наук, доцент **Щаблов Николай Николаевич**, профессор кафедры философии и социальных наук.

Секретарь редакционной коллегии:

старший лейтенант внутренней службы **Дмитриева Ирина Владимировна**, ответственный секретарь объединенной редакции редакционного отдела.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Иванов А.Ф. Философские основания квантовых вычислений.....	5
Чепкасова Е.В. Исторические парадигмы языка науки: философский анализ	11

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

Ардаматская Е.Н. Психологические особенности восприятия англоязычных аббревиатур	20
Зверев В.Л., Петимко А.И. Компоненты психологической готовности к профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России.....	25
Михайлова В.В., Бойкова В.А. Проблема накопления психических ресурсов в процессе профессиональной подготовки сотрудников МЧС России.....	29
Тангиев Б.Б., Курис И.В. Проблема безопасности жизнедеятельности в трансном поле под влиянием энергоинформационного воздействия	32

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Аверьянов В.Т. Роль прикладных задач в изучении курса «Устойчивость функционирования объектов экономики в чрезвычайных ситуациях»	41
Филимонова Е.Г. Внеаудиторная (самостоятельная) работа – базисный элемент самореализации курсантов (студентов)	44
Винокурова Н.Г., Аланичева Н.Е. Профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения иностранному языку	49
Юнцова О.С., Куприн А.А. Особенности мотивации персонала как фактора трудовой активности	54
Грешных А.А., Рондырев-Ильинский В.Б. К вопросу совершенствования системы профессиональной подготовки в подразделениях ГПС МЧС России	59
Солнцев В.О., Губанова О.А. Выработка оптимального стиля управления в процессе подготовки управленческих кадров МЧС России	65

ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н. Ленинградский пожарный техникум (К 105-летию Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России)	72
Скипский Г.А., Луговой А.А. Проблемы пожарной безопасности дореволюционного русского села	77
Гаврилова О.В., Латышева Е.О., Степкин С.М. К вопросу об истории создания и становления добровольной пожарной охраны в России	82

Сведения об авторах	87
Информационная справка	89
Авторам журнала «Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества»	94

Полная или частичная перепечатка, воспроизведение, размножение
либо иное использование материалов, опубликованных в журнале
«Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества»,
без письменного разрешения редакции не допускается

ББК 88
УДК 159.9

Отзывы и пожелания присылать по адресу: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
Объединённая редакция редакционного отдела Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС
России; тел. (812) 369-68-91. e-mail: redakziaotdel@yandex.ru

Официальный интернет-сайт Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России:
WWW.IGPS.RU

ISSN 2074-1618

© Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы МЧС России, 2011

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КВАНТОВЫХ ВЫЧИСЛЕНИЙ

**А.Ф. Иванов, доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Проанализированы философские основания новейшего направления развития квантовой теории – квантовых вычислений. Выделены онтологические основания квантовой теории вычислений. Сформулирован основной вопрос развития информационной техники и технологий.

Ключевые слова: онтология, эволюция, детерминизм, системность, единство мира, информация, информационная реальность, квантовый компьютер, квантовые вычисления, кубит

THE PHILOSOPHICAL GROUNDS OF QUANTUM COMPUTATION

A.F. Ivanov. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia.

The philosophical grounds of the newest direction of development of the quantum theory – quantum computation – are analysed. The ontological grounds of the quantum theory of calculations are allocated. The basic question of development of information techniques and technologies is formulated.

Key words: ontology, evolution, determinism, systematicity, unity of the world, the information, an information reality, a quantum computer, quantum computation, q-bit

Во второй половине XX века сложилось устойчивое представление о том, что информация является атрибутом мироздания. Об этом свидетельствует формирование, развитие и экспансия информационного подхода в современной – постнеклассической науке. Однако на сегодняшний день нет удовлетворительного решения проблемы оснований, в том числе философских, составляющих базис «информационного» компонента трансформации современной научной картины мира – эволюционно-синергетической, равно как и соответствующей этой картине мира научной методологии [1, с. 149–151].

Проблема онтологических оснований информации, в том числе квантовой информации, является одной из самых актуальных в процессе философского осмысления проблем информационного подхода, имеющего статус общенаучного, равно как и проблем, возникающих в ходе развития информатики в качестве научной дисциплины и развертывания информатизации в качестве одного из основных направлений современной стадии эволюции человеческой цивилизации.

Первый шаг в направлении построения согласованной теории квантовых вычислений заключается в необходимости более четкого определения онтологических оснований информации как атрибута материи [2].

Самое общее и вместе с тем самое простое онтологическое основание информации и информационной реальности образуют такие атрибуты мироздания, как *структурность* и *системность*. Именно они лежат в основе двух известных из достаточно большого числа определений информации.

1. *Информация = Df упорядоченная структура, обладающая относительной самостоятельностью от вещественно-энергетических носителей в процессе их взаимодействия* [3, с. 223].

2. *Информация = Df мера негэнтропии в системе* [4, с. 372; 5, с. 31] (то есть информация связывается с мерой порядка в системе).

Нетрудно заметить определенное тождество в приведенных дефинициях, так как негэнтропия и есть упорядоченность структуры в системе.

Осознание структурности мира есть понимание субъектом специфичности форм бытия по фундаментальному и предельному основанию их существования, и, прежде всего – материальной или идеальной субстанции. Обобщая данный аспект рассматриваемой проблемы, с необходимостью приходим к констатации предельной структурированности Мира, которая (в этом ракурсе) реализуется в единстве материального и идеального, бытия и мышления, материи и сознания. Самой развитой формой этого единства из известных на сегодняшний день является Человек. Основная проблема здесь заключается в нерешенности вопроса перехода от неживой природы к живой в едином эволюционном процессе, по крайней мере, в масштабах «нашей» Метагалактики. В данном случае структурированность мироздания реализуется через дифференциацию живого и неживого. Принципиальное значение имеет и учет «внутренней» структурированности живой материи (уровни организации биологической формы движения материи), равно как и неживой (в качественном аспекте, то есть основных форм движения неживой материи – физический вакуум, элементарные частицы, поля, химическая и геологическая формы движения и др.; в количественном аспекте, то есть пространственно-временной масштабности – микро-, макро- и мегамиры).

Системность универсума реализуется в единстве живого и неживого как минимум в аспекте генетической взаимосвязи и относительной прямой детерминации живого неживым, а также относительной обратной детерминации неживого живым, что нашло свое выражение в антропном принципе [6, 7].

Второе онтологическое основание, лежащее в основе современных научных взглядов на информацию и информационную реальность, составляет *принцип детерминизма*, сущность которого заключается в утверждении всеобщей закономерной взаимосвязи явлений и процессов действительности.

Учитывая то обстоятельство, что эволюционный подход изначально опирался на стохастический (вероятностный) детерминизм, необходимо отметить, что современное понимание эволюционных процессов существенно отличается от их понимания в истории научной и философской мысли. Прежде всего, это касается учения о содержании и роли причинности в развитии. В XX веке динамическая концепция причинности, на которой основывались классическая философия и наука (включая СТО и ОТО), была дополнена вероятностной. В соответствии с последней, причинно-следственная связь, во-первых, реализуется не во всех типичных для нее случаях, во-вторых, не всегда приводит к одному и тому же результату. Иначе говоря, причинность носит вероятностный, статистический характер, то есть имеет своим основанием не только необходимые, но и случайные отношения, которые носят объективный характер. Именно поэтому в рамках эволюционного процесса происходит порождение нового.

Третье онтологическое основание информации и информационной реальности составляет *принцип развития*, утверждающий принципиальную направленность изменчивости мироздания, универсального эволюционного процесса. Информация является критерием и фактором развития [8]: от «несвободности» («связности») информации в неживой (естественной, в отличие от искусственной – техники) природе к «свободной» (в определенной мере) информации в живой природе и в обществе.

В этом аспекте информацию можно и нужно трактовать как меру отражательной способности систем, а также как меру дифференцированности подсистем, образующих данную систему, то есть как меру сложности в организации систем. Речь идет о том, что в рамках универсального эволюционного процесса порождаются такие сложноорганизованные системы, которые в своей структуре имеют специальные подсистемы, основная функция которых извлечение, преобразование, хранение и передача информации.

Еще одно, четвертое, онтологическое основание информационной реальности образует *принцип единства мира*. Принципиальная фрагментарность научного знания регулярно генерирует проблему единства мира. Средствами только лишь самой науки эта проблема не может быть решена. Поэтому источником способов ее решения в научном познании выступает философское учение о бытии, причем приоритетными являются варианты материалистических онтологических учений [9].

На современном этапе развития философии и науки проблема единства мира решается в трех основных аспектах.

Первый аспект заключается в том, что *субстанциональное единство мира* предполагает рассмотрение всего многообразия известных науке объектов с позиций их общей единой субстанциональной основы – материи. В современной науке данный аспект единства мира представлен в виде принципа материального единства мира. Вплоть до середины XIX века вещество и энергия рассматривались как две основные формы объективной реальности, на основе которых существуют все остальные ее виды, включая такие сложные, как биологическая и социальная. Однако с возникновением электромагнитной теории Максвелла, квантовой физики, кибернетики и теории информации выяснилось, что субстанция, то есть материя, обладает гораздо большей сложностью. Представления о веществе были дополнены представлениями о поле, которое подобно веществу также обладает энергией. В физических теориях последнего времени в качестве субстанциональной основы (в относительном смысле) мыслится понятие физического вакуума, флуктуации которого детерминируют известные нам основные виды физической реальности – элементарные частицы, взаимодействия (гравитационное, электромагнитное, слабое и сильное) между которыми порождают поля. Но даже такое углубление понимания видов материи не позволяет удовлетворительно объяснить бесконечное многообразие и сложнейшую организацию мироздания, наиболее полно реализующуюся в биологической и социальной материи. По этой причине в современной научном познании в понятие материи, которая понимается как единство вещества, поля, излучения и энергии, порождаемых флуктуациями физического вакуума, включается информационный аспект существования всех материальных систем, который выражает меру порядка в явлениях и процессах универсума.

Второй аспект – *номологическое единство мира* заключается в общности законов, действующих в многообразных формах материи. Данный аспект единства мира выражает его синхронность, то есть пространственную распределенность системы законов природы во всем пространственно-временном континууме. Несмотря на существенные различия мега-, макро- и микромиров, закон сохранения и превращения энергии, а также частные законы сохранения (массы, заряда, импульса и т. д.), закон всемирного тяготения и другие действуют во всех этих мирах, образуя единую причинно-следственную сеть Вселенной. Однако согласно современным научным представлениям, эти законы справедливы в пределах от 10^{-33} см (фундаментальная длина) до 15 млрд световых лет в пространственном масштабе и от 10^{-43} с (фундаментальная длительность) до 15–18 млрд лет во временном масштабе. Из этого обстоятельства следует, что наука при решении проблемы единства мира не может игнорировать результаты развития философии. Номологическое единство мира было осознано еще древнегреческими натурфилософами в виде принципа детерминизма. Классическая физика, как и вообще классическая наука, формулировала свои законы для изолированных систем, которые в действительности не существуют и являются лишь идеализацией. Современное естествознание стремится точнее описывать реальность и поэтому формулирует законы не столько для изолированных систем, сколько для открытых систем, которые обмениваются с окружающей средой материей, энергией и информацией. Именно такие системы и составляют тот мир, в котором мы живем и который имеем возможность познавать. Такие системы находятся в непрерывном изменении, причем это изменение происходит в определенном направлении: от хаоса к порядку. Синергетика – одна из новейших междисциплинарных концепций – пришла к выводу, прямо противоположному

классической физике. Этот вывод заключается в том, что суть законов движения, определяющих тенденции взаимодействий в мире, состоит не в том, что конечное состояние, к которому стремятся все существующие системы, – не хаос, что утверждалось в одном из начал равновесной термодинамики (законе возрастания энтропии), а, напротив, – порядок. Подобный подход позволяет рассмотреть с принципиально новой точки зрения единство системы законов движения многообразных форм материального бытия. Для чего необходимо ввести третий аспект единства мира.

Третий аспект состоит в том, что *эволюционное единство мира* определяется генетической взаимосвязью всех форм движения материи. Данный аспект единства мира, в отличие от номологического, отражает его асинхронность, то есть временную распределенность системы законов природы во всем пространственно-временном континууме. Рассмотрение единства мира с позиций принципа развития позволяет получить более глубокое понимание субстанционального и номологического аспектов единства мира. Во-первых, становится более ясной и четкой внутренняя взаимосвязь бесконечно многообразных форм движения материальных систем, как в количественном отношении (мега-, макро- и микрообъектов), так и в качественном (живая и неживая природа, природа и общество). Во-вторых, сами законы форм движения материи рассматриваются как изменяющиеся, то есть система законов материальной Вселенной направленно изменяется, развивается. Поэтому сегодня предельное основание номологического единства мира составляют универсальные законы развития.

Осознание системной взаимосвязи трех аспектов проблемы единства мира позволяет построить единую научную картину универсума, в которой будет показано, как исходные физические формы движения материи, развиваясь по своим собственным законам, обуславливают последовательность других основных форм движения материи, включая биологическую и социальную, в которых информация и информационные процессы субстанционально необходимы. Таким образом, принцип единства мира позволяет искать решение проблемы источника информации в биологической и социальной формах материи. В пределе таким источником выступает весь универсум.

В конечном итоге можно связывать принципиальное наличествование информационных процессов в Мире с существованием *идеального*, что возвращает исследователя к исходному пункту философского анализа – фундаментальной дихотомии мироздания на материальное и идеальное как предельной структурированности мироздания.

Рассмотренные выше онтологические основания информации позволяют определить понятие «информационной реальности». *Информационная реальность = Df фрагмент мира, в котором осуществляются взаимодействия на основе информации, наличествующей в нем в относительно свободном состоянии.* Из этого определения следует, что информации (в «связанном» или «несвязанном», то есть в «свободном» состоянии) присутствует во всех частях универсума, в то время как информационная реальность имеет место быть там и тогда, где и когда появляются самоорганизующиеся сложные системы (сначала естественные, затем и искусственные), включающие в себя специализированные подсистемы, основная функция которых состоит в обеспечении информационного взаимодействия как внутри системы, так и системы и среды.

Онтологическая атрибутивность информации дает возможность выделить виды информации, исходя из многообразия структурных уровней организации универсума.

Виды информации соответствуют основным сферам материального мира:

- информация в неживой природе, которая, в свою очередь, разделяется на «классическую» (макромир) и «квантовую» (микромир) [10, с. 5];
- информация в живой природе;
- информация в социуме, включая информацию в технических (искусственных) системах.

Следует подчеркнуть, что эволюция информационной реальности в социуме, равно как и характер и направление информатизации, зависят от степени осознания субъектом единства мира, например, «классического» и «квантового» миров.

Применительно к информационным технологиям, развитие которых рассматривается как один из определяющих факторов информатизации, взаимодействие материального и идеального при протекании информационных процессов реализуется через взаимодействие двух компонентов – элементной базы, аппаратных средств, комплектующих (hardware), то есть материальной составляющей и программного обеспечения (software), то есть идеальной (логической) составляющей. По этой причине *основной онтологический вопрос развития информационных технологий – вопрос об отношении аппаратных средств и программного обеспечения*. Нетрудно увидеть аналогию между основным вопросом развития информационных технологий и основным вопросом философии (вопрос об отношении материи и сознания, материального и идеального). Эта аналогия имеет под собой историческое основание. Через всю историю возникновения и развития информационных технологий красной нитью проходит проблема соотношения естественного и искусственного интеллектов, мозга и компьютера (ЭВМ). В этом ракурсе анализ онтологических проблем развития информационной реальности трансформируется в анализ онтологических проблем развития информационных технологий, который распадается на два коррелирующих между собой направления: 1) анализ развития аппаратных средств, «железа» (hardware) и 2) анализ развития программного обеспечения (software).

Эволюция аппаратных средств информационных технологий детерминирована развитием естествознания (в первую очередь – физики, химии, нейрофизиологии и др.) и техники (электротехника, электроника, микроэлектроника, нанoeлектроника и др.). Здесь необходимо отметить взаимосвязь между этапами научного познания материи (от макромира к микромиру) и этапами создания и развития вычислительной техники (от механических счетных машин XVII века к квантовому компьютеру, создание которого прогнозируется в первой половине XXI века). Таким образом, характер и направление развития информационных технологий в аппаратной части в определенной степени зависит от состояния научного познания различных уровней объективной реальности в естествознании.

Эволюция программного обеспечения, главным образом определяется развитием математики, логики, лингвистики, психологии. Согласно принципу «черного ящика», пользователь не обязан знать, как происходит взаимодействие между различными программами и их пакетами, равно как и между программным обеспечением и аппаратной частью. Главное, чтобы оперирование программным обеспечением было простым и интуитивно понятным. Это же в полной мере относится и к аппаратной части информационных технологий.

Однако реализация критериев простоты, наглядности, функциональности и надежности, которые образуют качественную сторону «логического» (идеального) компонента информационных технологий, «утяжеляют» программное обеспечение, что выражается в росте размеров программ и их пакетов (количественный аспект). Как следствие, происходит повышение требований к аппаратной части, на которой это программное обеспечение будет реализовано. Например, для нормальной работы операционной системы корпорации «Microsoft» Windows Vista требуется не менее 1 Gb физической памяти, не говоря уже о характеристиках других комплектующих.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сформулировать основную онтологическую проблему развития информационных технологий: проблему когерентности (соответствия) аппаратных средств («hardware») и программного обеспечения («software»).

Другая важная онтологическая проблема развития информационной реальности, а значит и информационных технологий, состоит во взаимосвязи уровней организации материального мира, и, прежде всего, макро- и микромира (классического и квантового миров). Несмотря на рост быстродействия вычислительной техники, в ряде случаев время на решение с ее помощью тех или иных задач стремится к бесконечности. Например, самому быстрому на сегодняшний день компьютеру потребуется более 14 млрд лет для расшифровки кода с ключом в 266 бит. Речь идет об отрезке времени, сопоставимом с возрастом Вселенной. В этом примере отражен тот факт, что существующие сегодня

информационные технологии, реализованные на основе закономерностей макромира, имеют предел в своем развитии. Согласно закону взаимного перехода количественных изменений в качественные неизбежен переход к новым технологиям, в основу которых будут положены иные природные закономерности и как следствие аппаратная часть информационных технологий будет реализована на ином уровне организации физической реальности – квантовом уровне.

Речь идет о переходе к использованию в аппаратной части информационных технологий процессов, протекающих в микромире – на атомном и субатомном уровнях организации материи. Таким образом, следующий виток развития информационной реальности связан с развитием такой фундаментальной науки как квантовая физика.

Уже сегодня имеются результаты, которые позволяют говорить об очертаниях информационных технологий ближайшего будущего. Ряд из них получили название «нанотехнологии».

Суть нанотехнологий заключается в том, что определенными способами на поверхности подложек создаются функциональные элементы нанометровых (1 нм – одна миллионная миллиметра) размеров, в том числе из отдельных молекул и атомов, с возможностью их контроля и визуализации. Так, в исследовательском центре корпорации IBM, расположенном в силиконовой долине (штат Калифорния, США), успешно проведен ряд экспериментов по «перестановке» отдельных атомов с одного места на другое. В условиях лаборатории уже работает новая технология, которая позволяет увеличить плотность записи данных на носитель в 20 раз.

Согласно прогнозу лауреата Нобелевской премии в области физики (1986 г., совместно с Г. Рорером и Э. Руской) Герда Карла Биннига в ближайшие годы (первые два десятилетия XXI века) на основе нанопроцессора может быть создан простейший компьютер на 20–30 микросхемах атомарной величины.

В перспективе развитие нанотехнологий позволит кардинальным образом обновить «начинку» компьютерной техники. Приблизительно через 10 лет миниатюризация микросхем, протекающая нынешними темпами, исчерпает себя. Следовательно, неизбежен переход аппаратной части информационных технологий в новое качество. В частности, ставшие сегодня классическими чипы на основе кремния будут заменены на чипы из полимеров и биополимеров, созданных с применением нанотехнологий. Память компьютеров станет трехмерной, при этом может быть использован голографический способ записи информации.

Пиком развития нанотехнологий может стать создание квантового компьютера [10, с. 37–38]. Теоретические выкладки показывают, что квантовый компьютер (кубит) из 50 атомов будет иметь большую вычислительную мощь, чем все ныне существующие компьютеры, вместе взятые [11, с. 197–198]. Основная проблема, возникающая в процессе создания квантового компьютера, заключается в том каким образом получить от атомов результат вычисления и каким образом осуществлять ввод и вывод информации. Ученые из института квантовой оптики им. Макса Планка используют для этих целей лазерную пушку. Считывание результатов производится посредством направленного лазерного луча. Но это означает, что программы для квантового компьютера реализуются в виде последовательности импульсов лазерного луча, а не на машинном языке, как в обычных компьютерах.

Учитывая требование соответствия аппаратных средств и программного обеспечения, следует ожидать кардинальных изменений в программной части информационных технологий, суть которых заключается в том, чтобы обеспечить надлежащие способы ввода и вывода информации для пользователя. То есть программная компонента квантового компьютера должна обеспечить надежный и эффективный перевод «квантовых битов» («q-бит») в классические биты, тем самым, обеспечив переход информации из микромира в макромир, в котором живет пользователь.

Литература

1. Методология исследования сложных развивающихся систем / под ред. проф. Б.В. Ахлибининского. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2003.
2. Колин К.К. Феномен информации и философские основы информатики // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2004. № 11. С. 33–38.
3. Ахлибининский Б.В., Храленко Н.И. Основные концепции современного естествознания. М.: Вузовская книга, 2000.
4. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. М.: Физматгиз, 1960.
5. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация: пер с англ. / под ред. и с послесл. И.В. Кузнецова. Изд. 2-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006.
6. Barrow J.D. and Tipler F.J. *The Anthropic Cosmological Principle*. New York: Oxford University Press, 1986.
7. Linde A. *Inflation, Quantum Cosmology and the Anthropic Principle*. [Электронный ресурс]. URL: <http://arxiv.org/format/hep-th/0211048> (дата обращения 08.05.2010).
8. Казаринов М.Ю. Информация как критерий и фактор развития // *Проблема развития в гуманитарном и социально-экономическом знании* / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб.: 1999. С. 18–21.
9. Грюнбаум А. Новая критика теологических интерпретаций физической космологии // *Вопросы философии*. 2002. № 4. С. 67–88.
10. Валиев К.А. Квантовые компьютеры и квантовые вычисления // *Успехи физических наук*. Т. 175. № 1, янв. 2005 г. С. 3–39.
11. Дойч Д. Структура реальности. М.-Ижевск: РХД, 2001.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКА НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

**Е.В. Чепкасова, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Представлен анализ основных исторических парадигм, сложившихся в истории науки: классической, неклассической и постнеклассической.

Ключевые слова: язык науки, парадигма, образовательный процесс, естественный язык, искусственный язык, текст, логика, лингвистика, философия языка

HISTORICAL PARADIGM LANGUAGE OF SCIENCE: PHILOSOPHY ANALYSIS

E.V. Chepkasova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The analysis of the main historical paradigms developed in the history of science.

Key words: the language of science, paradigm, learning, natural language, an artificial language, text, logic, linguistics, philosophy of language

Проблемам взаимодействия и взаимовлияния языка науки и развития самой науки в современной литературе уделяется сравнительно немного внимания. В данной статье будет предпринята попытка историко-философского анализа парадигм языка науки в зависимости от характера науки.

В каждом конкретно-историческом этапе развития науки язык науки имеет специфические черты. В них отражается и общая картина мира, и господствующий стиль мышления, и дух эпохи, и общие ценностные ориентиры. Развивается наука, развивается язык и наоборот. Многие понятия опускаются в глубины языка, признаки, положенные в их основу, гаснут. Меняются взгляды учёных на характер и объём той или иной науки. Взаимосвязь эпохи и языка – очень интересная тема исследования. Задача – проследить эти изменения.

Изучая реальные изменения языка науки, неизбежно приходится учитывать, что его сущность, структура и функции связаны с творчеством реальных индивидуумов, поставленных в конкретно-исторические, социальные и культурные условия. Создатель теории лингвистического ментализма Гюстав Гийом считает очевидным, что основой научных открытий является историческая зависимость от достигнутого состояния языка, на котором происходит обычное общение людей в конкретной местности и в конкретную эпоху. Существуют научные вопросы, которые человеческий разум не смог бы перед собой поставить, если бы язык не предполагал бы для них в себе места [1, с. 153–154]. Учёному нужно решать довольно сложную задачу: найти баланс между границами, заданными историческим контекстом и новым знанием, которое не вписывается в последний. Поэтому он сначала стремится к контакту с границей, задаваемой контекстом, а в случае тупиковой ситуации устремляется в иную область.

Каждая историческая эпоха в развитии науки ставит новые, специфические проблемы перед языком науки в плане адекватного выражения им содержания развивающегося научного знания. Чем глубже задачи, решавшиеся научным сообществом на каждом историческом этапе, тем острее становится проблема адекватности языковых средств уровню задач. В случае несоответствия между ними возникают ситуации, требовавшие коренного пересмотра выразительных средств языка науки. Всё это порождает необходимость историко-философского анализа языка науки.

В данной статье будет проанализировано три парадигмы языка науки, каждой из которых соответствует свой тип научной реальности и языка её описывающего: *классическая* (до XIX в.), *неклассическая* (конец XIX в. – первая половина XX века) и *постнеклассическая* парадигмы.

Исторически первой парадигмой является *классическая*. Её характеризует общий способ описания и фиксации знаний, характер обоснования полученных выводов, способ изложения полученных результатов. Выделим основы классической парадигмы языка науки и попытаемся отразить в них взаимосвязь состояния науки с определённым языком.

Первой основой классической парадигмы является *деперсонификация науки и языка науки*. Это означает стремление к объективности научного знания, в котором не должно быть ничего субъективного. Задача учёного – не допустить в исследование ничего личного, человеческого, что заключает в себе источник возможной ошибки. Эта процедура вынесения субъекта за скобки исследования признавалась достижимой во всех без исключения случаях, хотя, безусловно, носила лишь мысленный характер, так как реально учёный неустраним из познавательной деятельности. Считалось, что, только вытеснив субъекта, можно добиться общезначимости и однозначности (главное требование науки в этой парадигме) в исследовании и фиксации результатов. Любое заблуждение, ошибка признаются в научном дискурсе недопустимыми. Это наиболее ярко видно на примере философии Ф. Бэкона, стремившего изжить из человеческого разума так называемых «идолов», избежать субъективных пристрастий.

Вторая основа классической парадигмы – *математизация науки и языка науки*. Существовало убеждение в том, что в любой науке столько знания, сколько в ней математики, и что все науки, включая и гуманитарные, требуют внедрения в них математических идей и методов. Наиболее ярко эта черта проявлена в трудах Г. Галилея, который рассматривал математические абстракции как законы, управляющие физическими процессами в мире опыта. Именно он стоял у истоков новой концепции научного познания,

относившей к подлинно научному знанию только знание абсолютно достоверных необходимых истин [2, с. 144]. Галилей расширил представление о математическом языке, существующем с античных времён. Если Аристотель допускал применение математики только к расчёту движения небесных тел, а познание земных явлений считал возможным только с помощью качественных (нематематических методов), то Галилей убеждён, что подлинным языком, на котором могут быть выражены законы природы, является язык математики. Та же идея выражена в философии Л. Да Винчи. «Никакое человеческое исследование не может быть названо истинной наукой, если оно не проходит через математическое доказательство» [3, с. 60]. Установка, заданная Галилеем, была впоследствии развита в трудах Декарта, Ньютона и других учёных Нового времени. Эта ориентация в представлениях об идеале научности на математику выдвигает соответствующие требования к способам описания и фиксации знания о действительности: возникает стремление к определённости, точности, полноте, непротиворечивости описания. Критериями языка науки объявлялись логическая ясность, строго дедуктивный характер, соответствие выводов основным посылкам, выраженным в аксиомах, непротиворечивость, строгие стандарты истинности суждений. Вера в безграничные возможности математических и логико-аналитических методов порождает убеждение в том, что весь мир, мышление человека можно вычислить, рассчитать, измерить, представить в виде сконструированной машины.

Третьей основой классической парадигмы является *фундаментализм в науке*. Один из исследователей развития науки В.В. Ильин следующим образом характеризует фундаментализм: «допущение предельных унитарных предложений, образующих для познавательного много – и разнообразия незыблемый монолит центр-базис, имплицитно производные от него дистальные единицы знания» [4, с. 28]. То есть, научная теория в классической парадигме представляет собой неопровержимую замкнутую систему знания, включающую в себя жёстко зафиксированное исходное базисное знание, опирающееся на математику.

Четвёртой основой является *убеждение в упорядоченности мира*. Считалось, что наука возможна именно потому, что природа законосообразна, постоянна. Наше знание о ней является истолкованием природы, и при наличии правильного метода учёный сможет всегда открыть истину. Из науки исключаются любая случайность, неопределённость, многозначность. В представлениях о развитии научного знания характерен *интернализм*: оно полностью не зависит от каких-либо социальных, экономических, культурных, исторических и других факторов, а вызвано исключительно внутренними причинами.

Пятой основой классической парадигмы языка науки является *пропозициональное истолкование языка науки*, то есть отождествление элементов лингвистической структуры и реальности. Будучи ещё недостаточно развитым, мышление на данном этапе полностью дублирует пространственно-образное мировосприятие, опираясь при этом на органы чувств. Возникает так называемая логическая модель знания, согласно которой знания выступают как комбинация особым образом связанных и соединённых между собой фактов. Они соответствуют положению дел в объективной реальности. Задача науки – их тщательное описание и убедительное объяснение. «Знания разной степени сложности представляют собой целостные системы, объединяющие на основе определённых логических структур элементарные когнитивные атомы, выступающие в роли высказываний [5, с. 101]. Эти отдельные высказывания, совокупность которых и есть язык науки, имеют не только самостоятельное значение, но и обосновываются независимо друг от друга. Истинным является соответствие изолированного утверждения описываемому им фрагменту действительности.

Шестой основой классической парадигмы языка науки является *понимание слова как имени вещи*, традиция, заложенная ещё в античности. Сам знак (вещь и её имя) и его смысл оказывались связанными изначально естественным и единственно возможным способом. К XVII веку эта традиция сохраняет свое влияние, но возникает и другое мнение, а именно, что

такая жёсткая связь между знаком и его смыслом присуща только идеальному языку, которым должен стать язык науки. Это доказывают, в частности, работы Декарта, который потребовал для языка науки точного и чёткого значения слов, и Лейбница, который развивал идею универсальной символики и логического исчисления.

Особо следует отметить то, что в качестве языка науки в классический период использовался *латинский язык*. Его историческая роль существенно отличает его от многочисленных искусственных языков в качестве научных, предлагавшихся позднее. Будучи государственным языком Римской империи, занимавшей к III в. н. э. огромную территорию вокруг Средиземного моря, латинский язык оказался единственным в этой части языком культуры. Своё значение он сохранил и после падения Западной Римской империи в V в. под натиском варварских племён. Вплоть до XII–XIII вв. латинский язык оставался единственным литературным языком, орудием художественного творчества и научной мысли. Но вскоре ситуация начинает меняться. Связано это с тем, что эпоха Возрождения установила строгую классическую норму для латинского языка и тем самым существенно ограничила возможности свободного развития латинской литературы. Это создало дополнительный стимул для развития литературы на возникающих национальных языках. В 1304–1307 гг. Данте Алигьери публикует на латинском языке свой трактат «О народной речи», в котором указывает на «природный», «благородный», «естественный» характер своего языка и «искусственность» латинского. Постепенное и неуклонное отступление латинского языка в области литературы стало положительным моментом культурного развития. Иначе обстоит дело в научной области. Наука по своей природе интернациональна, и для нее наличие наряду с национальными языками единого языка, служащего целям международного общения, является благотворным фактором. Вполне понятно поэтому, что здесь позиции латинского языка оказались более устойчивыми. Долгое время существовало двуязычие. Эпохой гармонического симбиоза латинского языка как международного и национальных языков был XVIII век. Многие учёные (Ф. Бэкон, Ньютон, Р. Бойль) издавали свои труды как на латинском, так и на национальном языках. Примером тому может служить научная деятельность М.В. Ломоносова. Пользуясь, как правило, латинским языком в своих работах по химии, физики, астрономии, минералогии, Ломоносов многие из этих работ переводит на русский язык и этими переводами, равно как и переводом «Экспериментальной физики» Вольфа, создает основание русской естественнонаучной терминологии. К латинскому он прибегает и научной переписке, обращенной к иностранным ученым – Эйлеру, Формею, в благодарственном послании к шведской Академии наук. Для Ломоносова латинский язык был в полном смысле слова живым языком – двигателем творческой мысли, тем самым заключающим в себе неисчерпаемый источник развития новых и новых выразительных возможностей. К тому же выводу должно было бы привести и изучение латинского языка не только многих современников Ломоносова, но и ученых более позднего времени: Каспара Фридриха Вольфа, Карла Лахмана, Фалена, Хаусмана, Зелинского.

Анализируя классический период науки, следует отметить, что в основном благодаря философии в ней формируются основные понятийные формы, категориальные схемы, способствовавшие формированию языкового аппарата науки.

Если исследовать классическую науку более подробно, то следует отметить, что она в самом себе неоднородна. В ней выделяют два состояния – додисциплинарное и дисциплинарное. Иногда последний период развития классической науки называют неклассическим, подразумевая под ним дисциплинарное состояние классической науки. Они обладают в основном едиными чертами, за исключением того, что науки к XIX веку дисциплинируются, складываются основные естественные науки: физика, химия, биология, геология и др. Поэтому язык науки также дисциплинируется. Все остальные черты классического образа сохраняются.

Вторая парадигма языка науки носит название *неклассической*, формирование которой традиционно относят к концу XIX века. Крах классической парадигмы был обусловлен

объективными факторами, как в самой науке, так и в метанаучном сознании: «Одним из проявлений расшатывания парадигмы является выход науки за пределы уже освоенных территорий. Обнаруживается как бы «новая реальность». Для её описания нужен, чаще всего, и новый инструментарий. Таким инструментарием становится, прежде всего, новый язык описания» [6, с.84]. То есть неклассическая парадигма возникает тогда, когда стало невозможным выражение нового «неклассического» содержания старыми «классическими» выразительными средствами существовавшего языка науки. Конец XIX века и начало XX века – период бурного развития науки, особенно физики. Это и развитие атомной физики, появление новых представлений теории относительности и квантовой теории, и развитие неевклидовых геометрий, небулевых алгебр, и исследования по языку Гёделя, Тарского, Черча. Возникает странная ситуация, которая характерна не только для этого периода (была подмечена ещё Энгельсом), но и сегодня она выражена не менее остро. Энгельс писал так: «естественные науки развиваются столь бурно, что стиль научного мышления, остающийся метафизическим, отстаёт от уровня развития научного познания. Наука всё более нуждается в диалектическом мышлении» [7, с. 4]. Развитие естественных наук опережало стиль научного мышления и существовавший для его фиксации языковой аппарат. Например, в физике в начале XX века стало ясно, что образ мира, созданный классической механикой, не вписывается более в описание на языке формул Лоренца, Пуанкаре, специальной теории относительности. Мир не стал другим, но изменился язык его описания. Появились новые образы атома, электрона, электромагнитного поля и другие, которые создали новый образ мира, а значит, потребовался новый способ его фиксации и описания. Какие же изменения потребовались от языка науки в неклассической парадигме? Для ответа на этот вопрос, выделим основы неклассической парадигмы языка науки.

Первой основой является *персонализм*. Это означает, что предметом рассмотрения становится не мир объектов, мир вещей, а мир, включающий человека и его деятельность в мире объектов, и общение с себе подобными. Субъект – активно творящий и конструирующий действительность. Такое представление связано с новым физическим представлением о мире. Согласно теории относительности Эйнштейна пространство и время объединяются в единую форму существования материи – пространство и время. Каждое событие отличается друг от друга координатами, три из которых – пространственные, одна – временная. То есть, каждое событие - четырёхмерно. «В новой картине языка, в самом существе понятия предиката как ядра пропозиции о факте, кроются те же четыре координаты, а значит и зависимость от системы отсчёта» [8, с. 288]. При этом, сам говорящий не осознаётся как отдельная точка. Он как бы имплицитно присутствует в контексте. Важным является то, что он сознательно не вытесняется из контекста (как в классической парадигме), но ещё не становится ведущим.

Вторая основа – *разрушение пропозиционального истолкования языка*, то есть модели зеркального отражения действительности. В новой картине языка мир состоит не из отдельных вещей, каждой из которых нужно дать имя, а из «фактов», «событий», каждое из которых описывается атомарным предложением. Представление об атомарном смысле слов идёт ещё от Лейбница, но получило своё серьёзное развитие в трудах Фреге, Рассела и раннего Витгенштейна.

Кроме того, неклассическую науку характеризует *прагматизм* (инструментальность). Это означает, что теперь для исследователя важно не только то *что* познаётся, но и *как*, с помощью чего осуществляется познание. Это условие для получения истинного, объективного знания.

В представлении о причинах и характере развития науки интернализм сменился *экстернализмом*, то есть основанием для развития научного знания объявлялись внешние социальные факторы. Социальные условия воздействуют на выбор проблемы исследования, наиболее эффективного метода, могут стимулировать или тормозить исследование. Таким образом, по сравнению с интернализмом происходит увеличение возможных форм исторического анализа, расширение возможных способов исторической реконструкции.

К XIX веку подтверждается высокий статус *математики*, которая становилась всё более абстрактной, сближаясь с алгеброй и теорией множеств, но её роль в естествознании *ограничивается*. «Весьма часто приходится слышать убеждение, явно не соответствующее ходу научного развития, будто точное знание достигается лишь при получении математической формулы, лишь тогда, когда к объяснению явления и к его точному описанию могут быть приложены символы и построения математики. ... Но нет никаких оснований думать, что при дальнейшем развитии науки все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы или под так или иначе выраженные числовые правильные соотношения; нельзя думать, что в этом заключается конечная цель научной работы» [9, с. 46]. Кроме того, в неклассический период ориентация на естественнонаучное знание уходит на второй план в связи с разделением наук на науки о природе и науки об обществе и духе. Произошло чёткое разделение понятий социально-гуманитарное и естественно-научное знание.

В противоположность классической науке для неклассической науки характерен *антифундаментализм*, который означает допущение плюрализма средств описания научной реальности, отказ от абсолютной истинности какой бы то ни было картины мира, формирование новых типов реальности. Критический рационализм и фальсификационизм К. Поппера, концепция научных революций Т. Куна, методологический анархизм П. Фейерабенда указали на то, что ценности и идеалы классической парадигмы: объективность, истинность, беспристрастность, строгая методология, не являются больше атрибутами науки. Наука отныне – это не что-то единое, однородное, статичное. Происходит ревизия вечных истин, подрыв абсолютных норм познания, допущение в науку субъективного, иррационального, пристрастного.

Уже в XVIII веке и еще более быстрыми темпами в XIX и XX веках происходит вытеснение латинского языка национальными, что несколько затрудняет возможности научного общения, а тем самым и научную работу в целом. Требовались новые слова, новые обороты, новый синтаксис. Возникает идея создания *универсального искусственного языка*, предназначенного стать общим и единым языком человечества, однозначно отражать все многообразие вещей и отношений, хотя ещё долгое время учёные прибегали к латинским заимствованиям для обозначения новых объектов и явлений.

Первые попытки создания единого и точного искусственного языка относятся ещё к XVII веку (в частности, попытки Декарта и Лейбница), но наибольшее распространение получили именно в неклассический период. Необходимость сотрудничества специалистов разных научных дисциплин в решении общих проблем потребовала определённого способа унификации в языке науки. Возникают попытки создать некий совместный язык в смысле «научного эсперанто». Несмотря на то, что практика показала полную нереальность такой задачи, подобные проекты во множестве возникали один за другим. За период с XVII по XX века было создано более 1000 проектов искусственного языка как на априорной, так и на апостериорной основах (то есть либо независимо от конкретных языков, либо с использованием их материала). В 1909 г. итальянский математик Дж. Пеано предложил проект международного языка под названием «интерлингва», сущность которого раскрывается в другом его названии – «латино-сине-флексии» (латынь без флексий). Это язык, полностью ориентированный на латинскую и латинизированную лексику, а в отношении грамматической системы построенный на принципе, который Пеано сформулировал так: наименьший теоретически возможный объем грамматики – это отсутствие какой бы то ни было грамматики.

Искусственный, символический язык должен был «позволить выражать математические рассуждения в виде формального преобразования некоторых исходных формул по определённым правилам... Была осознана аналогия между правилами алгебры и правилами формальной логики к неконкретизируемым далее объектам, что привело к созданию математической, или символической логики (Дж. Буль, А. де Морган, У. Джевонс, Дж. Пеано, Ч. Пирс, П.С. Порецкий, Э. Шредер, Г. Фреге и др.) [5, с. 10].

Для неклассической парадигмы языка науки характерен *историзм* в представлениях о развитии языка. В конце XVIII века и окончательно в XIX веке благодаря работам И. Гердера и В. фон Гумбольдта произошёл переход от понимания языка как целостной, сомотожественной, готовой системы к пониманию языка как постоянно становящегося процесса. Принцип историзма, эволюционизма окончательно утвердился в понимании языка. Язык отныне – не продукт деятельности, а сама эта деятельность, вечная и непрерывно создаваемая. В этом процессе он передаёт глубинный дух народа. Всё это подтолкнуло исследователей к сравнительно-языковым исследованиям.

Таковы основы неклассической парадигмы языка науки характеризуют новую парадигму языка науки, соответствующую новой картине мира и её философским основаниям, сложившуюся к началу XIX века.

Самой сложной для анализа является третья парадигма развития языка науки – постнеклассическая. Главная трудность заключается, во-первых, в огромном количестве открытий, научных направлений и новых областей знания: «история естественных наук XVI века, XVII и XVIII веков весьма обширна, история науки XIX века очень сложна и можно посочувствовать тем, кто будет писать подробную историю наук XX века» [10, с. 299]. Поэтому трудно вывести общие критерии языка науки этого периода. Вторая трудность заключается в том, что постнеклассическая парадигма только складывается. Но бесспорно то, что язык науки к середине XX века коренным образом поменял свой «внешний вид». Из приведённого ранее анализа видно, что с течением времени он становился всё более искусственным и непонятным для значительного количества людей. Рассмотрим, каким образом изменившийся образ науки, ставший постнеклассическим, изменил язык науки. Начнём анализ с краткого обзора состояния современной науки.

Современная наука характеризуется ростом фрагментарных знаний и как следствие – углублением дифференциации науки, всё большим её разветвлением. Это приводит, в конце концов, к изоляции учёных внутри научного сообщества. «Вероятно, подобное обособление отдельных научных миров объективно неизбежно, поскольку идёт накопление конкретных знаний каждой из наук. Но автономизация, ведя к осязаемому росту информации, ослабляет эвристический потенциал современных направлений и научного сообщества в целом. Демаркация научных специализаций затрудняет междисциплинарное обобщение всего универсума знаний» [11, с. 3].

Наряду с тенденцией дифференциации очень чётко намечается тенденция к интеграции, сближению разных научных дисциплин. Из-за этого в науке возникают проблемы синтеза научного знания, междисциплинарного взаимодействия наук. Сложившиеся на предыдущем этапе три основных элемента общей научной картины мира – представления о неживой природе, органическом мире и обществе – синтезируются в единую научную картину мира.

В современной постнеклассической науке происходят коренные изменения в средствах хранения и получения знаний: компьютеризация науки, появление сложных приборов и устройств.

Тенденция к персонализации научного знания в постнеклассический период усиливается. Теперь процедура элиминации субъекта признаётся не только неосуществимой и допустимой, но и «вредной» для поиска истины. Объекты изучаются в процессе взаимодействия учёного с ними и никогда не остаются полностью нейтральными. Это порождает новое понимание объективности: «Объективность научного познания теперь следует понимать как обусловленный особенностями объекта характер его естественной реакции на познавательные действия субъекта» [11, с. 16]. Поэтому если классическая парадигма всегда стремилась в своём языке дать однозначное понимание описываемых результатов и поэтому вопрос интерпретации научных данных специально не исследовался, то в постнеклассическую эпоху роль интерпретатора становится не менее важной, чем автора.

В постнеклассическую эпоху знание о мире замещается знанием деятельности в мире. Высшим кредо постижения мира предстаёт не эпистемологический: знание – цель, а антропный: знание – средство.

Категория упорядоченности заменяется в постнеклассической парадигме категорией хаоса. Поэтому столь актуальна синергетика. Хаос – это непредсказуемость, иррациональность, творческое начало в познании. Отчётливо проявляется тяготение к изучению неравновесных, динамических систем. С этим связано появление одного из самых актуальных направлений современности – синергетики как теории самоорганизации и коэволюции сложных систем. В её рамках строятся эволюционно-нелинейные модели поведения сложных систем. Формируется новое синергетическое видение мира, в котором происходит переход от стабильности к развитию, от порядка к хаосу. Соответственно, требуется новый язык для описания этих процессов

Происходит усложнение предмета исследования – микро - и мегамир. Но поскольку учёный не может непосредственно наблюдать происходящее в этих мирах, то он имеет дело с их отображениями, моделями.

Во второй половине XX века формируется диалектический подход к анализу истории науки, который исходит из того, что развитие и функционирование научных идей определяется как внутренними, так и внешними закономерностями и факторами. Культурно-исторический контекст влияет как на процесс репрезентации научной информации, так и на прочтение текстов в науке. «Теории развиваются и часто даже сменяются коренным образом; в этой области, так же как и во многих других, имеются «моды», уже проходящие и «моды», ещё только возникающие. Разве это было бы возможно, если бы основы науки были чисто рациональными. Это служит надёжным доказательством того, что на прогресс науки влияют и иные факторы, а не только безупречная констатация или строгие силлогизмы» [10, с. 293]. Свое место в качестве средств познания занимают интуиция, внутренний мир человека.

Все эти факторы, характеризующие постнеклассическую науку, требуют соответствующих формально-логических средств, изменения стиля и способа фиксации полученных знаний. В связи с этим требуется особый язык науки, который фиксирует междисциплинарность подходов, сложность объектов исследования и т.д. «Сейчас, может быть быстрее, чем когда-либо раньше, происходит перестройка языка науки. Этот процесс происходит быстрее, чем он поддаётся осмысливанию, и это вызывает некоторое замешательство» [12, с. 270]. Происходят изменения как в структуре языка, так и в его статусе, во всем «внешнем облике».

Поскольку постнеклассическая наука ещё только скалывается, то говорить о каком-то едином языке науки сегодня не приходится. Сейчас нет итога, результата, который можно было бы анализировать, а есть процесс. Постнеклассическая парадигма языка науки представляет собой синтез старых представлений и новых взглядов, и нет ещё единой точки зрения. Поэтому здесь излагаются основные тенденции его развития. Общее, что объединяет их все, это то, что понятийно-терминологический инструментарий науки нуждается сегодня в определенном изменении. Различия возникают в трактовке этих изменений.

Литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 2010.
2. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М., 1955.
3. Л. да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения. М., 1977.
4. Ильин В.В. Классика – Неклассика – Неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Эпистемология и постнеклассическая наука: сб. ст. / отв. ред. В.И. Аршинов. М.: ИФРАН, 1992.
5. Котенко В.П. Основания науки. СПб., 2000.
6. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
7. Салихов М.В., Кудряшев А.Ф. Позитивизм: от Аристотеля до Энгельса // Язык науки XXI века. М., 1999.

8. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 2005.
 9. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
 10. Бройль Луи де. По тропам науки. М., 2002.
 11. Котенко В.П. К вопросу о компаративистике философии науки и этапах развития науки // Современная наука: проблемы и дискуссии – компаративистский подход: сб. статей. СПб., 2004.
 12. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. СПб., 2007.
-

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР

**Е.Н. Ардаматская, кандидат филологических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Исследуются вопросы реализации системы языка в образовании и функционировании отраслевых аббревиатур, которые рассматриваются как когнитивные языковые структуры. Выявляются психологические особенности восприятия сокращений, базовые стратегии создания серийных модельных рядов, уточняется статус идентификатора модели и приемы декодирования аббревиатур.

Ключевые слова: аббревиатура, семиозис, коммуникативная пригодность, когнитивное моделирование, семантическая избыточность, однотипные ряды, идентификатор модели

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ENGLISH ABBREVIATIONS' COMPREHENSION

E.N. Ardamatskaya. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The article deals with the manifestation of the language system in the formation and functioning of professional abbreviations, which are regarded as cognitive language structures. The paper concentrates on psychological features of abbreviations' comprehension, reveals basic strategies in creation of model sets and determines the status of model's identifier.

Key words: abbreviation, semiosis, communicative suitability, cognitive modeling, semantic redundancy, typical sets, model's identifier

Ускорение темпов научно-технического прогресса оказывает сильное влияние на язык. Система языка призвана отражать непрерывно развивающуюся систему понятий: изменения в системе понятий приводят к изменению состояния системы языка, при этом может наступить нарушение ее равновесия. Система языка постоянно развивается и эволюционирует в борьбе противоположных тенденций. Одни из них направлены к изменению языкового механизма, другие – к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности [1]. Этот процесс постоянно протекает в отраслевых терминологиях.

Сложность современных научно-технических объектов и явлений влечет за собой сложный способ их наименования – многокомпонентные терминологические словосочетания, являющиеся по существу описаниями понятий, а не их знаками. Несмотря на точность, в практической деятельности такие обозначения неудобны и нерациональны, поскольку они противоречат прагматическому принципу коммуникации – максимум информации в минимум времени и нарушают коммуникативную адекватность номинативной единицы.

Для современного этапа развития отраслевых терминологий характерно стремление к

совершенствованию системы обозначений, к оптимизации номинативных средств. Система языка постоянно извлекает информацию об окружающей среде, адаптируется к ее изменениям путем реализации своих потенциальных, резервных возможностей. Под окружающей средой в данном случае имеется в виду научно-техническая сфера жизни общества, усложнение которой ставит перед терминосистемой необходимость изыскания новых средств выражения сложных понятий простым компактным способом.

Система языка реагирует на дисбаланс между номинативной и информативно-коммуникативной функциями, отыскивая возможности оптимизации их взаимодействия. Мощная внутренняя тенденция к устранению избыточности средств выражения реализуется в аббревиации.

Лингвистические исследования показывают значительный рост и широкое распространение аббревиации в международном масштабе. Аббревиация открывает новые перспективы целенаправленной деятельности по совершенствованию и систематизации отраслевых терминологий и эффективному моделированию структуры и семантики многокомпонентных терминов, выражающих сложные концепты.

Еще не так давно считалось, что аббревиатура появляется лишь спустя некоторое время после довольно продолжительного функционирования полной формы и существует в языке наряду с полной формой как ее особый эквивалент. Однако современные технологии развиваются так стремительно, что наименования с предопределенной высокой частотностью подвергаются аббревиации практически при своем возникновении.

Терминологические аббревиатуры – социофункциональные единицы, они создаются и используются отраслевыми специалистами на основе когнитивного моделирования концептуального терминологического поля определенной области знания [2, 3]. Для профессиональной реализации системы языка характерна актуальность, целесообразность и аналогичность выбираемых средств и способов номинации. Актуальность аббревиации определяется потребностью в наименовании новых понятий и объектов. Целесообразность заключается в создании предельно экономных и семантически емких номинативных единиц. Аналогичность выражается в тенденции к выработке типовых моделей.

Экономичность и удобство использования графических и лексических аббревиатур, особенно в профессиональной сфере и в Интернете очевидна. Но картина представляется неполной без выявления действия противоположной тенденции – стремления сохранить коммуникативную пригодность номинативных единиц. Парадокс заключается в том, что сокращение избыточности плана выражения увеличивает эффективность, но зато уменьшает надежность связи. Отсюда возникает задача определенного компромисса между находящимися в прямом противоречии требованиями: высокой эффективности, для которой необходимо сокращать объем сообщения, и высокой надежности, для которой этот объем необходимо увеличивать [4]. Это большая и сложная проблема, в решении которой пересекаются интересы специалистов разных областей – инженеров связи, акустиков, психологов, лингвистов.

Рационализация достигается посредством сокращения и универбации терминологических словосочетаний. При универбации имеет место синтаксическая и семантическая компрессия многокомпонентного словосочетания. Следует отметить, что компрессия – есть составная часть более широкого процесса преобразования сообщения – компандирования, включающего помимо компрессии также и экспандирование, то есть, возможно, более полное восстановление первоначального объема на основе содержащейся в компрессированном сигнале информации. Отсюда очевидно, что с точки зрения адресата выгоднее производить компрессию таким образом, чтобы на основе имеющихся в сокращении сведений об элиминированных частях было возможно их восстановление. Если адресат сможет выявить семантически ценные для себя элементы, то он будет в состоянии использовать свои фоновые знания для принятия правильного решения. Профессиональный опыт и тезаурус специалиста дает возможность, по соположенным структурным элементам

аббревиатуры, восстановить имплицитные семы и синтаксические отношения развернутого наименования, то есть реконструировать концепт и осмыслить его когнитивную модель [5].

Интересным и важным с практической и теоретической точки зрения является вопрос о морфологической структуре аббревиатур и опознаваемости составляющих фрагментов. Структурный анализ показывает, что одни из них состоят из инициалов, отдельных букв, в то время как в состав других аббревиатур входят усеченные фрагменты, части слов или слова, по которым можно сравнительно легко восстановить исходные элементы. Эти наблюдения свидетельствуют о постоянном столкновении тенденции к краткости, реализующейся в компрессии, и тенденции к семантической мотивированности, помогающей при экспандировании сокращенного сигнала.

Семантическая мотивированность аббревиатуры, использование легко опознаваемых фрагментов, сохраняет семантическую избыточность, обеспечивающую надежность восприятия. Экспериментально установлено, что семантическая избыточность повышает разборчивость. Под разборчивостью понимается отношение числа правильно принятых по каналу связи элементов речи (звуков, слогов, слов) к общему числу переданных элементов [6].

Объем непосредственной памяти человека обусловлен количеством отдельных символов, которые могут иметь различную степень информационной нагруженности. Длина последовательности символов составляет семь единиц плюс минус две. Следовательно, выгоднее кодировать запоминаемый материал символами, содержащими много информации [6]. Таким образом, оптимальным можно считать такой способ сокращения, при котором расшифровка полученной информации производится наиболее легко и безошибочно за счет семантически емких фрагментов. Этот принцип используется при создании серийных рядов сокращений, выражающих однопорядковые понятия. В таких рядах выделяется структурно-семантическая модель, знание которой облегчает восприятие аббревиатур.

Проблема опознаваемости фрагментов в составе аббревиатуры неразрывно связана с морфологической членимостью. При этом опознаваемость фрагмента зависит не только от степени усечения исходного слова, но и от частотности его использования. Так, например, контрактура **AN** от **Airman** регулярно используется при обозначении личного состава авиационной службы на авианосцах, что позволяет легко опознать этот элемент: **AMAN** – Aviation structural Mechanic, **Airman**, **AKAN** – Aviation storeKeeper **Airman**, **ABAN** – Aviation Boatswain's striker, **Airman** и др.

Построение аббревиатур по определенным образцам приводит к образованию рядов, включающих единицы однотипные по структуре и сходные по семантике. Такие ряды обычно возникают при номинации серии технических устройств или приборов, выполняющих одинаковую функцию, но отличающихся каким-либо конструктивным признаком или способом выполнения данной функции. Например, ряд аббревиатур, обозначающих серию исследовательских подводных аппаратов:

- URV** – Underwater Research Vehicle;
- PURV** – Powered Underwater Research Vehicle;
- CURV** – Cable-controlled Underwater Research Vehicle;
- SURV** – Standard Underwater Research Vehicle;
- SPURV** – Self-Propelled Underwater Research Vehicle.

Ряды однотипных аббревиатур имеют общую часть, выполняющую роль ономасиологического базиса /**URV** – Underwater Research Vehicle/, и дифференцирующие компоненты, выступающие в качестве ономасиологического признака /**S...** – Standard, **C...** – Cable-controlled, **P...** – Powered, **SP...** – Self-Propelled/.

Наблюдения за серийными рядами дают возможность анализа морфологической членимости аббревиатур и определения их способности к моделированию. Моделирующая способность, в отличие от конструктивно-комбинационных возможностей, понимается как тенденция к созданию серийных однотипных рядов аббревиатур, выражающих однопорядковые понятия.

Профессиональная реализация системы и структуры языка предполагает аналогичность при отборе средств и способов актуализации концепта. Ф. де Соссюр отмечал два аспекта аналогии: эволюционный и консервативный. С одной стороны, аналогия реализует возможность новообразований в языке, с другой – обеспечивает их регулярность.

Аббревиация основана на сознательном подражании образцу, будь то специфическая структурно-семантическая модель или общеупотребительное слово. Однако преднамеренность осуществляется под эгидой системы языка и не может быть произвольной. Давление системы языка суть не что иное, как проявление консервативного аспекта закона аналогии.

Вычленяемые структурно-семантические фрагменты имеют общее свойство регулярной повторяемости в серийных рядах аббревиатур, но большое разнообразие затрудняет определение их лингвистической сущности и единого статуса. В одних случаях в серийных рядах выделяются «осколки» морфем, например **LANT** от **AtLANTic** /**FAGLANT**, **USLANT**/, **PAC** от **PACific** /**DAPAC**, **FAGPAC**/, **IR** от **Infra-Red** /**IRAS**, **TIROS**/, **EM** от **ElectroMagnetic** /**EMER**, **EMPASS**/, **MIS** от **Management Information System** /**NOMIS**, **FAMIS**/, **SAR** от **Search And Rescue** /**SARCAP**, **SARDET**/, **LT** от **LighT** /**DELt**, **RALT**/, а также комплексы инициалов компонентов сложных слов, например, **IR** от **Infra-Red** /**IRAS**, **TIROS**/, **EM** от **ElectroMagnetic** /**EMER**, **EMPASS**/.

Общая опознаваемая часть ряда получила название «идентификатора модели» [7]. Идентификатор модели не морфема, а звуковой /или графический/ элемент, указывающий на общее значение. Идентификатор модели объединяет структурно-семантические фрагменты любого характера по их общей функции. Его можно считать элементом морфологического характера, поскольку идентификаторы модели отвечают признаку аффиксов – выделяются в серии однотипных аббревиатур.

По определению морфологической членимости слов однотипные по структуре аббревиатуры, образующие серийные ряды, можно отнести к дефектно-членимым словам, имея в виду, что идентификаторы модели выделяются благодаря их регулярной повторяемости в разном окружении с непротиворечивым значением. Возможность морфологической членимости дает основания поставить вопрос о выявлении в серийных рядах словообразовательного значения, которое характеризуется как:

- обобщенное, типизированное, свойственное ряду однотипно построенных слов;
- формально выраженное в ряду производных слов;
- классифицирующее, идентифицирующее значение.

В серийных рядах аббревиатур выделяется формальный идентификатор, являющийся носителем словообразовательного значения. Это общее значение структурно-семантической модели ряда, свойственное одновременно и каждому производному этого ряда. Наличие структурно-семантической модели играет регламентирующую роль.

Серийные ряды аббревиатур могут при необходимости дополняться единицами, создаваемыми уже по аналогии с моделью. Новые аббревиатуры конструируются, а существующие осмысливаются на основе образца, в данном случае структурно-семантической модели, закрепленной за рядом. Например, повторение в серийном ряду инициального комплекса **INS** / **Inertial Navigation System** / указывает на то, что в данном ряду объединены аббревиатуры, обозначающие различные инерциальные навигационные системы. По мере создания новых систем, ряд дополняется производными, образованными по имеющейся структурно-семантической модели:

- INS** – **Inertial Navigation System**;
- RINS** – **Radio Inertial Navigation System**;
- MINS** – **Miniature Inertial Navigation System**;
- SINS** – **Ship's Inertial Navigation System**;
- LINS** – **Lightweight Inertial Navigation System**;
- TAINS** – **TERCOM Aided Inertial Navigation System** и др.

Идентификатор модели облегчает практическое функционирование серийного ряда,

поскольку знание идентификатора способствует быстрому пониманию и отнесению даже незнакомой аббревиатуры к определенному ряду.

Кроме идентификаторов серийных рядов, образованных по определенной структурно-семантической модели, можно выделить аббревиатурные компоненты, регулярно повторяющиеся в различных по семантике единицах, но при этом удерживающие одно и то же значение. Наиболее частотными из них являются:

AUTO – **AUTO**matic /**AUTO**VON, **AUTO**DIN, **AUTO**PROPS/;
SUB – **SUB**marine /**SUB**AD, **SUB**CA, **SUB**IC, **SUB**TAG, **SUB**TRAP/;
AS – **Anti**Submarine /**ASC**AT, **ASD**IC, **AST**OR, **ASR**OC, **ASW**EPS/;
NAV – **NAV**al, **NAV**y /**NAV**CAP, **NAV**DOC, **NAV**LIS, **NAV**SEA, **NAV**SIT/;
LANT – **At**LANTic /**US**LANT, **FAG**LANT, **ACL**ANT/;
PAC – **PAC**ific /**DAP**AC, **FAG**PAC, **SWUP**AC/.

Подобные компоненты обычно представляют собой усеченные морфемы, легко опознаваемые в составе аббревиатуры.

Терминологи отмечают положительную роль моделирующей способности аббревиации. Однако, как ни заманчивы для отраслевых терминологий регулярные типизированные серии, естественный язык противостоит жесткой детерминированности. По нашим наблюдениям актуализация когнитивной модели при создании серийных рядов отмечается как тенденция, но, чаще всего, аббревиатуры являются единичными образованиями, копирующими узловые слова или обладающими уникальной структурой.

При обучении курсантов и адъюнктов работе с англоязычной литературой по специальности следует уделять внимание терминологическим аббревиатурам. Окказиональные сокращения обычно расшифровываются при первом упоминании объекта и далее функционируют как обычные слова. При переводе расшифровка должна быть тщательно разобрана и переведена. Необходимо также подобрать удачный эквивалент аббревиатуре. Если расшифровки в тексте нет, можно обратиться к соответствующему словарю. Возможно, данная аббревиатура уже стала частью профессиональной терминологии. Если при анализе большого массива текста, например монографии, встречается много сокращений, можно попытаться найти закономерности в их структуре, выделить морфологические элементы, имеющие семантическую нагрузку и декодировать словосочетание. Работа с аббревиатурами развивает наблюдательность и языковую догадку, стимулирует логическое мышление, расширяет кругозор и повышает общую эрудицию обучаемых.

Литература

1. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. С. 42, 46, 73.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17–33.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997.
4. Бонгард М.М. О понятии «полезная информация» // Проблемы кибернетики: сб.ст. Вып. 9. М., 1963. С.71–102.
5. Беляевская Е.Г. Понятие «когнитивная модель» в современной лингвистике // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 6: Языкознание. 1996. № 2. С. 10–18.
6. Зинченко В.П., Леонтьев А.Н., Панов Д.Ю. Проблемы инженерной психологии// Инженерная психология / отв. ред. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1964.
7. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. С.194–195.

КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГПС МЧС РОССИИ

В.Л. Зверев, кандидат исторических наук, доцент;

А.И. Петимко. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Анализируются сформированные в структуре личности пожарного компоненты психологической готовности, позволяющие эффективно осуществлять практическую деятельность. Особо выделен мотивационно-ценностный аспект, поскольку именно в нём отражаются и проявляются наиболее значимые характеристики психологической готовности к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность, профессиональная деятельность, боевая готовность, мотивационно-ценностный компонент, сотрудники ГПС МЧС России

COMPONENTS OF PSYCHOLOGICAL PREPAREDNESS FOR PROFESSIONAL WORK OF STAFF FIREFIGHTERS THE MINISTRY OF EMERGENCY OF RUSSIA

V.L. Zverev; A.I. Petimko. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

In the article generated in the structure of the individual fireman components of psychological preparedness to effectively carry out practical activities. Highlighted by motivational and evaluative dimension of psychological preparedness, because that in it are reflected and manifested the most important characteristics of psychological readiness for professional activities.

Key words: psychological readiness, professional work, alertness, motivational values component, staff firefighters the Ministry of Emergency of Russia

Успешное формирование профессионализма личности специалистов базируется на их готовности к труду. Ведущей составляющей готовности к профессиональной деятельности является психологическая готовность, которая понимается учеными как комплексное психологическое образование, как сплав функциональных, операциональных и личностных компонентов. «Психическое состояние, предстартовая активизация человека, включающая осознание человеком своих целей, оценку имеющихся условий, определение наиболее вероятных способов действия; прогнозирование мотивационных, волевых, интеллектуальных усилий, вероятности достижения результата, мобилизацию сил, самовнушение в достижении целей» [1, с. 164].

В зависимости от определения психологической готовности, различными авторами выделяются её структура и главные составляющие, строятся пути её формирования. Наиболее инвариантным по отношению к спектру профессий из обозначенных компонентов нам представляется мотивационный компонент.

Готовность к тому или иному виду деятельности представляет собой развитую систему убеждений, взглядов, отношений, мотивов, волевых и интеллектуальных качеств, знаний, навыков, умений, установок, настроенности на определенное поведение. Такая готовность достигается в ходе моральной, психологической, профессиональной и физической подготовки, является результатом всестороннего развития личности с учетом требований, предъявляемых особенностями деятельности. Актуальным является анализ

содержания и структуры психологической готовности к различным видам деятельности человека.

В литературе по общей, социальной, педагогической и возрастной психологии (Н.Д. Левитов, К.К. Платонов и др.) [2] встречаются толкования «готовности» как состояния и как качества личности. Н.Д. Левитов, отмечая, что термин «состояние» применяется в разных областях науки и практики, причем в различных значениях, выделяет психологическое состояние как готовность к действию. В психологии труда и инженерной психологии (М.И. Дьяченко, В.А. Пономаренко и др.) [3] накоплен большой материал о состоянии готовности к экстренным действиям. Представители космической психологии (Е.А. Лебедев и др.) [4] подчеркивают зависимость готовности от специальной и психологической подготовки, приобретенного опыта. В авиационной психологии ряд авторов (В.Л. Марищук, Б.Л. Покровский и др.) [5] рассматривают готовность как активное состояние, необходимое для качественного выполнения своих обязанностей.

Различные авторы по-разному именовали психологическую готовность. Ее обобщенные характеристики обозначались близкими, но не идентичными понятиями: бдительность, боеготовность, мобилизационная готовность, настроенность и «оперативный покой» (механизм которого опирается на подвижность «нервных приборов», обеспечивающих переход от «оперативного покоя» к срочному действию).

К.К. Платонов в выдвинутой им концепции о подструктурах личности, в структуре готовности выделяет три взаимосвязанные стороны: моральную готовность, психологическую и профессиональную [2]. Качества, определяющие *моральную* готовность, относятся автором к социально-обусловленной стороне личности, *психологическую* – к стороне, объединяющей индивидуальные особенности психических процессов, *профессиональную* – к опыту личности. «Излагаемая система частных понятий, входящих в понятие «формирование», требует анализа понятия «подготовка» – пишет К.К. Платонов [2, с. 236]. В наиболее широком и точном смысле подготовка – это доведение чего-то до состояния готовности, соответствия определенным требованиям. В пределах объема понятия «формирование личности» говорят о подготовке по той или иной специальности (что соответствует конкретным видам обучения), то есть о формировании второй подструктуры личности, о волевой подготовке (что соответствует формированию качеств воли в третьей подструктуре). Моральную подготовку понимают как формирование моральных качеств личности, входящих в первую подструктуру. Но в последнее время все чаще стали говорить о психологической подготовке либо к труду в целом в политехническом плане, либо к определенным видам труда или даже деятельности в строго определенных, в частности, в экстремальных условиях. В этом плане психологическая подготовка – это стойкая или временная активизация (то есть психологическая мобилизация) способностей личности к данному виду деятельности в определенных условиях. Заслуживает внимания рассмотренная К.К. Платоновым модель личности профессионала, так как уровень сформированности психологической готовности человека к деятельности во многом зависит от субъекта деятельности. Эта модель является эталоном, лежащим в основе иного отбора, и всегда подготовки, расстановки и воспитания кадров. Существует несколько видов моделей профессионализма, различаемых как по содержанию, так и по методу приобретения.

Несмотря на различия в конкретном толковании понятия готовности, большинство авторов придерживается мнения, что это особое психическое состояние. Вместе с тем, существует определение готовности как устойчивой характеристики личности. Ее называют по-разному: подготовленностью, длительной или устойчивой готовностью. Она действует постоянно, ее не надо каждый раз формировать в связи с поставленной задачей. Будучи заблаговременно сформированной, эта готовность – существенная предпосылка успешной деятельности.

Подчеркивая важность личностного подхода к изучению состояния готовности, К.К. Платонов выделяет в ней роль психических познавательных процессов, отражающих важнейшие стороны выполняемой деятельности, эмоциональных компонентов, которые

могут усиливать и ослаблять активность человека, волевых компонентов, способствующих совершению эффективных действий по достижению цели, а также мотивов поведения. Чем важнее мотив и чем лучше он представлен, тем скорее создаются более благоприятные условия для формирования готовности [2].

М.А. Котик в понятие «готовность» кроме устойчивых качеств индивида включает и ситуативные факторы трудовой задачи, по отношению к которым складывается такая готовность [6]. В его исследованиях готовности к риску отмечается, что с возрастом степень ее снижается, что у более опытных рабочих она ниже, чем у менее опытных, что у женщин готовность к риску реализуется при более определенных ожиданиях, нежели у мужчин. На готовность к риску существенно сказываются и характер трудовой деятельности и социальные факторы. В условиях группы она проявляется сильнее, чем при действиях в одиночку и т.д. [7]. Поэтому готовность к риску, по данным М.А. Котика [6], оказывается показателем, включающим в себя наряду с индивидуальными качествами также различные ситуативные факторы, вытекающие из реальных условий деятельности. Представляется конструктивным введение в исследовательский инструментарий понятия готовности к профессиональной деятельности, тогда целью образования будет формирование в процессе учёбы у обучаемого общей профессиональной готовности к деятельности.

Серьезным обобщением психологических исследований по проблеме готовности явилась монография М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича «Психологические проблемы готовности к деятельности» [8], в которой авторы рассматривали такие проблемные вопросы, как психологическое состояние, установка и готовность, деятельность и готовность, адаптация и готовность, психологические особенности готовности к некоторым видам деятельности.

Как видно из обзора литературы, понятие психологической готовности в современной психолого-педагогической литературе трактуется достаточно широко, поэтому необходима конкретизация этого понятия, выделение в нем значимых аспектов.

Психологическую готовность к профессиональной деятельности мы будем понимать как степень сформированности в структуре личности сотрудника ГПС мотивационно-ценностных компонентов, позволяющих субъекту эффективно осуществлять практическую деятельность. Конечно же, психологическая готовность к профессиональной деятельности включает в себя также и операциональный блок (степень освоения профессионально значимых знаний, умений и навыков), и индивидуально-типологические особенности человека (степень соответствия их профессии) и т.д. Но особо следует выделить мотивационно-ценностный аспект психологической готовности, поскольку именно в нём отражаются и проявляются наиболее значимые характеристики психологической готовности к профессиональной деятельности.

Доказано экспериментами и на практике, что экстремально-психологические факторы могут оказывать положительное влияние на психику профессионала-пожарного, если он хорошо подготовлен морально- и профессионально-психологически. Для его психической деятельности в экстремальных условиях характерны:

- обостренное чувство долга, ответственности и решимости, соединенное с желанием безусловно и качественно решать стоящие задачи;
- полная самомобилизованность, проявление всех сил и возможностей в ходе решения задач;
- боевое возбуждение (в пределах полезности), повышенная энергичность и активность, большая настойчивость и упорство в достижении целей;
- деятельностный максимализм, выраженный в страстном стремлении добиться результата (причем самого высокого и безусловного);
- повышенная бдительность, внимательность, наблюдательность, быстрая и четкая работа мысли;

- собранность и постоянная готовность к любым неожиданностям, к быстрым реакциям на изменение обстановки и возникновение опасности;
- устойчивость к временным неудачам и др. [9].

Определяя критерии готовности к профессиональной деятельности пожарного, мы считаем необходимым выделить и конкретизировать такую её разновидность, которая называется *боевой готовностью*. Это абсолютно логично и обосновано тем, что выполнение сотрудниками ГПС МЧС России своих служебных обязанностей регламентируется «Боевым уставом пожарной службы» и называется «боевыми действиями» [10].

А.М. Столяренко определяет *внутреннюю (психологическую) боевую готовность* как «Совокупность морально-психологических ... характеристик сотрудников, которые позволяют им в любой момент и в любой обстановке выполнять все возложенные на них функции» [11, с. 245]. Этот показатель реальной готовности действий сил и средств ГПС – готовности людей – самый важный и обеспечить его труднее всего. Внутреннюю боевую готовность А.М. Столяренко определяет как *целостное личностное проявление*. Обосновывая это тем, что все явления психики бывают *устойчивыми* (постоянно или длительно проявляющимися у данного человека) и *динамичными* (быстро меняющимися, то возникающими, то исчезающими). Они обнаруживаются и в психологической боевой готовности, разделяя все ее слагаемые на две основные группы: группу психологических слагаемых *предварительной* и группу психологических слагаемых *непосредственной* боевой готовности [12].

М.И. Марьин в качестве основных элементов психологической подготовленности рассматривает следующие компоненты [13]:

- *мотивационный* – гуманистическая направленность служебно-боевой деятельности; глубокое понимание и осознание государственного значения и важности выполняемых задач; гражданское мужество, принципиальность; сознательное стремление к преодолению трудностей;

- *эмоционально-волевой* – эмоциональная устойчивость к длительным напряженным нагрузкам; готовность к риску, опасности, вера в свои силы и в возможность оказания содействия со стороны сослуживцев; ответственность, самостоятельность и решительность при выполнении профессиональных задач;

- *когнитивный* – помехоустойчивость познавательных процессов, правильное представление о предстоящих трудностях, условиях, требованиях службы; умение правильно понимать и оценивать мотивы поведения товарищей и социально-психологические явления в коллективе; знание ухищрений, приемов, применяемых противоборствующей стороной;

- *регулятивный* – умение управлять своими эмоциями, снимать нервно-психическое напряжение и усталость; мобилизовываться на выполнение задач и поддержание высокой работоспособности; способность вызывать желательные психические состояния;

- *поведенческий (операционный)* – умение ориентироваться и адекватно вести себя в психологически сложной ситуации; адаптивность к изменяющимся условиям выполнения задач в экстремальных условиях; способность быстро анализировать и уверенно действовать при воздействии экстремальных стресс-факторов; внутренняя собранность, ответственность; уравновешенность, самооценка.

Поэтому так важно состояние боевой готовности («боевой настрой», «боевая внутренняя изготовленность»), имеющее по существу решающее значение. В идеале в обстановке возможного внезапного наступления критических событий желательно максимально приблизить психическое состояние сотрудника ГПС к боевому, высшему его уровню.

Литература

1. Современная психология: справочное руководство / отв. ред. В.Н. Дружинин. М., 1999. 215 с.
2. Платонов К.К. Психология ратного труда. М., 1960.
3. Пономаренко В.А. Психология духовного профессионализма. М., 1997.
4. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.
5. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Л., 1982.
6. Котик М.А. Психология и безопасность. Изд. 2-е, испр. и доп. Таллин: Валгус, 1987. 440 с.
7. Вайнер А.В. Групповая готовность к риску как социально-психологический фактор эффективности управленческих команд // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 34–43.
8. Дьяченко В.Ф., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. Минск, 1985.
9. Марьин М.И., Ловчан С.И., Леви М.В. Диагностика, профилактика и коррекция стрессовых расстройств среди сотрудников Государственной противопожарной службы МВД России: метод. пособ. М., 1999.
10. Об утверждении нормативных правовых актов в области организации деятельности Государственной противопожарной службы. // Боевой устав пожарной охраны (внесены изменения приказом МВД России от 6 мая 2000 г. № 477).
11. Прикладная юридическая психология: учеб. пособ. для вузов / под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
12. Столяренко А.М., Карпов В.С. Морально-психологическое обеспечение деятельности личного состава органов внутренних дел и внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах: учеб. пособие. М., 1998.
13. Марьин М.И., Мешалкин Е.А. Медико-психологические проблемы профессиональной деятельности пожарных: юбил. сб. тр. Всерос. науч.-исслед. ин-та противопож. обороны. М.: ВНИИПО МВД России, 1997. 523 с.

ПРОБЛЕМА НАКОПЛЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

В.В. Михайлова, кандидат педагогических наук;

В.А. Бойкова. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Предлагается новый подход в системе профессионального психологического отбора и сопровождения учебного процесса, использование теории сохранения ресурсов С. Хобфолла. При проведении профессионального психологического отбора следует опираться не на определение и отсеивание группы риска, а на выявление и последующее развитие в ходе сопровождения учебной деятельности потенциальных возможностей личности.

Ключевые слова: прогнозирование, сопровождение, профотбор, ресурсы личности, адаптация

THE PROBLEM OF ACCUMULATION OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES IN THE TRAINING OF RUSSIAN EMERGENCY MINISTRY

V.V. Mihailova; V.A. Boikova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Is proposed new approach in the system of professional psychological selection and tracking of the educational process, using the theory of conservation of resources C. Hobfolla. With conducting of professional psychological selection is not based on definition and dropout of the risk group, but for the

identification and the subsequent development in support of educational activities the potential of the individual.

Key words: prediction, the tracking, selection of profession, the resources of personality, the adaptation

Проблематика накопления психических ресурсов в процессе профессиональной подготовки сотрудников МЧС России связана в первую очередь с профессионализмом специалистов и руководителей, осуществляющих свою профессиональную деятельность в особых и экстремальных условиях. Описывать, предвосхищать возможные исходы в таких условиях не представляется возможным. В связи с этим особые требования предъявляются к профессионализму тех, чья работа сопряжена с большими нервно-психическими и энергетическими затратами, наличием непредвиденных ситуаций и высоким риском.

В настоящее время повышенное внимание уделяется анализу специфических условий деятельности, изучению действующих экстремальных факторов и их видов, характера их воздействия на субъекта.

Специфика деятельности и конкретные виды экстремальных факторов сильно влияют на содержание профессионально значимых качеств, специальных умений и навыков. Для формирования профессионализма необходимо создание резерва функциональных возможностей (знаний, умений, качеств, креативности и т.д.). Формирование резервных функциональных возможностей, по мнению А.А. Деркача, является главной задачей на всех этапах становления профессионализма [1].

Разработка, обоснование и применение системы прогнозирования и сопровождения успешности профессиональной или учебной деятельности – одна из основных прикладных задач в области психологии и педагогики профессиональной деятельности.

Прогнозирование успешности учебно-профессиональной деятельности сотрудников МЧС России зависит от степени развития у них ряда специфических профессионально значимых качеств (индивидуально-личностных особенностей, характеристик эмоциональной устойчивости, особенностей интеллектуальной и мотивационной сфер, показателей внимания, памяти, сенсомоторных функций и т.д.), а не только от общей и специальной подготовки специалиста [2]. На сегодняшний день нет отлаженной системы прогнозирования и сопровождения успешности профессиональной или учебной деятельности, а существует психологический профессиональный отбор для абитуриентов, поступающих в университет ГПС МЧС России, с помощью которого определяются группы кандидатов на учебу в вузе. По завершении профотбора на каждого составляется заключение «рекомендуется в первую очередь», «рекомендуется», «рекомендуется условно» и «не рекомендуется», что и является результатом проделанной работы.

Сегодняшний профотбор не нацелен определять ресурсные возможности абитуриентов, выделяется и отсеивается группа риска, то есть те кандидаты, которые по результатам социально-психологического изучения, психологического и психофизиологического обследования не соответствуют требованиям, предъявляемым к работе по специальности или к обучению в вузе, не допускаются к участию в конкурсе для зачисления в вуз [2].

Новые функциональные обязанности, смена социального окружения, принятие новой социальной роли – все это неизбежно связано с комплексным развитием и изменением психологических качеств, смысловой структуры, «Я-концепции» личности. Психологическое сопровождение процесса «вхождения» и становления в профессии пожарного должно рассматриваться как поэтапная, комплексная работа [3].

Основой успеха профессионального становления является своевременная адаптация, которая снижает нервно-психическое напряжение в новых условиях и обстоятельствах деятельности. Длительное пребывание в условиях нервно-психологического напряжения ведет к снижению умственной активности, гибкости межличностных отношений и соматическим нарушениям, а результатом нервно-психологического напряжения может быть стресс. Снижение умственной активности ведет к низкой учебной успеваемости, снижение

гибкости межличностных отношений ведет к нарушению воинской дисциплины, а соматические нарушения ведут к снижению уровня здоровья. Все вышеперечисленные пункты в той или иной мере оказывают влияние на возможность успешного овладения профессией.

Ресурсы определены условиями развития личности, как личностные объекты, личностные особенности, личностные энергии, которые оценены и признаны в себе как личные (индивидуальные) характеристики. Ресурсные возможности организма служат средствами развития новых и совершенствование уже имеющихся особенностей личности. Примерами ресурсов могут быть: мастерство, чувство собственного достоинства, изобретательность, социально-экономический статус и т.п. [4–6].

Нами предлагается новый подход к оценочной системе проведения профессионального психологического отбора, который заключается в том, чтобы направить внимание не на выявление группы риска, а на определение у кандидатов на службу в МЧС России личностных, интеллектуальных, физиологических ресурсных возможностей организма, с помощью которых, в процессе профессионального обучения и постоянного психологического сопровождения. Благодаря этому появляется возможность подготовить и сформировать максимально адаптированного профессионального офицера. Еще один из важных аспектов данного подхода – это обучение человека пользоваться собственными возможностями организма, так как много проблем возникает из-за банального «не знания себя».

Внешние (окружающие) обстоятельства часто угрожают ресурсам или вызывают истощение ресурсов людей. Начальная стадия профессионального становления личности является угрозой сохранности ресурсной базы личности. Неправильное использование возможностей (ресурсов) собственной личности ведет к перерасходу и, возможно, к потере ресурса, а как следствие, плохие адаптивные возможности, слабая учебная успеваемость и т.д., угрожают статусу человека, положению, экономической стабильности, любимым занятиям или чувству собственного достоинства.

Известный американский психолог Г. Селье обосновал существование трех стадий процесса, названного им общим адаптационным синдромом. Стадия тревоги возникает при первом появлении стрессора. В течение короткого периода снижается уровень резистентности организма, нарушаются некоторые соматические и вегетативные функции. Затем организм мобилизует резервы и включает механизмы саморегуляции защитных процессов. Стадия резистентности (сопротивления) наступает в случае продолжительного воздействия стрессора и необходимости поддержания защитных реакций организма. Происходит сбалансированное расходование адаптационных резервов на фоне адекватного внешним условиям напряжения функциональных систем. Стадия истощения отражает нарушение механизмов регуляции защитно-приспособительных механизмов, борьбы организма с чрезмерно интенсивным и длительным воздействием стрессоров. Адаптационные резервы существенно уменьшаются. Сопротивляемость организма снижается, следствием чего могут стать не только функциональные нарушения, но и морфологические изменения в организме [7, 8].

Основной принцип модели сохранения ресурсов – то, что люди стремятся сохранить, защитить, построить и накопить ресурсы и то, что угрожает им, является потенциальной или фактической потерей этих оцененных ресурсов. [9].

Согласно модели сохранению ресурса, если люди в настоящее время не столкнулись со стрессорами, то они стремятся развить «излишки» ресурса, для того чтобы возместить их возможные будущие потери. Это явление изучалось под заголовком «напористого стиля». Когда люди получают «излишки» ресурса, они, испытывают положительные эмоциональные состояния, как показывают обзоры исследований личных и социальных ресурсов [10]. Напротив, когда люди не владеют информацией о ресурсных возможностях собственного организма, они особенно уязвимы [11]. Такие люди склонны к самозащитным стилям поведения, что предотвращает потерю ресурсов.

Люди могут также обогатить свои ресурсы, инвестируя в другие ресурсы, например, когда люди помогают друзьям или родным. Такие инвестиции ресурсов нацелены на долгосрочную перспективу по накоплению и сохранению ресурсов [12].

Контроль за нервно-психическим напряжением и физическим здоровьем, выявление и качественная оценка развития профессионально важных качеств личности, несомненно, поможет улучшить профессионально-психологический отбор и сопровождение учебного процесса.

Литература

1. Деркач А., Зазыкин В. Акмеология. СПб.: Питер, 2003. 234 с.
2. Методическое руководство по профессиональному психологическому отбору в системе МЧС России / сост. М.М. Бобровницкая, О.Ю. Голубева, Т.Н. Коняева, Ю.С. Шойгу. М., 2006.
3. Самонов А.П. Формирование социально-психологической устойчивости пожарного подразделения. Пермь, 1999.
4. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медицина, 1960, 254. с.
5. Селье Г. На уровне целого организма. М.: Наука, 1972. 122 с.
6. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1965.
7. Rosenbanm M., Smira K.B. Cognitive and personality factors in the delay of gratification of hemodialysis patients // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. С. 357–364.
8. Worden J.W., Sobel H.J. Ego strength and psychosocial adaptation to cancer // Psychosomatic Medicine. 1978. С. 585–592.
9. Hobfoll S.E. The ecology of stress. Washington DC: Hemisphere, 1988.
10. Cohen S., Edwards J.R. (in press). Personality characteristics as moderators of the relationship between stress and disorder. In R.W.J. Neufeld (Ed.), Advances in the investigation of psychological stress. New-York: Wiley. 1988.
11. Dodge D.L., Martin W.T. Social stress and chronic illness. / University of Notre Dame. IN: University of Notre Dame Press. 1970.
12. Rappaport J. In praise of paradox: A social policy of empowerment over prevention // American Journal of Community Psychology. 1981. 51. С. 770–778.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРАНСОВОМ ПОЛЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

**Б.Б. Тангиев, кандидат технических наук, кандидат юридических наук,
профессор. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России.**

И.В. Курис, кандидат педагогических наук, профессор.

Международный университет фундаментального образования

Излагается проблема защиты от энергоинформационных воздействий (ЭИВ) психогенного характера, которая является важной составляющей экологической безопасности. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с предупреждением чрезвычайных экологических ситуаций, вызванных ЭИВ, которые тесно переплетаются с проблемами трансперсональной психологии. Это достаточно новое направление психологии, изучающее и исследующее так называемые измененные состояния, а также позитивные и негативные стороны возможного воздействия на человека в трансовом состоянии.

Ключевые слова: экологическая безопасность, энергоинформационная безопасность, трансперсональная психология, транс, измененные и расширенные состояния сознания

PROBLEM OF LIFE SAFETY IN TRANCE STATE UNDER THE INFLUENCE OF ENERGOINFORMATIONAL EXPOSURE

B.B. Tangiev. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia.
I.V. Kuris.

In the present publication the important component of ecological safety, the problem of defence of psychogenic energoinformational influence is set forth. Special attention is given to the questions connected with the prevention of extremal ecological situations provoked by EIV which are closely interwoven with the transpersonal psychology. This is quite new direction of psychology, it studies and examines so called altered states, as far as the positive and negative sides of possible influence upon the person in trance.

Key words: ecological safety, ergo-informational safety, transpersonal psychology, trance, altered and broadened states of mind

Вопросы экологической безопасности всегда были и будут актуальными, поскольку они непосредственно касаются жизнедеятельности человека. Любая безопасность предполагает как возможность преступлений, так и их предупреждение. Экологическая безопасность включает в себя огромное количество направлений, которые имеют вполне проявленную форму, а совершаемое криминогенное действие имеет конкретно выраженный и доказуемый характер. Например, загрязнение окружающей среды, браконьерство и т.д. Вместе с тем, на сегодняшний день существует особая группа преступлений психогенного характера, направленных против экологической безопасности общества, основанная на воздействии на сознание человека. Они носят специфический характер и не имеют на первый взгляд выраженных негативных воздействий. С одной стороны, их можно отнести к преступлениям против жизни и здоровья конкретного человека, с другой – их трудно рассматривать как преступления, поскольку они трудно доказуемы. Например, воздействие токов высокой чистоты, аппаратная и неаппаратная суггестия и т.д., то есть, речь идет об энергоинформационных воздействиях различного уровня и вида, результатом которых является неконтролируемый транс. Человек, не готовый к этому состоянию, не теряя при этом своей адекватности, чувствует себя крайне некомфортно и в физическом и психологическом отношении.

В этом контексте особое значение приобретают, на наш взгляд, три фактора: первый – касается вопроса *изучения* энергоинформационных воздействий на человека и возможности предупреждения их негативных последствий на физическое здоровье и, что особенно важно, на психику человека. Второй – касается вопросов *сохранения* психического и физического здоровья людей, непосредственно связанных с ЭИВ. В их число безусловно входят работники МЧС, прежде всего, психологи и психотерапевты, в чьи функции входит оказание помощи пострадавшим, психика которых бывает серьезно нарушена. Данная тема может представлять интерес для работников МЧС еще и потому, что их деятельность нередко сопровождается неконтролируемым выходом и пребыванием в измененных состояниях сознания ИСС в силу особенностей самой профессии. Поэтому, третьим фактором является необходимость обучения расширению границ контроля в трансе и управлению (даже частичному) этим состоянием. Несмотря на наличие многочисленных специальных программ подготовки сотрудников МЧС, подразделений спецназа и т.п., именно это направление никогда не рассматривалось в качестве самостоятельного, хотя, на наш взгляд, это совершенно необходимо.

Овладение такими навыками и умениями является не только одной из возможностей защиты от ЭИВ, но и, способствуя сохранению здоровья, значительно расширяет границы психофизической устойчивости. Здесь особую значимость приобретают специфические техники быстрого восстановления, профилактика синдрома выгорания, а также интегральные технологии, способствующие расширению границ психофизической устойчивости в ИСС. Основанные на обучении релаксации, сосредоточению внимания, управлению дыханием и т.д. они позитивно воздействуют на психофизическое состояние

человека, с одной стороны, и обучают *контролируемому* трансу, обладающему целым рядом положительных эффектов – с другой. Управление своими состояниями, способность к быстрому восстановлению, выход на эвристические решения в чрезвычайных ситуациях, способность не поддаваться внешним энергоинформационным воздействиям – качества, характеризующие уровень профессионализма работников МЧС. Эти качества нужны людям и в повседневной жизни. Здесь тоже хватает стрессовых ситуаций, которые иногда исподволь, а иногда стремительно разрушают психическое и физическое здоровье человека. Под угрозу ставится здоровье общества и, в конечном счете, здоровье нации, здоровье человечества.

Одной из главных причин стрессового состояния является низкий уровень релаксации. Но именно этот фактор резко снижает уровень осознанности, и, как результат, неспособность к управлению психоэмоциональной сферой, резкому снижению защитных возможностей организма. У человека может возникать ничем не оправданная агрессия. Это состояние неадекватности, может быть даже, аффекта. А отсюда – один шаг либо собственно к преступлению, либо к возможности воздействия на его сознание, которое априори является экологическим преступлением. (Именно на этом основано управление многочисленными сектами и, так называемыми, «партиями борьбы» с нередко придуманными врагами).

Контролируемый транс основан на релаксации: физической, эмоциональной и ментальной. Но релаксация – это не просто расслабление, это обучение осознанию, это развитие способности человека управлять (хотя бы частично) процессами возбуждения и торможения коры больших полушарий головного мозга.

В определенной степени этими вопросами занимается трансперсональная психология (от «транс» – выход за пределы обыденного сознания). Здесь уже накоплен определенный потенциал знаний и умений. Правда, далеко не все изучалось и апробировалось в системе МЧС. И, кроме того, многочисленные исследования, которые проводили и проводятся во всем мире, не только закрыты, но и имеют своей целью изучить и усилить методы воздействия на сознание как отдельных индивидуумов, так и общества в целом. Поэтому, перед энтузиастами трансперсональной психологии сразу возникают два основных вопроса.

Развитие возможностей взаимодействия с тонким планом, с одной стороны, (выход на внерациональное знание, прозрение, мистический опыт и т.д.), и укрепление психофизической структуры, увеличение защитных сил организма, куда, естественно, вписывается и защита от энергоинформационных воздействий – с другой. То есть, мы опять возвращаемся к проблеме экологической безопасности, которая, имея в данном контексте свою локализацию, не снижает значимость проблемы в целом.

Защита от энергоинформационных воздействий связана с рядом факторов, главными из которых являются:

- ЭИВ внутри биологического объекта;
- ЭИВ между объектом и окружающей средой (рис.1).

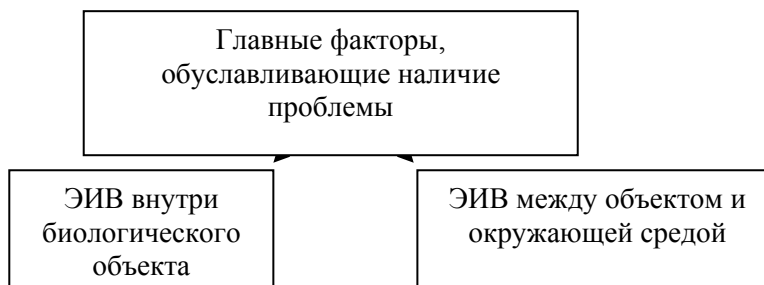


Рис. 1. Главные факторы, обуславливающие наличие проблемы

Эти взаимодействия объединены рядом факторов, которые можно рассматривать как прямые и опосредованные.

К факторам прямого воздействия мы относим:

- уровень энергетического потенциала;

– уровень концентрации внимания.

К факторам опосредованного воздействия мы относим:

– чистоту получаемой информации (речь идет о, так называемом, внерациональном знании, на которое способен выйти человек в определенном (трансвом, измененном) состоянии сознания;

– способность организма пропустить через себя определенное количество энергии без ущерба для здоровья;

– грамотную интерпретацию полученной информации.

Все эти факторы связаны с понятием релаксации, без которой невозможен выход в *транс*, как состояние, характеризующееся частичным контролем сознания. Человек осознанно действует, но при этом он как бы выходит за пределы осознанности своего физического тела. (Состояние, которое хорошо знают спортсмены высокого уровня).

Древние тексты свидетельствуют о множестве приёмов достижения измененного состояния сознания: как эзотерических – внутренних (осознанных), так и экзотерических – приёмов внешнего воздействия, к которым относятся музыка, запах, определенная последовательность гласных и согласных, игра с цветом, светом, ритмом и т.д.[1–3].

Транс входит в круг терминологии трансперсональной психологии (ТПП), поэтому есть смысл коротко рассмотреть базовые понятия (рис.2–4).

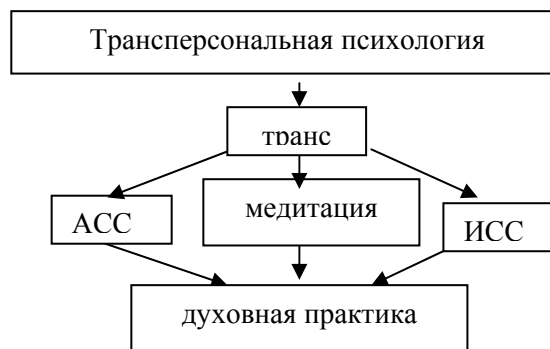


Рис. 2. Круг понятий трансперсональной психологии

Термин «*Трансперсональная психология*» сравнительно недавно вошел в понятийный аппарат психологии. Термин «трансперсональное» априори подразумевает выход за пределы обыденности. Слово «трансперсональное» происходит от латинских «транс» что означает «сквозь» и «через» и «персона» – «маска». Контекстуально оно связано с «Измененным состоянием сознания» (ИСС). Трансперсональная психология рассматривает их четыре вида: подсознание и бессознательное; надсознание и сверхсознание (рис.3)

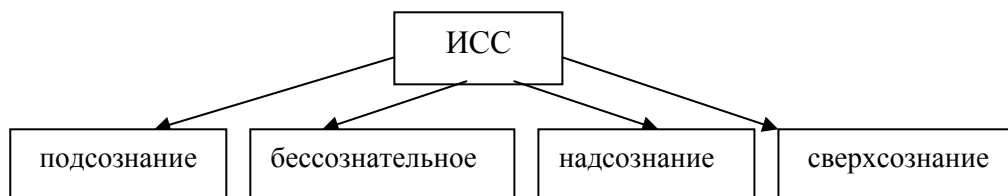


Рис. 3. Виды измененных состояний сознания

На современном этапе основные работы по исследованию ИСС развиваются в пределах трансперсональной парадигмы. Она была заложена к началу 1970-х годов А. Маслоу, С. Грофом и др. в рамках гуманистической психологии, а затем быстро распространилась на другие разделы науки о человеке [4, 5].

Измененное (или расширенное) состояние сознания (ИСС) достигается при помощи различных медитативных практик. ИСС противопоставляется привычному для современного человека рациональному, «обычному» состоянию сознания, то есть вписанности в реальный мир, являющийся неотъемлемой частью социума.

Транс является промежуточным состоянием между релаксацией и медитацией, который можно рассматривать как трамплин для выхода в энергоинформационное пространство [6–8]. В транс при определенном уровне релаксации присутствует частичный контроль сознания. Поэтому, транс может наблюдаться и в условно обыденном состоянии сознания, и при высоких физических и эмоциональных нагрузках, и при погруженности внимания во что-либо. Обычно он характеризуется внешними и внутренними признаками. К внешним относится: рассеянный, расфокусированный взгляд, в некоторых случаях – раскоординированность движений, неспособность к адекватному восприятию, определенная погруженность в себя. Наиболее подробно эти состояния описаны в литературе, посвященной практикам йоги - тибетской, идуистской; шаманским техникам, а также буддийским практикам, индейским, африканским и т.д. (Н.В. Абаев, 1989; Ж.Ш. Болен, 2001; Т.М. Буякас, 1995; И.Л. Виленский, 1994; И.А. Воронов, 1998; С.Г. Гагонин, 1997; Голдман, 1993 и мн. др.) [9].

Транс, как и релаксация, может сопровождаться различными тактильными ощущениями: волнообразными, импульсными, ощущением тяжести и тепла, или наоборот, отсутствием тяжести, вплоть до чувства растворения в пространстве, потери чувства гравитации и мн. др. Как состояние, транс может быть приятным, или неприятным. Возможно поэтому, некоторые люди опасаются этого состояния. Как правило, у них очень низкий уровень релаксации.

Работа в трансовых состояниях сознания имеет свои специфические особенности и является естественным продолжением релаксации и переходным состоянием к медитации. Именно этот блок состояний *«релаксация – транс – медитация»* является основой психорегуляции и, как результат, её исцеляющего эффекта. Он основан на снятии мышечного напряжения, благодаря чему происходит высвобождение энергии, затрачиваемой на напряжение как психоэмоциональное, так и мышечное. Поэтому, трансовые состояния нередко обозначают как ресурсные, способствующие психофизическому оздоровлению и духовному исцелению.

Трансперсональные практики и технологии необычайно разнообразны, так же как и выход в трансовое состояние. В этом контексте хотелось бы коротко остановиться на работе с телом, а именно на психотелесной практике, которая очень отличается от обычной физической подготовки, ценность которой ни в коем случае не умалается. Она включает целый ряд психофизических упражнений, которые, помимо физического воздействия, активно влияют на психоэмоциональную и ментальную сферы, расширяют релаксационные возможности – *способность управлять процессами возбуждения и торможения коры больших полушарий*. При этом инструментарий, включенный в содержание технологий, уже сам по себе является тонким информационным методом и формой воздействия на организм человека. В одном случае – это волновая структура движения, соответствующая спиноторсионной теории поля и лежащая в основе методики целостного движения; в других – йогический подход к движению, интегрирующий, помимо собственно двигательного действия, процессы релаксации и концентрации внимания, ведущих к осознанию; в-третьих – использование древних эзотерических практик. [2, 10–12].

Это дает возможность выходить на глубинные структуры психики в ИСС при работе с ИСС. Речь идет о другом уровне восприятия, чувствования, другом, иррациональном уровне Знания. Об этом свидетельствуют результаты экспериментальных исследований (автореферат докторской диссертации А.С. Захаревича, 2002; А.Г. Саракул и В.П. Сущенко 2005; автореферат докторской диссертации И. Курис, 2010 и др).

Принцип целостности

Понятия «целостный подход», «целостная личность» использовались давно разными направлениями и школами психологии. Эта идея лежит в основе представлений о мире практически всех древних культур и цивилизаций, что нашло яркое отражение в мифах и легендах (А.Ф. Лосев 1968; Э.Б. Тайлор, 1975; Д. Кэмпбелл, 1993; М. Элиаде, 2000; К.Г. Юнг, 1991 и мн. др.), и в настоящее время подтверждается результатами научных исследований в самых разных областях. Впервые концепция недвойственности или целостности мира нашла свое выражение в вероятностной модели бессознательного, предложенной российскими учеными В.В. Налимовым и Ж.А. Дрогалиной. Этими учеными был введен также термин «целостность» (неделимость). Они исходили из того, что *сознание человека погружено в семантическую (психическую) реальность, не охватываемую современным естествознанием* и считали, что: бессознательное целостно, хотя имеет множество проявлений на логическом уровне; что эти проявления можно описать, введя представления о многомерности семантического пространства; что семантические поля связаны не только с каждым конкретным человеком, но сопричастны всему человечеству, что приводит к существованию единого семантического поля Вселенной (рис.4).

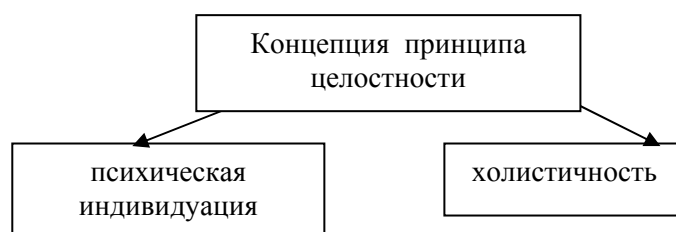


Рис. 4. Концепция принципа целостности

Успешность процесса индивидуации (по К. Юнгу, 1994) [12], включающему самопознание, восстановление психической целостности, определяет психическое здоровье и полноценность личности, потенциал ее общественной значимости и возможность самореализации, как конечной цели [6]. *С точки зрения энергоинформационного обмена – это состояние можно ассоциировать с полной гармонией или энергетической сбалансированностью, которую можно достичь с помощью различных методов релаксации. Именно эта сбалансированность и обеспечивает защиту, поскольку не возникает резонанса на ЭИВ* [13, 14]. В этом контексте возникает естественный вопрос о возможностях достижения этого состояния методами и способами, которые отвечают следующим требованиям:

- укрепляют психофизическую структуру человека;
- способствуют сохранению его психической целостности;
- обеспечивают локальную экологическую безопасность, связанную с возможным воздействием психогенных факторов;
- обучают психофизической регуляции, как инструменту оздоровительно-развивающего воздействия;
- обеспечивают, в конечном счете, экологическую безопасность в целом.

Этим условиям в полной мере отвечает инструментарий трансперсональной психологии [14, 15].

Энергоинформационный аспект трансперсональных практик

Трансперсональные психотехнологии, и в особенности измененное состояние сознания (ИСС) невозможно исследовать без понимания энергоинформационного аспекта этой практики. Особую значимость он приобретает в работе с глубинными областями психики, которая сопровождается выходом на архетипы. (Понятие *архетипа* – основа

трансперсональных техник). Являясь интроспективными по своей сути, они выполняют очень важную роль: возвращения к себе в процессе трансового погружения. Это могут быть как дыхательные сессии (С. Гроф – работа с перинатальными матрицами, Л. Опп и т.д., так и телесно-ориентированные и психотелесные практики). Юнгиановская психотерапия, связанная с идеей коллективного бессознательного – не что иное, как выход в энергоинформационное поле с последующим «включением». Даже З. Фрейд, основатель классического психоанализа, возможно, не предполагая важности именно этой стороны своих исследований, ввел понятие «психической энергии», как некоей силы [11], которая является базовой составляющей биоэнергии человека. А его представление о либидо – это представление, прежде всего, о жизненной энергии, характеризующей состояние инстинктивного центра (*свадхистханы и муладхары*), отвечающего за жизнедеятельность организма на биологическом уровне.

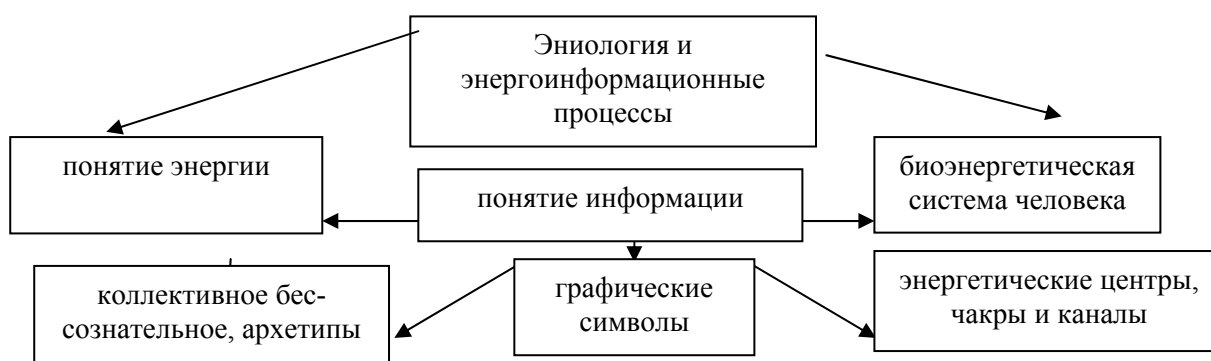


Рис. 5. Круг понятий, связанных с энергоинформационными процессами

Понятие «биоэнергии», «тонкие» или «непроявленные планы» связано с биоэнергетической структурой человека, которая, по древним представлениям является Микрокосмом, как отражением Макрокосма. Чакры и энергетические каналы, как составляющие биоэнергетической и психоэнергетической структуры человека представляют собой проекции тонкого тела на организм человека. Они имеют выраженную локализацию и соответствуют как определенным частям физического тела, так и внутренним органам, расположенным в этих областях. В психотелесных трансперсональных практиках на этом основан подбор упражнений. В частности, эти соответствия лежат в основе принципов подбора ПФУ для психофизической регуляции, как основе защиты от ЭИВ в трансовом опыте [14, 16].

Вне зависимости от того, какие физические и биофизические теории лежат в основе энергоинформационной теории поля, для нас важно то, что оно существует, что мы имеем возможность ощущать и наблюдать его в достаточно разных формах и видах. На основе этого подхода создаются новые парадигмы мира, имеющие свое развитие практически во всех видах деятельности. Из современных отечественных ученых в этом направлении работают такие известные физики, признанные авторитеты как В.Н. Волченко, Г.Н. Дульнев, авторы концепции торсионной теории поля А.Е. Акимов[17] и Шипов, создатель системы газоразрядной визуализации К.Г. Коротков и мн. др. В содружестве с учеными разных направлений создаются новые технологии (эниотехнологии), позволяющие гармонично сочетать психическую и физическую деятельность, не допуская опасности для общества. В этом отношении мы получили невероятно широкие возможности, так как имеющийся понятийный аппарат эниологии позволяет с одной стороны успешно интегрировать в практике различные виды деятельности, а с другой – развивать этот аппарат дальше, основываясь как на апробированной информации, так и на пионерских разработках

(М.Ю. Лимонад, 1997) [18]. Ему (М.Ю. Лимонаду) принадлежит создание и введение в действие стандартов Системы нормативных документов по энергоинформационному благополучию населения. В рамках данного сообщения мы считаем необходимым коротко процитировать ряд базовых понятий, которые были сформулированы в его докторской диссертации (2000 г.).

Энергия – фундаментальная способность материи изменять свое состояние, в том числе участвовать в движении и взаимодействиях; главные разновидности или формы энергии: механическая, тепловая, электромагнитная, химическая, гравитационная, ядерная...

«...явления энергоинформационные – явления в природе и обществе, представляющие собой комплексное (сочетанное) проявление фундаментальных свойств материи:

Первое свойство образует категорию «энергия» и проявляется в виде силовых физических полей всех видов и описывается обычно как мера движения.

Второе свойство образует категорию «информация» и выражается в способности проявляться и получать сведения о себе и внешнем мире в форме сигнальных взаимодействий. Описывается как количество информационных знаковых или смысловых единиц (квантов) при их качественной оценке.

Информация – фундаментальная способность материи обнаруживать себя. Прикладное толкование термина подразумевает комплекс сигналов, способный восприниматься как смысловое сообщение.

Особенностью такого комплексного проявления энергии и информации является свойство вещественного мира сочетать в себе и в своем окружении вещество – высокоплотную материю и низкоплотные материальные (тонкоматериальные) образования. Взаимодействие таких низкоплотных образований и образует множество энергоинформационных явлений. В их число входят феноменальные, не нашедшие пока убедительного научного обоснования, но достоверно обнаруженные и используемые в практике или же ставшие предметом ряда выводов жизнедеятельности.

В пространство энергоинформационного поля включен целый ряд факторов, определяющих психическое и физическое здоровье; потенциал её общественной значимости и возможность самореализации [18]. От чисто физического самочувствия до высших уровней сознания и выхода в информационные структуры; раскрытия необычных способностей с возможностью их последующей реализации. бота.

Систематизация ЭИВ позволяет выделить: *техногенные, природные, психогенные* и т.д. Коротко каждое из них можно определить следующим образом:

– *Техногенные* – вызываются различными причинами техногенного характера, диапазон которых очень широк. В качестве примера можно привести приборы СВЧ или психотронные генераторы. Они оказывают ярко выраженное воздействие и на пространство и на психофизическое состояние людей.

– *Природные* – глобальные процессы, происходящие в природе, на планете, в Космосе. (В том числе, и зоны негативного воздействия – геопатогенные и зоны позитивного воздействия – солютерогенные).

– *Психогенные* – вызываются причинами, происходящими как в обществе, в социуме, так и в межличностных отношениях на разных уровнях взаимодействий. К психогенным ЭИВ фактически можно отнести все, что действует на психику. А оно может быть как химическое (техногенное), так и психоэнергетическое, составной частью которого являются манипуляция сознанием и ментальное давление.

Фактически, *любое воздействие* является энергоинформационным, независимо от его природы, поэтому вопрос защиты является очень острым.

Итогом интегрального трансперсонального воздействия является повышение адаптивных возможностей человека в любой сфере его жизнедеятельности, то есть, достижение психической индивидуации, представляющей собой совокупность психического, физического и духовного. С позиции энергоинформационного обмена защита – это та же

смена доминанты, которая заключается в расширении рамок психофизической, ментальной и эмоциональной устойчивости, что означает:

- высокий уровень концентрации внимания;
- высокий уровень релаксационных возможностей;
- осознанное управление своей биоэнергетической структурой;
- создание гармоничного, энергетически сбалансированного пространства (внутреннего и внешнего).

Сбалансированность между всеми составляющими обеспечивает собственно защиту от ЭИВ.

Заключение

Наряду с уже принятыми законами об экологической безопасности, отсутствуют законы, отражающие право человека на энергоинформационную безопасность, хотя вопрос об этом поднимался в нескольких комитетах Московской Думы еще в 1996 году.

Безусловно, возникает много вопросов, которые необходимо исследовать. Принятие закона в рамках экокriminalологии, касающегося защиты сознания, требует его рассмотрения с самых различных сторон. И в МЧС, и в МВД, и в самых элитных войсках работают люди. Именно о них нужно думать, прежде всего. Именно они призваны защищать общество, предотвращать и ликвидировать последствия ЧС, подвергаясь при этом различным рискам и нагрузкам. Но любое исследование требует ресурсов: и финансирования, и экспериментальной базы, и крайне важного условия: обеспечения безопасности жизнедеятельности. И здесь новые направления науки, в том числе и имеющие междисциплинарный характер должны только приветствоваться. Будет полезно для всего общества, если им будет обеспечиваться «зеленая улица». И тогда целый ряд преступлений, связанных с экологической безопасностью будет предупрежден.

Литература

1. Славнов С.В. Изменённые состояния сознания - культурный феномен и проблема психологии // Парапсихология. 1994. № 2. С. 21–22.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политич. литературы, 1989. 573 с.
3. Элиаде М. Архаические техники экстаза. К.: София., 2000. 480 с.
4. Дульнев Г.Н. В поисках нового мира. ИД «Весь», СПб., 2004. 286 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. М.: Питер. 2003.
6. Курис И.В. Исследование воздействия релаксационной пластики как метода взаимодействия с энергоинформационным полем // Парапсихология. 1994. № 2. С. 14–17.
7. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 288 с.
8. Сопов В.Ф., Сопова М.В. Быстрое достижение медитативного транса // Новые подходы к психорегуляции в спорте. М., 1994. С. 71.
9. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами. С.270.
10. Тезисы IV Международного конгресса по биоэлектрографии. СПб., 2000. С. 36–37.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
12. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного 1991.
13. Гроф. За пределами мозга. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.
14. Курис И.В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени Гранд-доктора философии. СПб., 2010. 94 с.
15. Козлов В., Майков В. Основы трансперсональной психологии. Изд-во Трансперсонального ин-та. М., 2000.
16. Курис. И.В. Основные понятия трансперсональной психологии. СПб., 2003. С. 55–63.
17. Акимов А.Е. Сознание и физический мир. М.: Агентство «Яхтсмен», 1995. С. 69.
18. Лимонад М.Ю., Цыганов А.И. Живые поля архитектуры: монография. Обнинск: Изд-во «Титул», 1997. 204 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

РОЛЬ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ В ИЗУЧЕНИИ КУРСА «УСТОЙЧИВОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ»

**В.Т. Аверьянов, кандидат военных наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Анализируются вопросы теории и практики различных видов задач в педагогической литературе и их классификация. Сформулированы требования к построению системы профессиональных заданий к курсу «Устойчивость функционирования объектов экономики в чрезвычайных ситуациях».

Ключевые слова: классификация и типы прикладных задач

ROLE OF APPLIED PROBLEMS DURING TRAINING STABILITY OF FUNCTIONING OF OBJECTS OF ECONOMY IN EXTREME SITUATIONS

V.T. Averianov. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Questions of the theory and practice of various kinds of problems in the pedagogical literature and their classification are analyzed. Requirements to construction of system of professional tasks to a rate «Stability of functioning of objects of economy in extreme situations » are formulated.

Key words: classification and types of applied problems

Одним из важных направлений осуществления профессиональной направленности инженерной подготовки студентов пожарно-технических вузов МЧС России является обучение решению задач с профессиональным содержанием. Такое обучение может быть успешным при условии систематичности в организации учебного процесса, при иллюстрации изучаемого курса «Устойчивость функционирования объектов экономики в чрезвычайных ситуациях» с математическим аппаратом на всех этапах процесса обучения через задачи как важного средства их применения при изучении общетехнических и специальных дисциплин в будущей деятельности специалиста пожарно-технического профиля.

В связи с этим предлагается обратиться к рассмотрению вопросов теории и практики различных видов задач в педагогической литературе. Отметим, что единого понимания сущности задачи нет, и подходы к ее определению различны. В дидактике часто используется определение Ю.М. Колягина, согласно которому «Задача является понятием, которое отражает определенное взаимоотношение субъекта с внешним миром (объектом)» [1].

В.И. Крупич считает, что задача – это диалектическая взаимосвязь субъективной и

объективной информации, в которой выделены внешнее строение, то есть информационная структура, определяющая степень типологии задачи, и внутреннее устройство задачи – внутренняя структура, определяющая способ ее решения [2].

Каждое из приведенных определений имеет свою педагогическую ценность. Анализ исследований, посвященных классификации задач, показывает, что существуют различные подходы к построению типологий задач. В соответствии с дидактическим назначением В.А. Онищук рассматривает задачи, применяемые для:

- 1) актуализации опорных знаний (подготовительные);
- 2) усвоения знаний (вводные);
- 3) первичного применения знаний (пробные);
- 4) овладения навыками в стандартных условиях (тренировочные);
- 5) творческого переноса знаний и навыков (творческие);
- 6) контроля, коррекции и оценки навыков и умений (контрольные) [3].

Близкой к типологии В.А. Онищук является классификация задач В.А. Гусева [4, 5], предполагающая овладение студентами методами научного познания:

- задачи и вопросы, ответы на которые учат делать выводы («учись делать выводы»);
- задачи для самоконтроля («ищи причину вывода»): решая их, нужно не только получать следствие из условия задачи, но и выяснить причину появления этого следствия;
- стандартные задачи – наиболее простые задачи; без умения их решать нельзя получить положительную оценку;
- учебные задачи – самая многочисленная группа задач, которые придется решать в аудитории и дома. Эти задачи позволяют усвоить новый теоретический материал и перейти к решению более сложных задач;
- творческие задачи. К ним относятся задачи, которые не удастся решить стандартными методами; для их решения нужно выдвинуть некоторую новую идею;
- исследовательские задания. Для своего решения они требуют значительных усилий. Такие задания не могут полностью решаться в аудитории, они предполагают работу дома, возможно, даже не одного, а нескольких студентов.

Исходя из структуры учебно-познавательной деятельности, Г.И. Саранцев предложил следующую группу задач:

- стимулирующие учебно-познавательную деятельность;
- задачи, в процессе выполнения которых осуществляется контроль и самоконтроль эффективности учебно-познавательной деятельности [6].

Все рассмотренные классификации носят общий характер и не учитывают уровни познавательной активности. Поэтому в данной статье предлагается классификация задач, основанная на воспроизводящем, интерпретирующем и творческом уровнях познавательной активности.

К задачам *первого уровня* целесообразно отнести задачи, которые можно называть вводными. При их выполнении познавательная активность находится всецело в рамках воспроизводящей деятельности (репродуктивный уровень познавательной активности). Студент действует по образцу, подробной инструкции, а иногда согласно алгоритмическому предписанию, он сверяет свои действия с теми, которые предложены преподавателем или другим студентом и которые необходимы для решения данной задачи. Образцом может служить задание, выполненное на доске, записанное в учебном пособии. Изучаемые понятия усваиваются как на уровне воспроизведения, так и на уровне распознавания в простых, стандартных ситуациях. Это необходимый этап на пути формирования умений выполнять более сложные задания.

При выполнении задач *второго уровня* – это главным образом прикладные задачи

пожарно-технического профиля, познавательная самостоятельность студентов находится на уровне действия в измененных ситуациях, где требуется применить имеющиеся знания в новых условиях (частично-поисковый уровень познавательной активности). При этом основным материалом, адекватным соответствующей деятельности, являются полуэвристические задания. Заметим, что эвристические задания предполагают, что преподаватель умело поставленными вопросами не дает студентам прямого ответа, а ставит их в такое положение, когда они сами приходят к новым выводам. В отличие от них полуэвристические задания допускают оказание некоторой помощи педагога. При выполнении этого типа задач происходит закрепление изучаемых понятий, формируются способы их применения в различных ситуациях. При анализе каждой задачи студенты устанавливают то общее, что объединяет их решение, а также подводят способы действий по выполнению задания под выделенное общее правило.

Исследования и опыт показывают, что решение прикладных задач второго уровня повышает такие качества, как осознанность, конкретность и обобщенность, готовит студентов к выполнению творческих проектов, к решению эвристических задач.

К *третьему уровню* можно отнести *творческие* задачи прикладного характера, включая творческие проекты, направленные на поиск новых идей, новых методов решения. Основным материалом для заданий данного типа являются эвристические задачи, при решении которых студент должен хорошо осознавать конечный результат, примеряя его к условию, обнаружить недостающие элементы и связи между ними. Важная роль здесь отводится глубокому анализу условия и требования задачи. Нужно выявить понятия, используемые в задаче, запомнить их определение или признаки, в результате увидеть те связи, которые помогут правильно определить ориентировочную основу действий по нахождению плана решения.

Самостоятельное решение задач третьего уровня способствует повышению таких важных качеств знаний, как глубина и осознанность. В результате их выполнения студенты овладевают элементами творчества, учатся ориентироваться в сложных ситуациях, овладевают эвристическими приемами, способствующими переходу от воспроизводящей деятельности к творческой.

Таким перечнем задач, например, могут быть следующие:

- прогнозирование степени и объемов разрушений инженерно-технического комплекса объекта экономики при аварийном взрыве;
- прогнозирование ожидаемых доз облучения персонала объекта экономики за первые 10 суток с момента начала аварии с выбросом радиоактивных веществ для выбора мер радиационной защиты людей;
- определение возможных потерь персонала объекта экономики при химическом заражении;
- определение материального и экономического ущерба на объекте экономики при аварийном взрыве;
- прогнозирование инженерной и пожарной обстановки при применении современных средств поражения и т.п. [6].

Все типы задач можно рассматривать как взаимодействующие, взаимопроникающие компоненты сложной системы. При этом такая система, согласно научным исследованиям [7, 8], должна обладать свойством целостности. Объект, названный этим термином, будет действительно таковым, если выполняются следующие условия: данный объект находится в единстве со всеми основными компонентами процесса обучения: мотивационным, содержательным, методическим, контрольно-оценочным; в данном объекте учтен весь круг проблем, связанных с выполнением профессиональных заданий.

Для того, чтобы система профессиональных заданий (СПЗ) к курсу «Устойчивость

функционирования объектов экономики в чрезвычайных ситуациях», предназначенная для будущих специалистов пожарно-технического профиля, была целостной, предлагается ряд сформулированных требований к ее построению:

1. Органичность включения СПЗ в процесс обучения вузовскому курсу «Устойчивость функционирования объектов экономики в чрезвычайных ситуациях».
2. Мотивационная направленность СПЗ на создание внутренних побуждений к учению.
3. Обеспеченность плавного перехода от одного уровня к другому, более сложному уровню профессиональных задач.
4. Направленность СПЗ на реализацию современных образовательных технологий с учетом ориентации на формирование компетентности инженера пожарной безопасности.

Таким образом, предлагаемая классификация задач и требования к системе профессиональных заданий является основой для создания учебно-методического комплекса, построенного на основе целостной системы профессиональных заданий инженерного содержания.

Литература

1. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. I. Обучение математике через задачи и обучение решению задач. М.: Просвещение, 1997. 144 с.
2. Крупич В.И. Теоретические основы обучения решению школьных математических задач. М.: Прометей, 1995. 210 с.
3. Онищук В.А. Урок в современной школе. М.: Просвещение, 1981. 191 с.
4. Гусев В.А. Сборник задач по геометрии. 5–9 кл.: учеб. пособ. для общеобразоват. учреждений. М.: Изд-ий дом «ОНИКС 21 век»; Изд-во «Мир и образование», 2005. 480 с.
5. Гусев В.А., Орлов В.В., Панчишина В.А. и др. Методика обучения геометрии: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. М.: Изд-кий центр «Академия». 386 с.
6. Аверьянов В.Т. и др. Прогнозирование устойчивости функционирования объектов отраслей экономики в чрезвычайных ситуациях: учеб. пособ. / под общ. ред. В.С. Артамонова. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-т ГПС МЧС России, 2011. 250 с.
7. Саранцев Г.И. Упражнения в обучении математике. М.: Просвещение, 1995. 240 с.
8. Александрова Е.В. Профессиональная направленность обучения теории вероятностей и математической статистике студентов сельскохозяйственного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2005. 147 с.

ВНЕАУДИТОРНАЯ (САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ) РАБОТА – БАЗИСНЫЙ ЭЛЕМЕНТ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ (СТУДЕНТОВ)

**Е.Г. Филимонова, кандидат экономических наук.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Рассматриваются возможные методы организации самостоятельной работы курсантов высшего учебного заведения с целью их наиболее полной самореализации.

Ключевые слова: внеаудиторная самостоятельная работа курсантов, раскрытие научного потенциала, методы организации

EXTRACURRICULAR (INDEPENDENT WORKS) – MAIN COMPONENT OF SELF CADETS (STUDENTS)

E.G. Filimonova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

This article discusses the possible methods of organizing the independent work of cadets of higher educational establishments with a view to their fullest self-realization.

Key words: independent work of cadets, disclosure of the scientific potential of cadets, methods of organizing

Эффективность процесса обучения в высшей школе, как и любого процесса обучения, принято оценивать соотношением трудовых затрат преподавателя с глубиной усвоения учебного предмета обучаемым. В рамках аудиторного времени, отведенного на изучение конкретного курса, курсантам не всегда удается постичь все нюансы учебного материала. Поэтому немалую роль играет самостоятельная работа учащихся, их активность, умение и стремление к самоорганизации.

В соответствии с Положением об организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов, самостоятельная работа студентов (курсантов) – это планируемая учебная, учебно-исследовательская, научно-исследовательская работа студентов, выполняемая во внеаудиторное время по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Целью самостоятельной работы является овладение фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками деятельности по профилю, опытом творческой, исследовательской деятельности. Самостоятельная работа обучаемых способствует развитию самостоятельности, ответственности и организованности, творческого подхода к решению проблем учебного и профессионального уровня [1].

В условиях перехода на государственные стандарты третьего поколения, внедрение которых предполагает формирование у будущих профессионалов определенного набора компетенций, в рамках высшей школы происходит пересмотр всех составных частей системы образования. Новые требования выдвигаются к формам и организации образовательного процесса, к качественным характеристикам преподавательского состава и учебно-методическому обеспечению. Особое место в новом образовательном пространстве занимает внеаудиторная работа студентов (курсантов), которая включает в себя учебную, исследовательскую деятельность, творчество во всем его разнообразии, благотворительную, социальную, общественную работу, все виды деятельности, которые должны сформировать из вчерашнего школьника активного гражданина и компетентного профессионала. Значение внеаудиторной работы возрастает в условиях информационного общества, быстрого устаревания информации, когда навыки и готовность к профессиональному самообразованию стали неотъемлемым признаком специалиста любой отрасли. В современной российской образовательной системе меняется сложившееся соотношение аудиторных занятий и самостоятельной работы 1:1, в сторону увеличения, следуя за практикой европейских стран, участниц Болонского процесса, где отмечается устойчивая тенденция снижения общего времени на чтение лекций и повышения времени самостоятельной работы студентов. В среднем оно составляет 1:3. Именно такое, трёхкратное превышение времени на самостоятельную работу студентов по сравнению с лекционной формой занятий считается наиболее эффективным для улучшения качества подготовки специалистов [2].

При подготовке будущих специалистов одной из задач является научить студентов (курсантов) самостоятельно, систематически и планомерно повышать уровень своих знаний как в процессе обучения, так и в ходе последующей профессиональной деятельности. Это необходимо для быстрой и правильной ориентации в складывающейся социально-

экономической и политической обстановке, для умелого применения полученных знаний на практике.

Акцент на развитие самостоятельности и творческих возможностей учащихся в процессе обучения требует творческого подхода к методике преподавания. Традиционные способы образования уходят в прошлое. Авторитарный стиль преподавания, до последнего времени господствующий в наших вузах, не способствовал развитию самостоятельности у обучаемых. Суть нового подхода к образовательному процессу – отношение к человеку как высшей ценности, развитие его творческого потенциала.

Структурно самостоятельную работу можно разделить на две части:

1) организуемая преподавателем в рамках выполнения учебного плана и 2) работа, выходящая за пределы освоения учебной программы, выполнение студентами творческих и проектных заданий для участия в конкурсах, олимпиадах, конференциях. К первому виду можно отнести:

- подготовку к семинарам и практическим занятиям;
- написание контрольных, рефератов;
- проработку дополнительных тем, не вошедших в лекционный материал, но обязательных, согласно учебной программе, дисциплин;
- конспектирование научных статей и монографий;
- подготовку к проблемным лекциям;
- проработку пройденных лекционных материалов по конспекту лекций, учебникам и пособиям на основании вопросов, подготовленных преподавателем;
- подготовку к промежуточному, рубежному и итоговому контролю;
- выполнение курсовых проектов (работ) и подготовку к их защите;
- подготовку группового отчета или презентации, написание эссе и глоссария и другие виды работы в соответствии с имеющимися типами и формами самостоятельной работы студентов;
- исследовательские задания на период учебной, производственной и преддипломной практики.

Самостоятельная работа студентов вне учебного плана еще более разнообразна и во многом зависит от инициативности деканата и кафедр, информированности студентов и их желания участвовать во внеучебных мероприятиях, умения преподавателей стимулировать такого рода деятельность. К наиболее распространенным видам внеаудиторной учебной и исследовательской работы можно отнести:

- подготовку научных докладов и статей для участия в научно-практических конференциях;
- разработку проектов на всероссийские, региональные, межвузовские конкурсы и олимпиады;
- подготовку аналитических материалов тематических презентаций для выступления на научных семинарах, круглых столах, молодежных форумах и т.д. [3].

В контексте обсуждения самостоятельной работы представляется весьма актуальной и проблема компьютеризации процесса обучения. Так, компьютерная база законодательства и компьютеризированный библиотечный каталог, установленные на кафедре, предоставляют возможность экономить время по поиску необходимого источника, делать копии нормативных актов для последующей самостоятельной работы, составлять библиографические списки источников для написания контрольных, курсовых и дипломных работ.

Таким образом, обладая возможностью заранее изучить необходимый материал и подготовиться к занятиям, курсанты более активно вступают в дискуссию, обоснованно и аргументированно ведут диалог, анализируют ситуации, отстаивают свою позицию на занятии.

Активные методы позволяют повысить ответственность каждого участника за его личное образование, сделать процесс обучения более индивидуально-ориентированным. В

ходе их проведения студент не только усваивает уже имеющуюся информацию, но и получает новые знания, самостоятельно решает предлагаемые задания, развивает логическое мышление и практические навыки, формирует готовность к будущей практической деятельности [4].

Одним из таких методов является дискуссия, которая направлена на решение сложных проблем на основе обсуждения совместного опыта. Дискуссия позволяет студентам научиться отстаивать свою точку зрения при взаимодействии друг с другом и с преподавателем. В нашей работе она используется в том случае, когда на проблему следует посмотреть с разных сторон перед принятием решения. Формы дискуссии – разнообразны: от управляемой дискуссии (основная и активная роль отводится преподавателю), публичной дискуссии (без активного участия преподавателя) до дискуссии в подгруппах.

Попытка использования такого дискуссионного метода обучения как дебаты предпринимается нами совсем недавно и весьма осторожно. Многие учащиеся не имеют достаточного уровня критического мышления и навыков активной коммуникации, необходимых для отстаивания своих взглядов. В плане овладения методикой организации дебатов предстоит многому научиться и нам – преподавателям. Любая дискуссия должна быть заранее спланирована и продумана. А курсантам должны быть заранее поставлены задачи, чтобы они смогли самостоятельно подготовиться к грамотной аргументации, подобрать наиболее удачный фактический материал, определить роли и т.д.

В процессе занятий, организованных в дискуссионной форме, осуществляется проверка и закрепление знаний, полученных на лекции и в ходе самостоятельного изучения литературы, разрешаются неясные вопросы, систематизируется разрозненная информация. Здесь идет процесс воспитания правовой культуры обучаемого, формируется его умение логически и аргументировано излагать свои мысли, вырабатываются навыки оперирования юридическими терминами, пользования нормативными правовыми актами. Поскольку способности проявляются, изменяются и развиваются в деятельности, то и задача преподавателя заключается в том, чтобы организовать построение такой деятельности студентов, в процессе которой развивались бы их способности. Решению названных задач соответствует игровая форма обучения [5].

Обучение в игре осуществляется посредством собственной деятельности студентов, носящей характер особого вида практики, в процессе которой усваивается 90 % информации. В частности, для контроля усвоения терминологии по изучаемой теме можно организовать игру-практикум «Узнай термин».

Ряд практических занятий необходимо организовывать в виде деловых игр, когда студентам предлагается в искусственно созданных условиях, имитирующих реальную обстановку, закрепить полученные знания, приобрести навыки для предстоящей практики.

Для преподавателей может представлять интерес и такая форма закрепления и проверки знаний, как организация работы студентов по правилу «Знаешь сам – научи другого». Именно обучение других способствует усвоению материала на 90 %. Самостоятельное преподавание требует от студентов организации мыслей, способности быстро соображать, развития навыков выступления перед публикой. Они разрабатывают тщательные планы занятий, которые проводятся с применением интерактивных методов преподавания (ролевые игры, имитации судебных процессов, решение конкретных ситуаций).

Наиболее интересным из активных методов обучения является метод проекта. По определению проект – это совокупность определенных действий, документов, предварительных текстов, замысел для создания реального объекта, предмета, создания разного рода теоретического продукта. Это всегда творческая деятельность.

Под методом проектов понимается система обучения, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе самостоятельного планирования и выполнения

постепенно усложняющихся практических заданий - проектов. «Я знаю, для чего мне надо все, что я познаю. Я знаю, где и как я могу это применить» – вот основной тезис современного понимания метода проектов [2].

Основные требования к использованию метода проектов:

- 1) наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы/задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения;
- 2) практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов;
- 3) самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся;
- 4) определение конечных целей совместных/индивидуальных проектов;
- 5) определение базовых знаний из различных областей, необходимых для работы над проектом;
- 6) структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов);
- 7) использование исследовательских методов:
 - определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования;
 - выдвижение гипотезы их решения, обсуждение методов исследования;
 - оформление конечных результатов;
 - анализ полученных данных;
 - подведение итогов, корректировка, выводы [6].

Весьма перспективным представляется разработка одного большого задания коллективом из нескольких учащихся, поскольку такой подход прививает навыки коллективного творчества. Совместная подготовка проекта подразумевает распределение ролей и оценку трудоемкости отдельных работ. Курсанты легче приобретают знания, лучше понимают те процессы, которые изучают. Они учатся отстаивать свою точку зрения, участвовать в общих дискуссиях.

Особую актуальность разработка проектов приобретает при изучении экономических дисциплин. Предметом исследования может стать эффективность функционирования или управления конкретного объекта.

В рамках проектного обучения наиболее приемлемым видом являются творческие проекты, которые предполагают максимальную степень свободы учащихся. Они не имеют заранее определенной и проработанной структуры. Преподаватель определяет лишь общие параметры проекта и указывает оптимальные пути решения поставленных задач. Необходимым условием выполнения творческих проектов является четкая постановка планируемого результата, значимого для учащихся. При этом предполагается интенсивная работа студентов с первоисточниками, с документами и материалами, зачастую не содержащими готовых ответов. Творческие проекты предполагают максимальную активизацию познавательной деятельности студентов, способствуют эффективной выработке навыков первоначальной обработки информации, работы с документами, умений обобщать и интегрировать полученную информацию.

Реализация творческих проектов позволяет максимально раскрыть творческие возможности студентов и стимулировать их научно-исследовательскую работу [5]. При этом взаимодействие между студентами и преподавателем в ходе разработки проекта может осуществляться как непосредственно в аудиторное время, так и с использованием off-line и on-line технологий.

В заключение хотелось бы отметить, что самостоятельная работа является одной из важнейших составляющих учебного процесса, в которой происходит формирование компетенций, устойчивого интереса к выбранной профессии, ясного представления себя и своих полномочий в будущей деятельности, без которых невозможна подготовка компетентного и мотивированного профессионала.

Литература

1. Положение об организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов. [Электронный ресурс] URL: http://www.cspu.ru/norm/pol_samost_rabota_studentov.html (дата обращения 09.11.2010).
2. Аванесов В.С., Барбер Г.М., Брусенина Н.Д. Новые формы организации самостоятельной работы студентов: доклад подготовлен к юбилейной науч. конф. МГМСУ (апрель 2005 г.). [Электронный ресурс] URL: <http://testolog.narod.ru> (дата обращения 17.01.2011).
3. Хомутова О.Ю. Внеаудиторная работа студентов как важный элемент формирования компетенций будущего управленца. Государственное управление // Электронный вестник. № 25. декабрь 2010 г.
4. Горб В. Методологические основы проектирования стандартов профессиональной подготовки // Государственная служба. 2009. № 3. С. 39–44.
5. Смышляева Л., Пшеничникова Т. Компетентностный подход к формированию профессионализма муниципальных служащих // Государственная служба. 2009. № 2. С. 38–41.
6. Активные методы обучения. [Электронный ресурс] URL: <http://users.kpi.kharkov.ua/~lre/bde/rus/cde/activeM.htm> (дата обращения 09.11.2010).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ СУГГЕСТОПЕДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

**Н.Г. Винокурова, доктор педагогических наук, профессор;
Н.Е. Аланичева. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Предлагается разработанная авторами профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения иностранному языку, основанная на принципах профессионального суггестопедического метода, которая позволяет в сжатые сроки сформировать профессионально-ориентированную коммуникативную компетентность и повысить уровень владения иностранным языком.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, суггестопедическая модель, принципы профессионально-ориентированной суггестопедической системы

VOCATIONALLY-ORIENTATED SUGGESTOPEDIAN MODEL OF FOREIGN LANGUAGES' TRAINING

N.G. Vinokurova; N.E. Alanicheva. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

In the article a vocationally-orientated suggestopedian model of foreign languages' training is represented. It is based on principles of vocationally-orientated suggestopedian method, which allows to make a vocationally-orientated communicative competence. It provides training intensification and improves the quality of education.

Key words: vocationally-orientated suggestopedian model, suggestopedian principles, communicative competence

В концепции профессиональной подготовки специалистов МЧС России дисциплина «иностраный язык» занимает место в ряду общественных и гуманитарных наук и является обязательным компонентом, призванным подготовить учащихся к работе с информацией на иностранном языке, международным контактам, активному использованию иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Реализуя идеи компетентностного подхода в современном образовании, обучаемые должны овладевать коммуникативной компетенцией, которая состоит из языкового, лингвистического, социолингвистического, дискурсивного, стратегического, социокультурного, прагматического, социального и профессионального компонентов [1]. Однако, принимая во внимание специфику профессиональной подготовки специалистов МЧС, иностранный язык должен быть использован также как средство обучения, способное сформировать профессиональные качества и умения курсантов и обеспечивать тем самым воспитательный эффект. Ускоренный воспитательный эффект, необходимый для формирования личности специалиста МЧС, может быть выражен в:

- 1) приучении личности к глобальному мышлению, то есть к умению видеть смысловую целостность одновременно с умением видеть в элементах их место в целом;
- 2) повышение мотивации курсантов к непрерывному образованию;
- 3) естественном приучении личности к самоконтролю;
- 4) раскрытии и развитии всесторонних резервов личности в ходе учебного процесса [2].

Выпускник, овладевая иностранным языком в соответствии с программными требованиями, должен быть готов к использованию иностранного языка в своей будущей профессиональной деятельности. Профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция является субкомпонентом коммуникативной компетенции и может быть успешно реализована в процессе обучения на основе применения суггестопедической системы.

Разработанная нами профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения в рамках суггестопедической системы позволяет осуществлять ускоренное усвоение большого количества материала на творческом уровне с использованием дисциплины «иностраный язык» в качестве средства обучения, формирующего профессиональные качества и умения специалистов МЧС России. Метод суггестопедии относится к методам интенсивного обучения, а именно оно приобретает сейчас все большую значимость, когда в связи с предстоящей олимпиадой в Сочи 2014 встает вопрос об ускоренной подготовке в сжатые сроки большого числа сотрудников силовых структур, владеющих английским языком.

Суггестопедическая система представляет собой дидактическую педагогическую систему с жёстко фиксированным алгоритмом приёмов, способов обучения, организацией учебного процесса, а также с детально разработанным содержанием обучения, ориентированным на конечный результат на базе системного и компетентностного подходов [3].

Для организации учебного процесса и учебного материала в рамках суггестопедической системы и внедрения ее в образовательный процесс в университете ГПС МЧС России была разработана профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения. Данная модель построена на основе личностно-ориентированного, деятельностного, компетентностного подходов, опирается на теорию речевой деятельности Л.С. Выгодского, теорию деятельности А.Н. Леонтьева и основана на таких общедидактических принципах, как научность, доступность, гуманизация. Сущность суггестопедического метода составляют три принципа: принцип радости и ненапряженности, принцип суггестивной взаимосвязи «учитель-учащийся» и единства «осознаваемое-неосознаваемое» [2]. Данные принципы в целом позволяют активизировать и регулировать активность внимания, воображения, осмысления, логического анализа, обобщения, синтеза, ассоциативной и логической памяти и способствуют формированию лёгкости и свободы обучения, преодоления дидактических барьеров и затруднений.

В основе профессионально-ориентированной суггестопедической системы лежат следующие принципы:

1. Принцип реализации резервных возможностей личности, способностей и творческого потенциала обучающегося и коллектива в целом.

Послесеансовая фаза насыщена постановками разнообразных умственных задач, проблемных речевых ситуаций, насыщенных элементами внезапности, требующих от курсантов инициативы, высокой скорости мышления, активной работы мысли и напряжения ума и воли. Правильно организованная конкуренция между группами в классе, сформированная система взаимопомощи и корпоративного взаимодействия внутри группы, корпоративные навыки, взаимопомощь, соревнование, чувство гордости за успехи, связанное с овладением данным предметом в рамках суггестопедического учебного процесса формируют достаточно активную систему мотивации к изучению дисциплины «иностранный язык» и позволяет достичь конечных целей обучения, совершенствуя при этом профессиональную подготовку будущих сотрудников ГПС МЧС России.

2. Принцип индивидуального подхода к личности обучаемого, базирующийся на технологиях сотрудничества и партнерства преподавателя и курсантов, позволяет активизировать мотивацию к познавательной деятельности и обеспечить духовно-нравственное подкрепление любознательности и формированию механизмов самоконтроля, а также переводить усвоенные знания в область практической деятельности, компетентности. При реализации этого принципа между преподавателем и обучающимся образуется психологическая взаимосвязь («авторитет-инфантилизация»), привычная для курсантов модель общения с преподавателем, но эту взаимосвязь не следует понимать как диктат или форму подавления обучающегося. Надо рассматривать доверие к авторитету преподавателя [2].

3. Принцип интенсификации иноязычного профессионального общения – предполагает возможность подачи расширенного профессионально-значимого материала в сжатые сроки. При использовании данной модели обучения появляется возможность усвоения объема лексики 30-ти часового курса около 500 лексических единиц. Обязательным условием является разработка суггестопедического учебного пособия, в котором языковой и речевой материал отобраны и построены в соответствии с основными критериями суггестопедического курса. Усвоение же расширенного профессионально-значимого материала становится возможным благодаря методике активизации ассоциативной памяти на уровне сверхзапоминания или гипермнезии и её применения в обучении. Однако для достижения формирования профессиональной компетенции, необходима активизация логической памяти, которая обеспечивается системой умственных операций, непосредственно связанных с интеллектом. Это процессы обобщения, анализа и синтеза и др. Сочетание этих двух видов памяти, плюс навыки рекомбинации, получаемые на занятиях, формируют креативность сотрудников МЧС.

4. Принцип профессиональной межпредметной интеграции заключается в том, что дисциплина «иностранный язык» является компонентом профессиональной подготовки сотрудников МЧС и отбор содержания обучения должен проходить в соответствии с рабочими учебными планами специальностей.

5. Принцип перехода общее – частное – общее заключается в специфике организации учебного процесса согласно модели овладения профессиональным иноязычным общением синтез – анализ – практика.

Профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения, построенная на данных принципах, позволяет создать уникальные условия для развития влечения к обучению и достижения конечных целей обучения.

Данная модель построена на дидакторельефе, предложенным Г.К.Лозановым, который представляет собой жесткий алгоритм различных типов уроков (называемых в дальнейшем сеансами), циклически осваиваемый до достижения конечных целей обучения, а именно, творческого воспроизведения усвоенного материала. Суггестопедический цикл реализует дозу учебного материала, называемую макроциклом, и отработку входящих в его

состав микроциклов, то есть тематических диалогов, отрабатываемых на основе шести различных типов сеансов:

- сеанс ввода информации;
- активный сеанс;
- концертный сеанс;
- первичная разработка;
- вторичная разработка;
- этюдная разработка.

Любой цикл начинается с сеанса запоминания, включающего ввод информации (досеансовую фазу), активный и концертный сеансы (сеансовая фаза). Конечная цель *сеанса запоминания* – ознакомление и поэтапное усвоение на уровне репродуктивного воспроизводства учебного материала всего цикла [3]. Рассмотрим более подробно компоненты сеанса запоминания.

Профессионально-ориентированная суггестопедическая модель обучения

Фаза	Досеансовая (формирование)	Сеансовая (развитие)	Послесеансовая (совершенствование)
Цель	Формирование профориентированных речевых навыков	Формирование профессиональных коммуникативных умений	Формирование профессиональных автоматизированных речевых и коммуникативных навыков
Этап деятельности	С- синтез Профессионально-ориентированное учебное речевое общение	А- анализ Профессиональное учебное общение	Р- практика Профессиональное коммуникативное общение
Вид РД	Аудирование говорение	Аудирование говорение чтение	Аудирование говорение письмо
Речевые действия	А) <i>устный вводный курс</i> (присвоение профессионально-значимой роли каждому курсанту), вводная беседа, детальный устный разбор 4-х тематических диалогов. Б) <i>досеансовая работа</i> детально прочитываются диалоги по тематике изучаемой специальности, представленные в устном вводном курсе, с переводом текста фраза за фразой, лингвистическими и грамматическими пояснениями и хоровое проговаривание его отдельных частей	А) <i>активный сеанс</i> Курсанты слушают новый текст, читаемый и переводимый фраза за фразой преподавателем со специфической интонацией и визуально следят за текстом, повторяя про себя его фразы во время паузы на иностранном языке. Б) <i>концертный сеанс</i> - прослушивание того же текста, читаемого преподавателем (с переводом на родной язык или без него) с эмоциональностью и артистизмом, на фоне специально подобранной музыки, не следя за текстом. Фаза активного отдыха, состояние псевдопассивности	А) <i>первичная разработка</i> Репродукция пройденного материала через проблемные ситуации, диалоги, игры, конкурсы и т.д. Б) <i>вторичная разработка</i> Слушание, чтение и разработка новых текстов на основе монологической речи, в которых пройденные лексические единицы и грамматические категории преподносятся в новых комбинациях. В) <i>этюды</i> Свободное профессиональное общение на материале пройденных текстов

Дидактической задачей сеанса ввода является ознакомление учащихся с содержанием учебного материала, который предстоит запомнить. Ему предшествует краткий устный вводный курс, направленный на улучшение произношения и опережающего развития навыков аудирования. Осуществляется непосредственное включение в язык с помощью коммуникативного акта. После чего начинается непосредственно сеанс ввода, когда курсанты детально прочитывают тематические диалоги, вводимые в устном курсе, и разбирают их грамматические особенности и лексические единицы непосредственно в процессе беседы. На этапе презентации учебной информации через синтетическую речемыслительную и речевую деятельность происходит усвоение профориентированных знаний в процессе профессионально-ориентированного учебного речевого общения путем усвоения языкового материала и формирования речевых умений и навыков, и, таким образом, происходит формирование речевой способности обучающихся [4].

Далее обучение переходит к сеансовой фазе, которая подразделяется на активный и концертный сеансы.

Дидактическая задача активного сеанса направлена на активное восприятие, ассоциативное или логическое (либо одновременно и ассоциативное и логическое) осмысление теоретического материала, предъявляемого для последующего использования. На этом этапе снимаются все барьеры и психологические трудности, мешающие умственным операциям закреплять воспринимаемый материал.

Дидактическая задача концертного сеанса – формирование суггестивной установки на гипермнезию с активным ассоциативным закреплением в памяти содержания материала. На концертном сеансе осуществляется закрепление в ассоциативной или логической (либо параллельно и в ассоциативной, и в логической) памяти выделенного для запоминания материала. Концертный сеанс осуществляется с помощью специфических приёмов, реализуемых на музыкальном фоне. Эти приёмы формируют состояние *псевдопассивности*, расслабленности, и вызывают переживание удовольствия при одновременной активной умственной деятельности с учебным материалом. Исследования доказали, что при получении информации на фоне активизирующей ритмичной музыки, не отвлекающей восприятия, сообразительность значительно увеличивается [3].

Состояние релаксации – это состояние полного или очень глубокого расслабления скелетной мускулатуры. Значительное расслабление скелетной мускулатуры приводит к тому, что мозг утрачивает необходимость тратить энергию на управление этой мускулатурой. Из активной деятельности выключается значительная площадь коры головного мозга. Высвободившаяся энергия перерабатывается мозгом и направляется на интеллектуальные процессы, значительно повышая их активность. Вот почему в целом ряде систем интенсивной педагогики используют релаксационные состояния [3].

В досеансовой фазе обучающиеся осваивают языковой материал и учатся выбирать необходимый речевой материал в зависимости от ситуации общения, то есть формируются речевые умения. На этом этапе преобладает синтетическая речемыслительная деятельность. Далее в сеансе запоминания у курсантов формируются коммуникативные умения, когда говорящий переключает свое внимание с выбора языковых средств на содержание высказывания по специальности. Во время сеансовой фазы преобладает аналитическая речемыслительная деятельность. Большой объем информации, полученный в досеансовой фазе, как бы «перерабатывается», осмысливается в сеансовой фазе. Во время активного и концертного сеансов в ходе профессионального учебного общения происходит систематизация изученного языкового материала и полученного опыта профессионально-ориентированного учебного речевого общения. Происходит трансформация осознаваемых и автоматизированных *речевых* навыков в автоматизированные *коммуникативные* умения, протекающими с элементами анализа [4].

Воспроизводство усвоенных в сеансе запоминания знаний осуществляется в послесеансовой фазе, которая состоит из трех этапов: первичной разработки, вторичной разработки и этюдов. На данном этапе преобладает синтетическая речемыслительная деятельность, которая заключается в репродукции усвоенного в процессе сеанса

запоминания материала на творческом уровне, обеспечивая при этом практику профессионального коммуникативного общения [5].

Первичная разработка обеспечивает формирование навыка простого репродуктивного воспроизведения. Её дидактическая задача заключается в формировании автоматизированного навыка припоминания усвоенного материала по готовым образцам через диалоги, игры, проблемные ситуации.

Вторичная разработка. Её дидактической задачей является обучение навыкам применения усвоенного материала в различных ситуациях деятельности, это творческое воспроизводство.

Сеанс этюдной разработки или этюды обеспечивает практику профессионального коммуникативного общения и реализуют конечную цель обучения, которая заключается в свободном профессиональном коммуникативном общении [4].

Таким образом, предлагаемая нами суггестопедическая модель профессионального обучения обеспечивает прочное запоминание содержания обучения (сеанс запоминая) и практическое использование полученных знаний (первичная, вторичная разработка и этюды). Использование суггестопедического метода обучения на занятиях по иностранному языку позволяет достичь высокого уровня обученности курсантов иностранному языку в сжатые сроки, и, кроме того, обеспечивает ускоренный воспитательный эффект, формируя профессионально-психологическую подготовку сотрудников МЧС России.

Литература

1. Джо Шейзл. Коммуникативность в обучении современным языкам // Совет Европы пресс. 1995. С. 1–2.
2. Лозанов Г.К., Новаков А.К. Суггестопедическая методика при обучении иностранным языкам // Проблемы суггестологии: материалы I Междунар. симпозиума по проблемам суггестологии. София, 1973. С. 127–135.
3. Востриков А.А. Суггестивная педагогика. Кн.1. Томск: Продуктивная педагогика, 2008.
4. Борозенец Г.К. Модель профессионально-ориентированного суггестивно-коммуникативного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Тольятти: Тольяттинский педагогический институт, 2001 С. 27–30.
5. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: теория и практика. М.: Высш. школа, 2009.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОРА ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ

О.С. Юнцова, кандидат педагогических наук, доцент;

А.А. Куприн. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Рассматриваются механизмы и источники, раскрывающие мотивацию трудовой деятельности, где базовой характеристикой выступает включенность в трудовую деятельность. Сделана попытка осмысления данной проблемы с психологических позиций, поскольку проблемой трудовой активности выступает не технология и условия экономической детерминации трудового процесса, а непосредственно человек как субъект деятельности.

Ключевые слова: мотивации трудовой активности, социально-экономическая активность, включенность в трудовую деятельность, самоутверждение личности

FEATURES OF MOTIVATION OF THE PERSONNEL AS FACTOR OF LABOUR ACTIVITY

O.S. Yuntsova; A.A. Kuprin. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

In clause it is considered mechanisms and sources opening motivation of labour activity where as base characteristics the inclusiveness in labour activity acts. Attempt of judgement of the given problem from psychological positions as as a problem of labour activity the technology and conditions of economic determination of labour process acts not, and directly person as the subject of this activity is made.

Key words: motivations of labour activity, social and economic activity, an inclusiveness in labour activity, self-affirmation of the person

Проблема мотивации трудовой активности персонала является одной из наиболее актуальных в менеджменте, и поиском решений данной проблемы занимаются экономисты, социологи, психологи. Анализ структуры индивидуальной деятельности показывает, что источником активности субъекта выступают его потребности, а, следовательно, и мотивы, которые, с нашей точки зрения, и являются «механизмом» трудовой активности.

В социальной психологии под потребностями понимается определенное отношение между субъектом и объектом, и в зависимости от того, какой аспект является доминирующим, складывается и сама характеристика потребности. Например, если аспект отношения, который связан с субъектом потребности (человеком), то потребности можно обозначить как состояние субъекта, его направленность, влечение, а если аспект связан с предметом потребности (трудовой деятельностью), то именно трудовую деятельность можно и необходимо характеризовать как фактор, обуславливающий состояние субъекта.

При анализе функции труда как одного из источников удовлетворения человеческих потребностей следует учитывать, что в процессе трудовой деятельности, с одной стороны, происходит формирование потребностей (мотивов), но, с другой стороны, их удовлетворение может быть выражено в большей или меньшей степени.

Принято выделять три функции мотива: побуждающую, направляющую и регулирующую. Побуждающая функция состоит в том, что она обуславливает активность субъекта деятельности.

Под влиянием мотивов происходит выбор субъектом вида деятельности для достижения им конкретных целей или решения определенных задач и в этом реализуется следующая – направляющая функция мотивов. И, наконец, регулирующая функция состоит в том, что любая деятельность может иметь равносторонний характер, что обусловлено, прежде всего, иерархией в классификации ее мотивов.

Существует большое число исследований, раскрывающих мотивацию трудовой деятельности. Так, одним из первых в зарубежной психологии изучение мотивации индивидуального труда начал Ф. Тейлор сформулировавший концепцию экономической мотивации, которая заключалась и основывалась на анализе первичных человеческих потребностей.

При этом исследователь исходил из представлений о том, что люди предназначены для какого-то определенного занятия или вида деятельности, и именно в этом происходит достижение эффективности поставленных задач. «Что же касается сущности человека, то в его природе заложено врожденное отвращение к труду, и он стремится избежать труда. Только путем принудительной стандартизации методов, принудительного использования наилучших орудий и условий труда, принудительного сотрудничества, можно обеспечить общее ускорение темпа работы» [1].

В своих исследованиях Ф. Тейлор выступал с критикой системы стимулирования труда рабочих, основанной на принципе «проявленная инициатива – соответствующее поощрение». Считая, что при этом мотивы сводятся к примитивно-экономическим устремлениям, а механизм их возбуждения понимается как простейшая цепь «стимул –

реакция на стимул», то есть понимания иррациональности работника как существа, движимого инстинктами, интересы которого исчерпываются на физиологическом уровне. Однако необходимо заметить, что такие рациональные элементы системы Ф. Тейлора, как четкая связь результатов труда и его оплаты, рационализация приемов труда, оптимизация санитарно-гигиенических условий труда и т.п. также имеют значение в понимании факторов трудовой активности работника.

На смену довольно упрощенным представлениям о факторах эффективности индивидуальной деятельности пришли новые теоретические концепции мотивации. Одной из наиболее распространенных является концепция иерархической модели мотивации индивидуальной деятельности А. Маслоу [2]. Подход, которого в исследованиях мотивации трудовой активности, основывается на пятиступенчатой иерархии потребностей субъекта деятельности. Этот подход предполагает зависимость активности от уровня удовлетворения потребностей. По мере удовлетворения потребностей нижележащего уровня доминирующими становятся потребности следующих, высших уровней. При том удовлетворение потребностей высшего уровня в актуализации характеризуется тем, что чем больше они удовлетворяются, тем сильнее они становятся.

Интерес представляет разработанная А. Маслоу классификация человеческих потребностей, в которой автор дифференцировал потребности на первичные (основные физиологические) и вторичные (психологические и социальные), выделяя вторичные и ставя их во главе по мере удовлетворения первичных. А. Маслоу выделяет следующую иерархию потребностей:

- физиологические нужды (голод, нужда в жилище и др.);
- нужды безопасности – стремление оградить себя от внешних опасностей, угроз и насилия;
- потребность в принадлежности к группе, то есть симпатии, любви и участии;
- потребность в уважении со стороны других, а также самоуважении;
- стремление человека к самовыражению.

Хотя эту схему и очередность потребностей, думаем, нельзя понимать буквально, так как социальные потребности могут реализовываться уже на первых ступенях иерархии, до того, как низшие потребности будут полностью удовлетворены. Однако этот подход к мотивации деятельности, основывающийся на зависимости уровня трудовой активности индивида от уровня его потребностей, безусловно представляет интерес в эмпирическом плане, поскольку раскрывает психологические механизмы регуляции поведения и деятельности субъекта.

Значительный интерес у социальных психологов вызвала мотивационно-гигиеническая теория Ф. Херцберга, которая стимулировала огромное количество эмпирических исследований и стала причиной широких дискуссий среди западных социальных психологов. В частности, по его мнению, развитие экономики в не меньшей степени зависит от мотивации, чем от технологии. Подвергая критике модели «экономического человека» Ф. Тейлора и ряда других теорий, Ф. Херцберг считал, что эти модели созданы в интересах бизнеса, который для управления экономическим поведением служащих нуждается в обосновании представлений, обезличивающих работающего человека.

В своей теории Ф. Херцберг выделяет группы факторов, характеризующих, прежде всего, отношение индивида к труду, факторы «гигиенические» рассматриваются как внешние по отношению к процессу работы (условия труда и заработной платы и т.д), а «мотивационные» факторы, присущи самому процессу работ и связаны с тем, что именно человек делает (интерес к работе, ответственность и т.д.)

По мнению Ф. Херцберга для повышения положительной мотивации персонала на предприятии или организации руководитель должен заботиться о благоприятном воздействии не только «гигиенических» факторов, но и «мотивационных». Однако его

предположение, что факторы трудовой ситуации прямо определяют отношение личности к труду, минуя «внутренние условия», вызывают возражения [3].

Другое направление изучения мотивации трудовой активности в деятельности работников связано с «процессуальными» концепциями трудовой деятельности, в основе которых лежит экспериментальная теория трудовой мотивации, разработанная В. Врумом. Согласно этой теории эффект мотивации к совершению того или иного действия является мультипликативной функцией, включающей в себя желательность вознаграждения, степень связи результата деятельности и вознаграждения, вероятность достижения результата. В дальнейшем она была модифицирована и свелась к следующему:

- вознаграждения (оплата, льготы, социальный статус и т.п.) должны быть тесно связаны с результатами труда для повышения вероятности их достижения;
- необходимо систематическое выявление ожиданий работников относительно характера и содержания стимулов и степени их связи с поведением и деятельностью исполнителей;
- необходим подбор исполнителей, ориентированных на получение вознаграждения.

Надо заметить, что надежность этих рекомендаций неочевидна, поскольку в концепции представлена изолированная деятельность индивида, игнорируется влияние на трудовую деятельность групповых целей и ценностей. Однако экономические факторы мотивации труда, выделенные в концепции В. Врума, безусловно представляют практический интерес.

В изучении мотивации совместной групповой трудовой деятельности значительный вклад внесли знаменитые хоторнские эксперименты, проведенные под руководством Э. Мейо. Одним из ведущих факторов, как показали исследования Э. Мейо и его сотрудников, оказалось объективное отношение работников к своей работе, к условиям труда, друг к другу и т.п. Основными параметрами результативности групповой деятельности были признаны мотивация, удовлетворенность, а также факторы, обусловленные сложной внутренней структурой рабочего коллектива, которые возникали на основе симпатии или неприязни, общих интересов вне работы, то есть определялись системой неформальных связей. Именно результаты исследования Э. Мейо легли в основу так называемой теории «человеческих отношений» [4].

По мнению последователей этой теории, наиболее существенным фактором мотивации труда является потребность в совместной деятельности, принадлежности к группе, и изучая проблему взаимосвязи влияния межличностных отношений на трудовое поведение, способствовала росту интереса к этой области исследования и становлению индустриальной социальной психологии. Однако необходимо заметить, что все разнообразие поведения работников не получили должного объяснения в данной концепции и не укладывались в ее схемы, что поставило перед социальными психологами проблему разработки иных концепций мотивации трудовой деятельности.

Характеризуя теорию «человеческих отношений», следует отметить тот факт, что основной акцент в ней делается не на производственном процессе, как это представлено в тейлоризме, а на поведении работника в производственной группе. Соответственно меняется и приоритет ценностей труда. Материальный доход и блага как стимулы не исключаются, но доминировать начинают, прежде всего, ценности социальные: стабильность положения, престиж, участие в делах группы и т.п. Способы достижения этих ценностей полностью соответствуют их социальной природе, то есть степени интеграции с группой, средой – с первичным коллективом. Основным же объектом организационной деятельности управленца становится взаимодействие работников. В связи с этим выдвигается тезис о производственной организации как социальной системе, охватывающей как целое все многообразные стороны человеческих отношений на производстве и отсюда повышенное внимание к таким проблемам, как сотрудничество, общность целей, солидарность в служебных и личных отношениях, коммуникации и др.

Российскими социальными психологами предложена классификация потребностей,

раскрывающих отношение субъекта к труду через отношение к основным элементам трудового процесса. Этими элементами выступают и сам процесс труда, то есть непосредственный процесс взаимодействия между личностью и предметом труда; материальное вознаграждение, получаемое и ожидаемое личностью; результат труда с точки зрения его социальной значимости для общества. Эти три элемента трудового процесса определяют три основные стороны отношения личности к труду:

- материальную заинтересованность в данной конкретной работе;
- непосредственный интерес к процессу труда;
- осознание социальной значимости результатов труда и чувства ответственности.

С этой точки зрения потребности, связанные с трудовой деятельностью, имеют следующую структуру:

- потребность в труде;
- потребность в материальных благах;
- потребность в принадлежности к группе;
- потребность в самоутверждении;
- потребность в творческой деятельности.

Потребность в труде представляет собой сущностные потребности человека, так как именно через труд человек включается в общественные отношения, становится их носителем, определяя превращение естественных потребностей в социальные, то есть собственно человеческие потребности. На сложность, богатство и в то же время противоречивость потребности и труде указывают психологи, которые классифицируют потребности, исходя из продуктов труда, условий и результатов трудовой деятельности. Вместо непосредственного воздействия на предметы природы и их присвоения, то есть приспособления к человеческим потребностям, человеческий труд все более проявляется как активность человека в подготовке и организации трудового процесса, усиливается его интеллектуализация. Поэтому формирование потребностей в труде является не только основой развития социально-экономической активности работника, но и главным резервом роста эффективности и интенсификации процесса трудовой деятельности.

Потребность в материальных благах связана с получением материального вознаграждения за труд. Результаты как социологических, так и социально психологических исследований показывают, что в структуре потребностей трудовой деятельности потребности в материальных благах, как правило, являются доминирующими и это обусловлено рядом факторов:

- мотив материального вознаграждения не имеет степени насыщения в отличие от других мотивов;
- заработная плата как фактор, легко поддающийся количественному учету, и работник пользуется им для оценки занимаемой должности или рабочего места;
- зарплата как основной критерий получения материальных благ - фактор, который лучше всего позволяет оценивать собственную профессиональную ситуацию в группе;
- материальные блага часто воспринимаются как статус.

Потребность в принадлежности к группе (психологические потребности) выступают основным мотивом совместной групповой трудовой деятельности. Они оказывают значительное влияние на эффективность трудовой деятельности субъекта. Реализация их потребностей во многом обуславливает модальность характера межличностных отношений, возникающих в группе.

Отождествление личности с группой порождает и дополнительные источники активности личности, нацеленной на соответствие социальным ожиданиям, поэтому потребности в принадлежности к группе могут выступать не только важным фактором социализации личности, но и фактором экономической или трудовой активности.

В трудовой деятельности удовлетворение потребности в самоутверждении обусловлено, прежде всего, соответствием имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков требованиям, предъявляемым к ним конкретным видом профессиональной, трудовой

деятельности. В социально-психологическом плане под самоутверждением личности понимается состояние психологической включенности в деятельность, сопровождающееся реализацией личностных возможностей в конкретных видах труда. Где базовыми характеристиками выступают: включенность в трудовую деятельность и эмоциональное самочувствие, когда внутреннее самоутверждение связывается все в большей степени с трудовой деятельностью, труд становится основным источником реализации творческих возможностей субъекта деятельности.

Особенностью мотивации творческой активности, по мнению большинства исследователей, является четкая ориентация на получение нового знания, а это возможно при условии совпадения потребностей общества и потребностей личности в развитии и совершенствовании его деятельности.

Рассмотренные подходы позволяют представить достаточно широкий спектр потребностей, следовательно, и мотивов, отражающих различные стороны жизнедеятельности человека и определяющих его трудовую активность.

Литература

1. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента: монография. 1911. С. 253.
2. Маслау А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
3. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. The Motivation to Work. New-York, 1995.
4. Платонов Ю.П. Социальная психология трудовой деятельности. СПб., 2002.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ГПС МЧС РОССИИ

А.А. Грешных, доктор педагогических наук, профессор.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России.

В.Б. Рондырев-Ильинский, кандидат педагогических наук.

5 отряд федеральной противопожарной службы по ХМАО-Югре

Рассмотрены проблемные вопросы повышения профессионального уровня, мобильности, расширения спектра выполняемых работ и повышения их качества личным составом ГПС МЧС России за счет совершенствования системы профессиональной подготовки специалистов, организуемой в подразделениях ГПС МЧС России.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, этапы обучения, системный подход, профессиональная мобильность

WAYS OF INCREASE OF SYSTEM PROFESSIONAL DRILL INTO DIVISION GPS OF EMERCOM OF RUSSIA

A.A. Greshnih. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia;

V.B. Rondirev-Ilinsky. 5 group of a Federal fire service across Khanty-Mansi Autonomous Area

Ways of increase of professional grade, mobility, spectrum spreading of active jobs and increase of the their quality by fire brigade personal division GPS of EMERCOM of Russia for account of development of system professional drill that is organised in division GPS of EMERCOM Russia.

Key words: professional drill, grade, professional mobility

Динамичное развитие промышленности и других сфер народного хозяйства, несомненно, способствуют улучшению качества жизни; однако, вместе с положительными моментами, технический прогресс порождает изменения климата, делает чрезвычайно высоким риск возникновения пожаров и других чрезвычайных ситуаций.

В этой связи наиболее актуальными становятся проблемы разработки новых и совершенствования имеющихся мер, которые способствуют повышению защищенности населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В связи с этим государство вправе предъявлять дополнительные требования к квалификации и профессиональной подготовке специалистов МЧС России для всех должностных категорий. На первый план выходят такие профессиональные и личностные качества, которые позволят специалисту успешно адаптироваться, жить и работать в современных социально-экономических условиях. Среди них следует выделить системное мышление, правовую, информационную, коммуникативную культуру, психофизическое развитие, умение осознавать себя, способность к осознанному анализу своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределенности, приобретению новых знаний, творческую активность, ответственность за выполняемую работу.

Специфика геополитического расположения, масштабы и неоднородность социально-экономического развития территорий Российской Федерации явились катализатором реформы, проводимой в МЧС России. Известно, что во многих регионах Российской Федерации основной и мобильной службой, готовой в кратчайшие сроки прибыть для оказания помощи населению, является пожарная охрана. В связи с этим в МЧС России рассматриваются вопросы о необходимости расширения спектра работ (оказываемых услуг), ранее несвойственных для пожарной охраны Советского Союза (выезда на ДТП, оказание различных услуг физическим и юридическим лицам).

В Российской Федерации такие задачи возложены на Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В состав МЧС России входят различные формирования и службы. При этом, как указано выше, самой многочисленной, мобильной и технически оснащенной является Государственная противопожарная служба.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О пожарной безопасности», задачи, возложенные на Государственную противопожарную службу, предусматривают выполнение работ по предупреждению и тушению пожаров. Однако, учитывая размеры нашего государства, одним из аргументов возможности повышения пожарной безопасности территорий, возможно не за счет увеличения численности огнеборцев, а за счет повышения их профессионального уровня, мобильности и расширения сферы деятельности (спектра выполняемых работ).

Россия не единственное государство, столкнувшееся с проблемами расширения задач, возлагаемых на противопожарную службу. В таких странах, как Англия, Израиль, Чехия, Шотландия, США, Германия, Дания, Франция, после проведенных преобразований, функции противопожарных служб значительно расширились за счет выполнения ими работ, не связанных с тушением пожаров: участие в предотвращении террористических актов, ликвидации аварий и катастроф, оказании квалифицированной первой медицинской помощи, выезда на ДТП и другой экстренной помощи.

Для осуществления защиты интересов государства в области пожарной безопасности специалисты противопожарной службы должны обладать системой общеотраслевых и частнопрофессиональных специальных знаний, умений и навыков по занимаемым ими должностям и соответствовать предъявляемым квалификационным требованиям.

Профессиональная подготовка в широком смысле должна быть ориентирована на становление социально и профессионально активной личности, обладающей высокой компетентностью, социально и профессионально важными качествами, высоким уровнем самостоятельности и профессиональной мобильности. Она также может рассматриваться в рамках различных подходов (педагогического, психологического, экономического,

социологического, технического и т.д.) как особый вид образования, как процесс, система, деятельность, ценность, социальный институт. В рамках данных подходов к характеристике профессиональной подготовки стоит задача выявления её социальной сущности и направленности, структуры и функций. Значение для общества и личности позволяет рассматривать её как взаимосвязь и взаимодействие двух основных компонентов: производственного и социального.

Профессиональная подготовка предусматривает формирование личности, способной к эффективной реализации себя в сфере будущей профессиональной деятельности, к осуществлению и выполнению полного спектра профессиональных функций с учетом современных условий жизни.

В свою очередь, профессиональная подготовка личного состава ГПС МЧС России определяется в качестве необходимого элемента формирования, поддержания и совершенствования профессиональной компетентности сотрудников, являющейся обязательным требованием в новых социально-экономических условиях страны.

Профессиональная подготовка личного состава ГПС МЧС России, в широком её смысле, является неотъемлемой и составной частью общей системы образования Российской Федерации.

Особенностью профессии пожарного является коллективная ответственность всех сотрудников за результат выполняемой работы в условиях повышенных психофизических нагрузок. Цена ошибки в результате непрофессионализма работника пожарной охраны может привести к трагическим последствиям. Отсюда и особое отношение к профессиональной подготовке специалистов ГПС.

Приоритетным объектом развития кадрового потенциала ГПС МЧС России является модернизация всей системы профессиональной подготовки, которая предполагает осуществление по следующим принципам:

1. Оптимизация её структуры:

- придание системе подготовки многоуровневого, комплексного характера с опорой на многолетний опыт работы профессиональных образовательных учреждений и нормативно-правовую базу;

- адекватность существующей системы профессиональной подготовки специалистов ГПС современным задачам МЧС России;

- реализация мер по приведению сети и емкости всех учреждений и подразделений, осуществляющих подготовку личного состава ГПС, в соответствии с новыми задачами, структурой и численностью МЧС России.

2. Совершенствование процесса подготовки на всех её уровнях:

- использование современных педагогических технологий обучения;

- широкое внедрение передовых методов и форм проведения занятий;

- использование эффективных методов контроля уровня знаний, умений и навыков обучаемых с применением тестовых программ, технических средств обучения и других современных технологий;

- нацеливание учебных программ на связь теории с практикой;

- соответствие содержания обучения современным требованиям к квалификации специалистов всех уровней.

3. Обеспечение процесса профессиональной подготовки:

- использование в процессе подготовки личного состава наиболее высококвалифицированных преподавателей;

- обеспечение учреждений и подразделений, осуществляющих процесс профессиональной подготовки, современными средствами обучения.

4. Продолжение интеграции системы подготовки кадров ГПС МЧС России в единое образовательное пространство Российской Федерации.

Существующая практика подготовки специалистов имеет значительные издержки и

несоответствия как в содержании учебного процесса, так и в целевой ориентации будущих сотрудников пожарной охраны. Зачастую при обучении они не получают достаточного уровня знаний и умений, что не позволяет им в полной мере реализовывать требования, предъявляемые к современным специалистам ГПС всех должностных категорий. А это значит, что активизация и интенсификация системы обучения специалистов, участвующих в оперативных мероприятиях по ликвидации пожаров и последствий всех видов чрезвычайных ситуаций, являются на сегодняшний день одной из приоритетных задач.

Наличие проблемы совершенствования профессиональной подготовленности специалистов подтверждается результатами научных исследований, в том числе проводимыми опросами, которые показывают, что мотивационные установки наиболее многочисленных социальных групп, психологическое отторжение предлагаемых новых знаний не позволяют добиться желаемого результата в период боевой работы [1–3].

Стопроцентное соответствие сотрудника ГПС МЧС России всем предъявляемым требованиям может быть достигнуто только у специалистов, обладающих полным набором профессионально-значимых качеств, необходимых для данного рода деятельности. На сегодняшний день, этот показатель может варьироваться от 50 до 80 %, причем, можно точно констатировать, что в подразделениях по охране населенных пунктов он выше, чем у личного состава по охране производственных объектов.

Одним из приоритетных направлений для системы ГПС МЧС России является внедрение непрерывной подготовки кадров для пожарной охраны России [4]. Прежнее относительное постоянство структуры ГПС в системе МВД и содержания образовательных программ обеспечивали, на тот период, передачу очередному поколению опыта работы [5–6]. Однако на сегодняшний день необходимость реформирования системы профессиональной подготовки в ГПС МЧС России для многих специалистов не вызывает вопросов.

Данные обстоятельства актуализировали внимание на решении частных проблемных вопросов, направленных на совершенствование процесса профессиональной подготовки специалистов и поиска наиболее приемлемых форм его реализации. Нам представляется, что снятие противоречия между стремительными темпами научно-технического прогресса, повышением требований к уровню подготовки кадров для ГПС МЧС России и инерцией существующего образовательного механизма возможно лишь путем выстраивания системного и целенаправленного на всех этапах процесса профессиональной подготовки.

Изучив существующую систему подготовки кадров для ГПС МЧС России, авторами предложена следующая структурная схема (см. рисунок) [7–9].

Известно, что общая подготовка специалистов ГПС МЧС России включает в себя следующие основные составляющие: интеллектуальную, психологическую, физическую и специальную. В настоящее время без знаний педагогики, психологии, социологии, владения современными научно-техническими средствами невозможно осуществлять эффективное управление подразделениями противопожарной службы.

Качество профессиональной подготовки сотрудников (работников) ГПС оценивается основным потребителем – обществом по их способности профессионально использовать теоретический потенциал в практической деятельности – в процессе проведения спасательных работ и организации пожаротушения.

Современный подход к подготовке специалистов противопожарной службы с точки зрения рыночной экономики дает основание исследовать весь комплекс качеств, которые позволили бы ему с учетом сложившейся экономической ситуации, собственных возможностей и потребностей эффективно конкурировать и реализовывать свой потенциал.

I-й уровень – подготовка специалистов младшего начальствующего состава – МНС;							
ВИДЫ ПОДГОТОВКИ							
Специальное первоначальное обучение	Подготовка личного состава	Специальная подготовка по должности	Стажировка	Повышение квалификации и переподготовка	Самостоятельная учеба		
1-й этап – индивидуальное обучение по месту службы							
2-й этап – курсовое обучение							
ДОЛЖНОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ И СРОКИ ОБУЧЕНИЯ							
Пожарные-спасатели - 3,5 мес.; Водители – 2 месяца; Радиотелефонисты – 2 месяца.	Для всех категорий (10 мес. ежегодно)	ПНК, КО, вод, Р/Т (2 по 8 ч. ежегодно)	Для всех категорий (от 5 дней до 1 мес.)	Для всех категорий, кроме пожарных (от 5 дней до 3-х месяцев)	Для всех категорий (10 мес. ежегодно)		
II-й уровень – подготовка специалистов среднего и старшего начальствующего состава – СНС и Ст.НС;							
ВИДЫ ПОДГОТОВКИ							
Высшие учебные заведения	Средние специальные учебные заведения	Курсы подготовки СНС	Стажировка	Переподготовка.	Служебная подготовка	Повышение квалификации	Самостоятельная учеба
СРОКИ ОБУЧЕНИЯ							
Очное, заочное (5–6 лет)	Очное, заочное (3–4 года)	Очное (1 год)	(от 5 дн. до 1 мес.)	Для лиц из других отраслей. Очное (3 мес.)	(10 мес. в уч. году)	(от 5 дн. до 1 мес.)	(12 мес. в уч. году)
III-й уровень – подготовка специалистов старшего и высшего начальствующего состава, а также научно-технических работников – послевузовское образование;							
ВИДЫ ПОДГОТОВКИ							
Докторантура	Адъюнктура, аспирантура	Факультет подготовки руководящих кадров	Высшие академические курсы повышения квалификации	Служебная подготовка	Стажировка	Самостоят. учеба	
Заочное 3–4 года	Очное, заочное 3–4 года	Очное 2 года	Очное 1–2 месяцев	10 мес. в уч. году	(от 5 дн. до 1 мес.)	(12 мес. в уч. году)	

**Рис. Структура многоуровневой профессиональной подготовки специалистов
в системе ГПС МЧС России**

Обучение на всех уровнях реализуется по программам, различным по содержанию, объему и срокам обучения. При этом в них обязательно должен присутствовать принцип концентризма.

Таким образом, нами предложена трехуровневая система профессиональной подготовки личного состава ГПС МЧС России, где:

I-й уровень – организуется для подготовки рядового и младшего начальствующего состава;

II-й уровень – подготовка среднего и старшего начальствующего состава;

III-й уровень – послевузовское обучение специалистов старшего и высшего начальствующего состава, а также научных и педагогических кадров.

Проводя работу по структурированию и анализируя виды и этапы обучения нами отмечено, что подготовка сотрудников не зависимо от выбранного уровня проходит по определенному алгоритму, представляет собой заверченный профессионально-педагогический цикл подготовки и возможность перехода из одного условного уровня к другому.

Также мы выяснили, что профессиональная подготовка личного состава ГПС МЧС России на II-м и III-м уровнях осуществляется профессиональными специалистами – на штатной основе, а на I-м уровне, сотрудниками пожарных частей – на нештатной основе, что неизменно сказывается на её качестве. При этом, отметим, что многие из них, не обладают соответствующими знаниями и умениями позволяющими в полной мере организовать процесс обучения и обеспечить для личного состава получения требуемых знаний и умений. Из чего следует, что существующая система профессиональной подготовки кадров для ГПС МЧС России в целом отвечает современным требованиям, однако, не на всех её уровнях. Таким образом, мы столкнулись со следующей ситуацией: традиционно сложившаяся система профессионального обучения младшего состава, доставшаяся Российской Федерации в наследство после распада Советского Союза, сохранила отдельные её негативные стороны, и после включения ГПС в состав МЧС России [10].

В новых условиях планируемое создание Государственной пожарно-спасательной службы России также потребует от работников пожарной охраны, проходящих службу в боевых подразделениях, расширения спектра выполняемых ими работ, в первую очередь, за счет повышения профессионализма и мобильности специалистов, непосредственно участвующих в оперативной работе по спасению людей, тушении пожаров и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Все вышеуказанное относится в том числе к сотрудникам и работникам из числа младшего начальствующего состава, которые составляют основную силу пожарных подразделений.

Преодоление выделенных проблем, скорее всего дело не одного года, но их решение необходимо начинать как можно раньше. В связи с этим актуальность поднимаемых нами вопросов становится очевидной и понятной.

В связи с вышеизложенным, до принятия решения на уровне МЧС России, руководителям территориальных и местных подразделений ГПС, на наш взгляд, следует уделять большее внимание решению указанных проблемных вопросов, в том числе за счет внутреннего перераспределения обязанностей среди сотрудников. А при назначении лиц, ответственных за профессиональную подготовку личного состава подразделений, необходимо акцентировать внимание не только на специалистах, обладающих необходимым уровнем теоретических знаний и практических умений в области пожарной безопасности, но и в педагогике и психологии.

Научно доказано, что правильно выстроенная система обучения позволяет повысить уровень профессионализма каждого специалиста в отдельности и всего подразделения в целом.

Подводя итоги, отметим, что для разрешения сложившихся в системе профессиональной подготовки ГПС МЧС России противоречий потребуются реализация целого комплекса мероприятий, включающего структурирование, переработку учебно-методического комплекса, педагогических технологий, а также внедрение системного подхода в процесс обучения специалистов на всех её уровнях. При этом считаем, что приоритетной задачей в профессиональной подготовке личного состава ГПС МЧС России

должно стать формирование высококвалифицированного специалиста-профессионала, с учетом его индивидуальных особенностей и способностей к дальнейшему саморазвитию и расширению профессиональной мобильности.

Литература

1. Степанов В.Я., Дука В.П. Научно-методические основы создания и совершенствования учебной материально-технической базы российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях // Проблемы безопасности при ЧС. 1994. № 9. С. 67.
2. Стротиев Г.В. Психологическая подготовка на огнеборците // Огнеборец. 1982. № 12. С. 15–16.
3. Троянский П. Вопросы улучшения подготовки пожарных // Огнеборец. 1982. Т. 38. № 7. 18 с.
4. Концепция образовательной деятельности и подготовки кадров для Государственной противопожарной службы МЧС России. М., 2002.
5. Об утверждении Программы подготовки личного состава частей и гарнизонов пожарной охраны: приказ МВД СССР от 12.02.1980. № 49.
6. Об утверждении Программы подготовки личного состава частей и гарнизонов пожарной охраны: приказ МВД СССР от 04.03.1987. № 44.
7. Программа подготовки личного состава подразделений Государственной противопожарной службы МЧС России от 29.12.2003.
8. Романенко М. Концепция кадровой политики МЧС России // Гражданская защита. 2002. № 1. С. 20–21.
9. Матвеев Н.А. Организация системы послевузовского профессионального образования в ГПС МЧС России // Снижение риска гибели людей при пожарах: материалы XXIII науч.-практ. конф. Ч. 3. М.: ВНИИПО, 2003. С. 305–309.
10. О совершенствовании государственного управления в области пожарной безопасности: указ от 9.11.2001. № 1309 // Гражданская защита. 2002. № 1. С. 22.

ВЫРАБОТКА ОПТИМАЛЬНОГО СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ МЧС РОССИИ

В.О. Солнцев, кандидат педагогических наук, доцент;

О.А. Губанова, кандидат педагогических наук.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Анализируются стили руководства управленческих кадров в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и даются необходимые рекомендации.

Ключевые слова: классификация стилей, административные и экономические методы, управленческие ситуации, тип личности руководителя, оптимальное сочетание

DEVELOPMENT OF OPTIMAL MANAGEMENT STYLE DURING THE TRAINING OF MANAGERIAL PERSONAL OF EMERCOM OF RUSSIA

V.O. Solncev; O.A. Gubanova. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Analyzes the leadership styles of managerial personnel in the Ministry of Emergency Situations of EMERCOM of Russia and gives necessary recommendations.

Key words: styles classification, administrative and economic methods, managerial situations, type of manager's personality, optimum combination

Процессуальная, динамическая сторона деятельности управленческих кадров МЧС определяется рядом факторов. Одним из ведущих составляющих деятельности управленческих кадров, требующей включения в педагогическое содержание их подготовки, является стиль управления. Именно он оказывает влияние на уровень межличностных отношений в коллективах, на интенсивность происходящих в них процессов, на организованность и эффективность.

Одна из первых и наиболее известных классификаций стилей руководства предложена американским социальным психологом К. Левиным. Он выделяет авторитарный, демократический и пассивный стили руководства [1].

Длительное время в отечественной науке одним из наиболее распространенных и обоснованных являлось понимание сущности стиля управления, сформулированное А.Л. Журавлевым и В.Ф. Рубахиным. Они отмечали, что «... под стилем руководства подразумевается целостная относительно устойчивая система способов воздействия руководителя на коллектив, которая обладает внутренним единством и обеспечивает эффективное выполнение функций управления в рамках определенных условий» [2].

С точки зрения украинских учений А.М. Бандурка, С.П. Бочаровой и Е.В. Землянкой стиль управления – это «... определенная система предпочитаемых руководителями методов и приемов управленческой деятельности» [3]. С нашей точки зрения, формулировка «предпочитаемые» в этом определении вызывает некоторое сужение понимания сущности стиля управления, так как выделяет лишь субъективную составляющую процесса управления.

В управлении персоналом в настоящее время под стилем руководства понимается «... совокупность наиболее характерных и устойчивых методов решения типовых задач и выработки управленческих решений с учетом особенностей взаимодействия должностных лиц, подчиненных данному руководителю» [4].

Следовательно, стиль управления сотрудниками МЧС – это совокупность наиболее характерных и устойчивых методов решения типовых задач и выработки управленческих решений руководителями структурных подразделений МЧС.

Важным элементом педагогического содержания подготовки управленческих кадров МЧС является выработка оптимального стиля управления.

В теории и практике управленческой деятельности в последние годы сложились различные подходы, которые можно сгруппировать по следующим основаниям:

- по природе, сущности воздействующих на группу (коллектив) или на личность факторов: экономические, административные, социально-психологические методы и, соответственно, прагматический, административный и морализаторский стили руководства;
- по целевому признаку (по характеру целей управленческой деятельности): деловой и бюрократический стили руководства;
- по характеру контактности, по степени применения формальных и неформальных способов воздействия на группу или на личность: директивный («формалистский»), коллегиальный («товарищеский») и попустительский («свойский») стили руководства;
- по преобладанию единоличных или групповых способов воздействия на производственный или воспитательный процесс, по степени проявления единоначалия и коллегиальности: автократический и демократический стили руководства.

Все четыре вышеназванные группы стилей руководства присутствуют в конкретной деятельности руководителей.

Прагматический стиль характеризуется применением административных и экономических методов, представляющих собой совокупность рычагов, с помощью которых руководитель достигает такого эффекта, который бы отвечал как групповым, так и личным

интересам членов коллектива. В более узком смысле слова экономические методы являются совокупностью приемов и способов стимулирования.

Административный стиль руководства характеризуется методами воздействия руководителей как администраторов, субъектов власти, опирающихся на свои правовые полномочия. Эти методы представляют собой организационно-распорядительные приемы властного воздействия, основанные на общих установленных нормативах и правах.

Морализаторский стиль руководства обусловлен психолого-педагогическими методами воздействия на личность или группу, способными вызывать в коллективе сотрудников различные социально-психологические состояния (определенный микроклимат, ценностные ориентации, групповые оценки и мнения), посредством которых достигаются воспитательные, организационные и экономические цели.

Особенно большое распространение и известность (скорее на практике, чем в теории) получили стили и методы руководства по целевому признаку. В зависимости от того, на достижении каких целей ориентирован, в первую очередь, руководитель, складываются и соответствующие стили руководства. Деловой стиль характерен руководителю, для которого важнее всего интересы основного дела, конечные цели организации (в нашем случае – решение задач МЧС и его подразделений). Бюрократический стиль характеризует руководителя, который все усилия коллектива направляет на достижение вторичных, промежуточных целей, на выполнение не основных, вспомогательных задач, то есть если происходит, так называемая, деформация цели (когда руководитель заинтересован только в поддержании видимости порядка и дисциплины и ориентирует на это коллектив).

Можно выделить ряд *основных психолого-педагогических черт делового стиля руководителя*:

1. Ориентация руководителя на основную, конечную цель деятельности коллектива с учетом всех моментов, опосредующих ее достижение. Деятельность такого руководителя определяется принципом – интересы дела превыше всего.

2. Стремление выбрать кратчайший и оптимальный путь к достижению цели. Эта черта характеризует своего рода предприимчивость руководителя. Деловой руководитель не тратит попусту время на всякого рода «увязки» и «согласования». Вследствие этого ему присуща и такая черта, как способность идти на риск при выборе путей и средств достижения цели. Часто в коллективной деятельности складываются такие ситуации, когда руководитель вынужден в интересах дела идти путем, не предусмотренным инструкциями и положениями. Следует отметить, что в этом случае проявляются две тенденции. Первая обусловлена неопытностью руководителя, его желанием любой ценой выполнить задачу, приводящую его зачастую к нарушению правил ведения дел, техники безопасности выполняемых работ. Вторая связана с решением задач, которые возникают внезапно и требуют быстрого и незамедлительного решения.

3. Самостоятельность мышления, инициативный и новаторский подход к делу. Эта черта присуща руководителям, смело берущим на себя ответственность при решении вопросов, идущим неординарным путем.

4. Критичность практического мышления, способность к апеллированию проявляется при столкновении в практической деятельности с неудачными распоряжениями или установками как вышестоящих, так и нижестоящих руководителей.

5. Оперативность решений и действий. Деловой руководитель принимает решение быстро, не откладывая его в «долгий ящик». Установка на скорейшее достижение цели, понимание сложившейся ситуации помогают ему оперативно принимать решения и действовать.

6. Способность к гибкой распорядительной деятельности вплоть до отмены ранее принятых решений. Гибкость распорядительной деятельности – одно из важнейших черт делового стиля руководства. Не требуется большого времени для практической проверки, состоятельности и обоснованности управленческих решений: конкретная деятельность постоянно вносит поправки или начисто перечеркивает те или иные решения. В этом случае

руководитель стоит перед дилеммой: либо признать ошибочность решения (признать виновным себя или кого-то другого), либо продолжать упрямо проводить свою ошибочную линию. Чем быстрее проанализирована и признана ошибка, тем быстрее приходят новое решение и успех его реализации. Отмена ранее принятых решений (приказов, распоряжений), сколько бы ни страдало от этого самолюбие, не подрывает авторитет руководителя, а только доказывает его преданность общему делу.

7. Ориентация на компетентность подчиненных, проявляется в доверии к своим заместителям и помощникам, в отсутствии мелочной опеки и делегировании некоторых своих управленческих полномочий.

Прямой противоположностью деловому стилю является *бюрократический* стиль руководства. При бюрократическом образе действия содержание управления и форма, в рамках которой оно должно осуществляться, оказываются оторванными друг от друга. Форма пунктуально соблюдается бюрократом, но поскольку бюрократ не учитывает особенностей обновляющейся реальности, то форма управления, которой он руководствуется, оказывается абстрактной, не соответствующей данной ситуации. Действия такого руководителя упорядочены, но это такой порядок действий, который рассчитан на инструктивную, усредненную ситуацию, а не на ту, которая складывается в реальной жизни. Порядок превращается в самоцель.

По характеру контактности, применения формальных и неформальных способов воздействия на личность подчиненного руководителя по стилю руководства могут быть разделены на две подгруппы:

1) руководитель главным образом ориентирован на организацию дисциплины и контроля; он заботится в первую очередь о выполнении административных функций. По мнению такого руководителя, человека следует принуждать к работе. Дисциплинарная практика административного руководства ориентирует руководителя на формальные взаимоотношения;

2) руководитель стремится в первую очередь наладить хорошие взаимоотношения, стремится с пониманием относиться к подчиненным, учитывая особенности их личности. Это социально-психологический стиль, характерный для руководителей, успешно сочетающих административные и воспитательные функции.

На основе данной градации традиционно выделяют три стиля руководства – директивный, коллегиальный и формальный.

Директивный стиль основывается на жестких и односторонних требованиях, которые предъявляются в форме приказов, распоряжений и указаний. Директивный стиль выражается в стремлении руководителя к единовластию, единоличному принятию решений. Достоинством такого руководителя является то, что он требует от всех членов коллектива дисциплинированности и исполнительности без скидок на индивидуальность подчиненных. Однако при определенных условиях директивный стиль порождает тип авторитарного руководителя, жесткого, бездушного и часто несправедливого.

Прежде всего, такой тип руководителя в трудовом коллективе стремится сконцентрировать власть в своих руках, причем единоначалие понимается таким руководителем буквально. Деятельность заместителя, если это человек, стремящийся к проведению хотя бы видимости работы и объективности в оценках, вызывает у него раздражение, насмешку. Обычно руководитель, придерживающийся такого стиля, считает себя наиболее компетентным человеком в большинстве сфер деятельности коллектива.

При подобном стиле руководства члены коллектива не доверяют руководителю и не уважают его. И если в служебной, профессиональной деятельности наступит спад, то складывается неблагоприятный морально-психологический климат, коллектив начинает распадаться. Сохраняется видимость подчинения указаниям руководителя и игнорирование их в действительности. Такая обстановка вызывает недоверие к ведению финансовых дел и приводит к выяснению отношений.

Однако не следует путать две вещи – «авторитарность» как черту характера личности руководителя и «директивность» как способ влияния на коллектив и управления им. В определенных ситуациях директивный стиль руководства является наиболее рациональным, например, при необходимости быстрого достижения полной централизации управления, всестороннего личного контроля выполнения той или иной работы, «наведения» дисциплинарного порядка в отряде и т.д. Директивный стиль руководства можно оправдать и в тех случаях, когда ближайшие заместители – мягкие и нетребовательные люди. При этом создается взаимно уравновешенная управленческая группа: «жесткий» руководитель – «мягкий» заместитель, деятельность такой группы оценивается в большинстве случаев как эффективная.

Следовательно, в отдельных случаях руководителю полезно и необходимо прибегать к директивным методам руководства. Применяя директивный стиль, руководитель должен учитывать, что если его распоряжения обоснованы и адекватны ситуации, это не вызовет у членов отряда отрицательного к нему отношения, но при этом очень важно, чтобы дисциплинарные требования были объективны.

При *коллегиальном стиле* руководитель передает часть своих должностных полномочий на основе взаимных соглашений заместителям, привлекает к руководству других должностных лиц, наиболее авторитетных и толковых подчиненных. Возникает коллегиальное управление, которое оказывает мощное психологическое воздействие на развитие всех деловых взаимоотношений и личной инициативы в коллективе. Коллегиальное управление позволяет в зависимости от конкретной ситуации либо концентрировать власть в руках руководителя, либо распределять ее между своими заместителями.

Такой стиль руководства предполагает активное участие всех членов коллектива в принятии управленческих решений, расширяя тем самым возможности его воздействия. Однако следует помнить, что при коллегиальном стиле руководитель всегда должен оставлять за собой право окончательного принятия решения.

Коллегиальное управление основано на принципах свободной дискуссии и критики недостатков «сверху донизу» или «снизу доверху».

Ответственные решения при таком руководстве обычно принимаются коллегиальными органами самоуправления, собраниями.

Руководитель, использующий коллегиальный стиль руководства, как правило, обладает как должностным, так и моральным авторитетом. Такой руководитель умеет найти нужный тон в своих взаимоотношениях с членами коллектива. Необходимо знать, что искусство управления состоит в том, чтобы уметь пользоваться властью, внешне не апеллируя к ней.

Руководитель предоставляет членам коллектива больше свободы и возможностей для проявления самостоятельности, но никогда не идет на поводу у тех, кто стремится облегчить свои обязанности, и обеспокоен лишь своим материальным благополучием. Он, как правило, не вникает в мелкие детали, не навязывает мелочной опеки, умеет дать нужный совет, предложить толковый вариант решения, оказать необходимую помощь, похвалить или наказать. Такой стиль руководства создает в коллективе оптимальную нравственно-психологическую атмосферу. При таком управлении члены коллектива обычно «болеют» за общее дело, хорошо информированы о положении дел, и ведение финансово хозяйственных дел не вызывает кривотолков. Общий морально-психологический климат в коллективе не благоприятствует интригам, групповщине. Руководитель воспринимается как источник нравственных и групповых норм. Психологическая дистанция между ними и членами коллектива наиболее оптимальна. С одной стороны, она содействует развитию взаимопонимания и чувства ответственности в коллективе, а с другой – обеспечивает взаимное уважение.

При коллегиальном стиле руководства к руководителю предъявляются большие требования. Он должен ясно и четко представлять себе цели и задачи деятельности

коллектива, видеть и понимать интересы каждого исполнителя, а свои требования к ним соответствующим образом обосновывать. Как руководитель он должен обладать чувством самокритики, уметь правильно оценивать свою работу, признавать допущенные ошибки.

Последним традиционным стилем руководства является *формальный* или разрешительный. Этот стиль наиболее приемлем в тех случаях, когда работа подчиненных имеет индивидуальный или творческий характер. Такой стиль руководства, например, возможен в научных коллективах, учебных заведениях, центральном аппарате МЧС, труд в которых требует высокой творческой отдачи и самостоятельности каждого работника.

Необходимо помнить, что там, где постоянно присутствует напряженный ритм труда и согласованность действий многих работников, разрешительному стилю не место. Для коллективов предприятий, работающих, как правило, в сложных условиях, этот стиль руководства не является оптимальным. Чаще всего разрешительный стиль свойствен руководителям с заниженной самооценкой. Для таких руководителей характерна повышенная доверчивость к подчиненным, стремление приписывать им значительно больше сознательности и дисциплинированности, чем есть на самом деле. Такой руководитель находится как бы в стороне от коллектива, работа идет самотеком. Свои распоряжения подобный руководитель отдает, как правило, в форме уговаривания просьб. Контроль текущей деятельности чаще всего поверхностный, эпизодический. Следует отметить, что при таком стиле зачастую возникает «фаворитизм» и «кумовство». Такое руководство порождает бессистемность в работе. В коллективе активизируются лидерские процессы, начинают выделяться лидеры, которые на основе молчаливого согласия остальных начинают управлять коллективом в различных ситуациях. Бывают случаи, когда такими лидерами становятся люди с отрицательным отношением к качественной работе, они стремятся объединить коллектив на основе принципа высокой заработной платы любым способом. В условиях бесконтрольности они начинают «воспитывать» коллектив по своему усмотрению. Часто бывают ситуации, когда таких лидеров появляется несколько, и между ними начинается соперничество, при этом они стремятся привлечь на свою сторону как можно больше членов коллектива. Складывается групповщина, соперничество. В конечном итоге все неудачи в работе коллектива, так или иначе, относятся на счет формального руководителя, его безынициативности, мягкотелости.

Наряду с уже выделенными стилями руководства в подготовке управленческих кадров МЧС необходимо рассматривать и такие виды стилей, как *автократический* и *демократический*. Особенность этих стилей руководства обусловлена преобладанием единоличных и групповых методов воздействия на служебный или воспитательный процессы. Эти стили близки по своим характеристикам директивному и коллегиальному стилям, но различие между ними также довольно существенно. Если директивно-коллегиальные стили связаны с принятием управленческого решения, то автократическо-демократические стили определяются реализацией уже принятых решений. Социальный психолог Г.М. Андреева [5] предлагает следующие их характеристики.

Автократический стиль – деловые, краткие распоряжения; запреты без снисхождения, с угрозой; четкий язык, неприветливый тон; похвала и порицание субъективны; эмоции не принимаются в расчет; дела в группе планируются заранее; голос руководства – решающий.

Демократический стиль – инструкция в форме предложения; не сухая речь, а товарищеский тон; похвала и порицание – с советами; распоряжения и запреты – с дискуссиями; мероприятия планируются не заранее, а в группе; за реализацию предложений отвечают все; работа не только предлагается, но и обсуждается.

Рассмотренные стили руководства показывают, с одной стороны, целесообразность применения демократического стиля реализации решений в коллективах сотрудников МЧС, его большое воспитательное значение, практика же показывает, что часто приходится сталкиваться с автократическим стилем руководства. На основании имеющихся психолого-педагогических исследований можно выделить ряд причин этого явления.

Прежде всего, автократом быть легче и удобней, чем демократом: меньше нужно требовать от себя, можно не утруждаться разбором каких-либо дел, вникать в их содержание, советоваться с подчиненными. Легче командовать, приказывать, кричать, чем по-настоящему организовать коллективную деятельность. Грубость, самодурство могут быть средством защиты автократа, ибо нормальные человеческие отношения неизбежно выявят его невежество, несостоятельность. Отсюда – болезненная нетерпимость к критике. Автократ считает, что подчиненные должны бояться его, это вызывает властолюбие и гипертрофированное самомнение.

В целом из анализа стилей руководства необходимо сделать общий вывод: искусство руководства заключается в искусстве смены стилей, причем наиболее эффективным является *гибкий, динамический, ситуационный стиль руководства*, последовательно изменяющийся в зависимости от складывающихся управленческих ситуаций.

Постоянной чертой такого динамичного, гибкого стиля руководства должна быть последовательность (а не метание из одной крайности в другую): по мере развития коллектива, роста сознательности и сплоченности его членов качественно меняются содержание и форма основных стилей руководства – директивности и коллегиальности (так, коллегиально принятое решение становится директивным для каждого исполнителя). Гибкий стиль предполагает оптимальное сочетание в руководстве централизации и делегирования, то есть передачи руководителями ряда своих полномочий заместителям или бригадирам при принятии решения, контроля, регулирования или согласования принятых решений. Следует подчеркнуть, что основное направление смены стилей руководства должно идти от директивного к коллегиальному, то есть по линии развития коллектива, а не наоборот, его консервации, сдерживания или подавления.

В педагогической подготовке управленческих кадров МЧС следует учитывать, что стиль управления в педагогическом плане определяется, прежде всего, такими факторами как тип личности руководителя, уровень его воспитания, накопленный опыт, условия профессиональной (служебной) стадии развития коллектива.

Литература.

1. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
2. Журавлев П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К. Технология управления персоналом. М., 1999.
3. Бандурк А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология. Харьков, 2002.
4. Сочивко В.В. Стилиевые особенности организаторской деятельности руководителя первичного производственного коллектива. Л., 1987.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.
6. Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Организация управления персоналом на предприятии. М., 1994.
7. Кузьмин Е.С. Актуальные проблемы социальной психологии. Л., 1987.
8. Кричевский Р.Л. Если вы руководитель: элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М., 1998.
9. Рудестам К. Групповая психотерапия. М., 1993.
10. Образование взрослых: междисциплинарный словарь терминологии. СПб.: Ин-т образования взрослых РАО, 1995.
11. Свенцицкий А.Л. Психология управления организациями. СПб., 1999.
12. Скопылатов И.А. Методология военной педагогики. СПб., 1994.
13. Скопылатов И.А., Ефремов О.Ю. Управление персоналом. СПб., 2000.
14. Советская управленческая мысль 20-х годов. М., 1990.
15. Тулинцев Ю.М. Контрольно-аналитическая деятельность руководителя школы в условиях личностного подхода к образованию: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгогр. гос. пед. ун-т, 1995.
16. Шапова А.В. Совершенство системы управления высшим учебным заведением в условиях переходной экономики России: автореф. дис. ...канд. экон. наук. Костром. гос. пед. ун-т им. Н.А. Некрасова, 1996.

ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

К 105-летию Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЖАРНЫЙ ТЕХНИКУМ

Н.Н. Щаблов, кандидат педагогических наук, доцент;

В.Н. Виноградов, кандидат технических наук, доцент.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Предлагается продолжение исторического очерка, опубликованного в предыдущем номере журнала, по развитию и становлению образовательных учреждений Санкт-Петербурга, готовящих специалистов пожарной охраны в период с 1917 по 1944 г.

Ключевые слова: учебное заведение, курсы пожарных техников, пожарно-техническое образование, специалисты пожарной охраны, заочное обучение

To ward 105th anniversary of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

LENINGRAD FIRE PROTECTION TECHNICAL SCHOOL

N.N. Schablov; V.N. Vinogradov. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The continuation of a previously published historic essay dedicated to the establishment and development of St. Petersburg educational establishments training specialists in fire -fighting during the period of 1917–1944.

Key words: educational establishment, courses of fire technicians, fire-technical education, specialists in fire protection, tuition by correspondence

После известных октябрьских событий 1917 г., поскольку страна задыхалась в дыму пожаров, было принято решение обеспечить массовую подготовку специалистов для советской пожарной охраны.

В период 1918–1922 гг. последовала череда реорганизаций Курсов пожарных техников. В начале на базе Курсов было решено создать Пожарно-техническое училище. Затем в 1919 г. создаётся Пожарно-технический институт. Но эти учебные заведения существовали недолго. Гражданская война, разруха и отсутствие финансирования сделали своё дело, и в 1922 г. Пожарно-технический институт был закрыт.

После окончания гражданской войны перед страной встали задачи подъема экономики, развития промышленности и сельского хозяйства. На фоне пожаров, захлестнувших страну в 1920–1921 гг., а также с появлением новых технологических производств, строительством современных промышленных зданий и возрастанием пожарной опасности объектов появилась острая необходимость в специалистах пожарного дела.

На основании циркуляра НКВД РСФСР от 17 сентября 1924 г. № 410 ЦПО на прежней учебно-материальной базе Курсов пожарных техников, на углу Лиговки и Обводного канала, организуется Ленинградский пожарный техникум, занятия в котором начались 1 декабря 1924 г. На техникум была возложена задача не только подготовки специалистов пожарной охраны для самостоятельной работы в городах, сельской местности, промышленных предприятиях, выполняющих обязанности руководителя тушения и предупреждения пожаров, но и организации пожарно-технического образования в стране.

Для руководства деятельностью техникума при ЦПО ГУКХа НКВД РСФСР была организована специальная комиссия. Госстрахом за счет отчислений от чистой прибыли по операциям огневого страхования и различными ведомствами, предприятиями и учреждениями были отпущены необходимые средства, которые обеспечивали его деятельность.

Устав техникума подчеркивал значимость нового учебного заведения. В нём говорилось: «Пожарный техникум есть среднее профессиональное учебное заведение, призванное обслуживать весь СССР и имеет всесоюзное значение».

В первые годы работы техникума на обучение принимались молодые люди не моложе 18 лет, имеющие девятилетнее образование. Срок обучения составлял три года. Впоследствии, столкнувшись с трудностями набора, в техникум стали принимать с семилетним образованием, но при этом учеба продлевалась до четырех лет (в середине 30-х годов обучение сократилось до 3,5 лет). От вступительных экзаменов освобождались лица, имеющие девятилетнее образование и стаж работы в профессиональной пожарной охране или добровольной пожарной команде не менее двух лет.

К поступающим предъявлялись такие же требования по состоянию здоровья, как и к абитуриентам военных училищ.

Согласно учебному плану учащиеся техникума изучали 16 дисциплин, распределённых по трем циклам. В обществоведческий цикл дисциплин включались русский и немецкий языки, обществоведение, в общетехнический – математика, техническая механика, машиноведение, технология, электротехника, графика; в специальный пожарный – химическая технология, стройматериалы и части зданий, пожарные машины и приборы, иппология, физиология труда и профгигиена; экономика и техника пожарного дела, включающая пожарную тактику, пожарную профилактику, пожарно-физическую подготовку, пожарное водоснабжение.

Соотношение учебного времени по видам занятий распределялось следующим образом: лекции – 39 %; практические занятия – 16 %; лабораторные работы – 5 %; проектирование – 10 %; самостоятельная работа – 30 %. Всего планом предусматривалось 38 учебных часов в неделю. Кроме этого, в первом, втором и третьем семестрах слушатели проходили производственную практику.

Выпускники техникума должны были пройти шестимесячную стажировку по пожарной специальности, по результатам которой готовился дипломный проект. После его защиты им присваивалась квалификация «пожарный техник», выдавались специальный нагрудный знак и диплом [1].

В то время техникум был единственным учебным заведением в стране, выпускающим дипломированных специалистов для пожарной охраны, и от опыта его работы, качества подготовки выпускников во многом зависела дальнейшая судьба и развитие сети учреждений пожарно-технического профиля. Это хорошо понимали руководители ЦПО НКВД РСФСР и, прежде всего, его начальник К.М. Яичков.



По его рекомендации заведующим техникума был назначен (по совместительству) начальник Управления пожарной охраны города и области инженер Василий Сергеевич Бекташев, хорошо знавший практику и теорию пожарного дела, который подбирает профессиональные педагогические кадры. На должность заведующего учебной частью был приглашен профессор О.О. Виллим, заведующего практическим обучением – брандмайор Петрограда пожарный техник В.Ф. Смирнов, получивший опыт преподавания в Институте пожарных инженеров. Костяк коллектива составляли преподаватели, работавшие ранее в пожарно-технических учебных заведениях.

В распоряжении техникума находились учебные классы, лаборатории, мастерские и другие помещения, а также библиотека, музей.

В относительно короткий срок были подготовлены учебники, учебные пособия, учебно-методическая литература, которыми впоследствии длительное время пользовались все специалисты пожарной охраны страны, и по которым велось обучение слушателей и курсантов других, появившихся позднее, образовательных учреждений пожарно-технического профиля.

Под руководством профессора Б.Г. Тидемана в короткий срок была создана химическая лаборатория, оборудованная современными приборами, закупленными из-за рубежа. Лаборатория стала первым научно-исследовательским полигоном, где изучалась эффективность работы огнетушителей, проводились опыты по огнестойкому строительству, определялась пожарная опасность веществ и материалов. Большая заслуга В.С. Бекташева, преподавателей техникума заключалась и в том, что у будущих руководителей пожарной охраны воспитывалось чувство гордости за свою профессию. И одной из форм такой работы было создание общими усилиями воспитанников и педагогов музея пожарного дела. Через историю развития пожарной охраны, которая прослеживалась по экспонатам, по техническим достижениям учащиеся осознавали предназначение выбранной профессии: спасать и защищать людей от огня, сохранять имущество государства и граждан, не взирая на тяжелый труд и подвергая собственную жизнь опасности. Музей оказался столь удачным, что его экспозиция в феврале 1931 г. стала отделом в музее города Ленинграда, разместившись на первом этаже Аничкова дворца на Невском проспекте.

В 1930 г., на основании постановления правительственной комиссии и приказа № 272 по Наркомпросу, пожарный техникум передали со всем имуществом, зданиями, лабораториями в непосредственное ведение Управления кадрами НКВД.

10 сентября 1930 г. на первый курс ЛПТ были зачислены две женщины, активистки пожарного дела И.Р. Мартенс и Л.Н. Родионова. Впоследствии количество обучаемых женщин постоянно увеличивалось, и к 1941 г. в техникуме были сформированы 4 женские учебные группы.

В январе 1931 г. после указания НКВД техникум, как и пожарная охрана, переходит в ведение Наркомхоза.

В целях увеличения количества специалистов пожарного дела, Указом СНК РСФСР № 60 от 3 апреля 1931 г., при Ленинградском пожарном техникуме был открыт «заочный техникум», и Управление пожарной охраны произвело к 1 мая всю подготовительную работу по укомплектованию «заочного техникума» не менее как тысячью слушателями.

За короткий срок была организована новая система обучения в пожарной охране – заочная.

В заочный техникум, как и в очный, могли «поступать лица, имеющие знания в объеме семилетней школы, и принимались на обучение в течение трех лет». Было разрешено принимать на учебу и женщин, которых готовили в качестве специалистов по предупреждению пожаров.

В июле 1931 г. заочный пожарный техникум был открыт.

В 1930–1932 гг. Ленинградский техникум оказывал большую помощь Харьковскому, Московскому, Свердловскому и Ивановскому пожарным техникумам, обеспечивая их учебными планами и программами, наглядными пособиями. Начальники учебных частей вновь организованных пожарных техникумов были командированы в Ленинград «для практического ознакомления с постановкой учебно-производственного процесса и учебно-методической работы».

В 1932 г. техникум перешел в ведение Ленгорсовета. Этот переход имел положительное значение – значительно было увеличено сметное ассигнование. Студенты стали получать обеды или в техникуме, или на фабрике-кухне. Техникум обслуживал врач ленинградской пожарной команды.

В 1934 г. техникум подвел итоги десятилетней деятельности своего коллектива. За этот период работы для народного хозяйства было подготовлено 232 техника, многие работники пожарной охраны повысили квалификацию и окончили школу младшего комсостава, проведены актуальные научные исследования, трое преподавателей пожарных дисциплин (П.М. Браун, С.В. Каляев и В.А. Эллисон) стали первыми аспирантами среди работников пожарной охраны.

В 1934 г. произошли важные для пожарной охраны реорганизационные изменения: 10 июня был восстановлен НКВД, на этот раз не РСФСР, а СССР, в структуру которого входило главное управление пожарной охраны. Постановлением СНК СССР от 17 марта 1935 г. учебные заведения передавались в непосредственное подчинение ГУПО НКВД СССР. С этого периода слушатели получали бесплатное форменное обмундирование и обеспечивались бесплатным продовольственным пайком; финансирование учебных заведений осуществлялось из государственного бюджета, что давало возможность существенно улучшить и учебно-материальную базу.

Некогда построенное здание Курсов пожарных техников для его курсистов и современного по тем временам оборудования, лабораторной базы к 30-м годам стало тесным. Многие занятия, особенно по специальным дисциплинам, приходилось проводить в помещениях и лабораториях других вузов. Например, практические вопросы дисциплин «Гидравлика» и «Пожарное водоснабжение» изучались в гидравлической лаборатории института железнодорожного транспорта, учебный материал по теплофизическим свойствам конструкций осваивался в лаборатории института коммунального строительства.

В.С. Бекташев в начале 30-х годов поднимает перед руководством пожарной охраны страны вопрос о строительстве нового здания техникума. И уже в 1935 г. на окраине Московского шоссе был заложен фундаменты главного корпуса техникума и еще трех вспомогательных зданий. Строительство зданий техникума велось при непосредственном участии постоянного и переменного состава техникума.

Новый комплекс зданий техникума В.С. Бекташеву увидеть не довелось. Его постигла трагическая участь многих людей того времени: он был арестован, незаслуженно осужден, эпатирован в лагерь, где 19 мая 1949 г. умер.



Начальником техникума в 1935 г. был назначен ответственный сотрудник ГУП НКВД СССР Григорий Иванович Яковлев, под руководством которого в 1938 г. успешно завершилось строительство всех зданий техникума. Хорошая материально-учебная база, которой так много занимался Яковлев, обеспечила успешную подготовку пожарных кадров. За четыре года техникум выпустил около 500 квалифицированных специалистов.

Профессорско-преподавательский состав продолжил активную работу по совершенствованию учебного процесса, подготовке учебно-методической литературы. В 1939 г. Г.И. Яковлев ушел в отставку [2].



Ленинградский техникум возглавил Михаил Петрович Блейхман. До начала войны техникум выпустил около 1000 специалистов пожарной охраны.

В первые же дни войны начал работать штаб МПВО, который возглавил Ф. Зильберштейн. При нем были созданы противопожарное, медико-санитарное, аварийно-восстановительное, дегазационное отделения. В полную боевую готовность приводилось пожарно-техническое вооружение учебной пожарной команды.

Приказом НКВД от 26 июня 1941 г. № 00825 техникум переименовывали во Вторую пожарно-техническую школу ВПО НКВД СССР с сокращенным годичным сроком подготовки специалистов. Студенты стали курсантами. Им пришлось пройти суровую школу войны.

За мужество и героизм пожарных Ленинграда 10 июля 1942 г. Ленинградская пожарная охрана была награждена высшим в то время орденом – Орденом Ленина. В этом есть заслуга и работников 2-ПТШ (бывшего Пожарного техникума).

20 сентября 1941 г. приказом народного комиссара внутренних дел СССР вторая пожарно-техническая школа ВПО была расформирована.

В 1944 г. после прорыва блокады школа была восстановлена и начала работу по довоенным учебным планам Пожарного техникума. Начальником школы был назначен Сергей Гордеевич Голубев. Согласно приказу НКВД СССР № 448 от 28 сентября 1944 г., школа перешла на трехгодичный срок обучения. С 1 февраля 1945 г. на ее базе открылись курсы усовершенствования начсостава для частей ВПО с годичным сроком обучения, которые действовали до 1948 г., и военное отделение по подготовке пожарных специалистов для армейских частей и соединений Красной Армии.

Литература

1. Журнал «Пожарное дело». 1929. № 2(48). С. 24.
2. Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н. Творцы огнеборцев (Страницы истории). СПб., 2003.

ПРОБЛЕМЫ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

**Г.А. Скипский, кандидат исторических наук, доцент.
Уральский институт ГПС МЧС России.**

**А.А. Луговой, доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Анализируются проблемы пожарной безопасности дореволюционного российского села. Рассматриваются меры профилактики и тактические приемы борьбы с огнем с XVI по XX века.

Ключевые слова: пожарная безопасность, добровольная пожарная дружина, система противопожарной охраны лесных ресурсов, добровольная пожарная охрана

PROBLEMS OF FIRE SAFETY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN VILLAGE

G.A. Skipsky. Ural institute of State fire service of EMERCOM of Russia.

A.A. Lugovoy. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Problems of fire safety of pre-revolutionary Russian village are analyzed. Measures of preventive maintenance and tactical receptions of struggle against fire with 16 for 20 centuries are considered.

Key words: fire safety, a voluntary fire team, system of fire-prevention protection of wood resources, voluntary fire protection

Пожарная безопасность населенных пунктов является основной задачей российской пожарной охраны. Безусловно, на территории нашей страны постоянно происходят и лесные, и степные пожары в засушливые периоды. Но поскольку основной задачей сотрудников ГПС МЧС России является спасение людей и их имущества, обеспечение пожарной безопасности населенных пунктов – основная прерогатива отечественных огнеборцев.

Территория Российской Федерации по-прежнему насыщена огромными лесными пространствами и около 30 % населения страны проживает в сельской местности. Более того, в последние годы наметилась тенденция строительства дачных и коттеджных поселков в пригородных районах. Изучение исторического аспекта проблемы пожарной безопасности сельских населенных пунктов имеет актуальное значение на современном этапе реформирования системы пожарной безопасности России.

Отдельные аспекты данной проблемы затрагивали в своих трудах такие современные российские авторы, как Н.Н. Щаблов, В.Н. Виноградов, В.П. Бессонов, В.В. Черных, В.И. Титков.

В дореволюционной России данную проблематику поднимали в своих публицистических и научных работах Д.Н. Бородин, А.П. Чехов, В.М. Пуришкевич и др.

Поскольку Россия изначально являлась аграрной страной, то традиция становления и развития российской пожарной охраны начиналась в том числе и с организации подразделений по охране сел и деревень от пожаров.

Состояние пожарной безопасности сельского населенного пункта во многом зависит от степени удаленности от других населенных пунктов, из которых возможно прибытие помощи для борьбы с пожарами, поскольку российская деревня всегда испытывала дефицит дееспособного взрослого и особенно мужского населения, потенциально способного к борьбе с огнем.

Расстояния между сельскими населенными пунктами в России всегда были весьма протяженными, поскольку крестьяне часто предпочитали жить большими семьями, что позволяло концентрировать усилия всего коллектива на борьбу с природной стихией и экономить трудовые затраты в ежегодной борьбе за урожай. Потребность в охотничьих и лесных угодьях была велика, поэтому сельские жители во избежание частых столкновений из-за них стремились селиться как можно дальше от соседей.

В результате создавался эффект искусственной изоляции, который еще более скреплял крестьянские общины, что, в свою очередь, ставило естественные пределы роста численности жителей деревень и сел и способствовало «выталкиванию» излишнего населения все дальше на север и на восток, на менее освоенные территории. В результате этих демографических процессов количество работников в крестьянской общине вплоть до начала XX века было ограничено минимум от 2–5, максимум до 30–50 взрослых мужчин, способных и пахать, и охотиться.

Данная демографическая ситуация мало способствовала переходу к интенсивным методам в сельском хозяйстве и ориентировала крестьянскую психологию на постоянное выживание в борьбе с природной стихией. Происходило распыление трудовых ресурсов деревни, предотвратить которое государственная власть и само сельское население России не могли по вполне объективным причинам. Все проблемы приходилось решать сообща, причем приоритет отдавался не экономическим показателям или соображениям престижа, а физическому выживанию сельской общины.

Поскольку наша страна вплоть до середины XX века являлась аграрной, темпы экономического и культурного развития неизбежно сдерживались, государство было вынуждено отвлекать наиболее трудоспособное население для нужд обороны и хозяйственного освоения новых территорий, в результате чего людских ресурсов для борьбы с тушением пожаров постоянно не хватало. В этих условиях основное внимание власти уделяли укомплектованию городских пожарных команд.

При таком отношении к огню часто возникавшие пожары в деревнях обычно не тушились. Огненная стихия воспринималась в качестве наказания со стороны богов, которое необходимо принять и не противиться воле высших сил. После пожара крестьяне обычно покидали насиженное место и селились либо неподалеку, либо переселялись в другие районы страны. Если крупный пожар возникал в городе, то после него горожане обычно отстраивали свои дома не прежнем месте, либо рядом с пепелищем. Об этом свидетельствовали археологические находки последних десятков лет. Интересно отметить, что если в ходе пожара в городе выгорали несколько улиц, то такие события не находили отражение в местных летописях. Это свидетельствует о том, что и в сельской, и в городской местности в эпоху Древней Руси пожары считались обычным и повседневным явлением.

Обычным способом борьбы с пожаром на Руси считалась разборка горящего строения при помощи багров и топоров. Но поскольку дома стояли достаточно близко друг к другу, данный метод не мог предотвратить быстро распространяющееся пламя. Поэтому, как правило, погорельцы довольствовались спасением жизни своих близких и уповали на бога, совершая молитву перед иконой, либо жертвоприношение в виде заливания огня молоком или сырыми яйцами. Этот обычай свидетельствовал о фаталистическом отношении к стихии, которую наши предки пытались умиротворить либо молитвой, либо жертвоприношением, а иногда и тем, и другим.

Вместе с тем, крестьянский фатализм сопровождался и упорством в борьбе с огнем. Если в деревне начинался пожар, несмотря на угрозу его быстрого распространения, многие крестьяне вместо того, чтобы бросаться спасать свое имущество, устремлялись на помощь погорельцам и принимали посильное участие в тушении их дома. Это объясняется не только системой взаимной выручки и круговой поруки, которые скрепляли единство рода или ветви, но и тем, что многие крестьяне в деревне состояли в кровном родстве друг с другом.

Угроза пожаров в сельской местности резко возрастала в засушливое лето, когда горячие ветры иссушали деревянные строения, и малейшая неосторожность с открытым ог-

нем приводила к большой беде; в беспорядочном скоплении деревянных изб, крытых осиновой щепой, дубовой дранкой и соломой, пламя распространялось мгновенно, возникали огненные бури, несшие гибель всему живому. Тушить такие пожары было делом трудным и опасным. Для доставки воды бочками и ведрами, установки смоченных водой защитных щитов, растаскивания горящих бревен и досок крючьями и баграми приходилось привлекать массу людей, которые в это время находились на полевых работах, а также требовало присутствия умелого руководителя тушением пожара, в качестве которого обычно выступал сельский староста. Его опыт, безусловно, позволял справиться с организацией тушения небольших пожаров, но в борьбе с крупными пожарами деревня, безусловно, проигрывала битву с огнем.

Что касается государственной власти, то, вплоть до реформ Петра I, она фактически не интересовалась проблемой пожарной безопасности села. В 1722 г. своим указом Петр I предписал, чтобы в селах и деревнях после пожаров вновь строились дома лишь рядом по два и «в одну жилу», с разрывом между домами в 30 саженей (1 сажень – 1,7 м). Гумна и овины было предписано строить позади и за огородами не ближе 35 саженей от остальных построек, причем все постройки делать по чертежам, изданным в 1721 г.

Для всеобщего сведения по приказу Петра I были изданы планы и рисунки огнестойких крестьянских дворов, изб и других построек. Во все города и села рассылались печатные Указы о противопожарных мерах и соответствующие инструкции. Их также читали в церквях по воскресеньям и праздничным дням, когда собиралось много народа.

Главным органом уездной администрации и полиции после 1722 г. стал *нижний земский суд*, возглавляемый *исправником*. В задачу этого органа также входило принятие противопожарных мер в сельской местности. Таким образом, впервые в истории российской пожарной охраны, представители государственной власти в лице полицейских чиновников обратили внимание на поддержание правил пожарной безопасности в российских селах и деревнях.

Тем не менее, проблема поддержания пожарной безопасности продолжала решаться исключительно за счет самого сельского населения. Профессиональные пожарные формирования продолжали создаваться только для охраны столиц и городов губернского масштаба.

До XVIII века законов, охраняющих лесные богатства от пожаров, не было. Леса было много, и его хватало на все хозяйственные нужды. Однако с XVIII века положение дел стало меняться. Государство начало вводить некоторые ограничения. В 1753 г. указом Елизаветы Петровны было запрещено разводить огонь в лесу. Это был первый такого рода документ. Спустя несколько лет требование пожарной безопасности еще более ужесточили, было запрещено разводить огонь вблизи лесов и мостов. Контроль возлагался на специальную службу, которая несла дежурство на всех больших дорогах. Вместе с тем, следует заметить, что проблему охраны лесов от пожаров впервые затронуло правительство царя Алексея Михайловича, что нашло свое отражение в Соборном Уложении 1649 г.

Вновь проблему пожарной безопасности на селе попытался решать император Павел I, который издал специальный указ в 1797 г. Этим указом крестьянам предписывалось иметь несколько крюков и 3–4 лестницы. Инструменты обычно хранились возле церквей или в центре села. На крышах крестьянских домов возле печных труб устанавливали небольшие чаны с водой.

При сжигании леса при расчистке земли под новые пашни предписывалось специальным указом 1798 г. возложить ответственность за предупреждение таких пожаров на уездные и губернские управы. Два года спустя, в 1800 г., в казенных селениях назначаются пожарные старосты, избираемые на три года из селян. В их обязанность входит контроль соблюдения правил пожарной безопасности. В частности, запрещалось разводить костры с наступлением весны и до середины октября. В ночное время разводить костер можно было не ближе двух саженей (до 3,5 метров) от лесного массива и т.п.

В первой четверти XIX века кроме профессиональных полицейских городских команд

стали создаваться добровольные пожарные дружины. Одна из первых таких пожарных дружин, как их стали впоследствии называть, была создана крестьянами села Верхне-Удинска в 1820 г. Сибирские крестьяне не являлись крепостными, поэтому сохраняли достаточно широкие права местного самоуправления. Подобные добровольные пожарные команды в сельской местности в европейских губерниях были невозможны, поскольку в крепостной деревне всеми полномочиями обладал помещик, не допускавший лишней возможности самоорганизации своих подданных.

Население дореволюционной России, видя, что царское правительство мало уделяет внимания защите от огня их имущества, стало организовываться в добровольные пожарные общества – общественные пожарные команды и дружины, как в селах, так и в городах. На собственные сбережения они приобретали необходимый пожарный инвентарь, устанавливали поочередное дежурство, объединялись в суточные смены. Боеготовность добровольных пожарных дружин в ряде случаев не уступала профессиональным пожарным командам.

Буржуазно-либеральные реформы 1860–1870-х гг. дали мощный импульс для развития добровольной пожарной охраны, поскольку теперь появились более благоприятные условия – в сельской местности после отмены крепостного права в 1861 г. стало возрождаться местное самоуправление, а государство временно ослабило полицейский контроль над населением.

Проблема профилактики пожаров в сельской местности значительно усугублялась продолжавшейся социально-экономической деградацией российского села во второй половине XIX века. Многочисленные требования о преимущественном возведении каменных и огнестойких зданий, издававшиеся в течение XVIII и XIX столетий, так и не привели к радикальным изменениям в отношении этих строений. *В начале XX века в городах Российской империи было всего 14,8 %, а в селах 2,5 % каменных домов.*

К мерам профилактики можно отнести распоряжения российских генерал-губернаторов о том, чтобы соломенные крыши на хатах обмазывались глиной, на крышах подле труб ставились деревянные ушаты с водой; у домов имелись приставные лестницы, да трубочистами осматривались печи обывателей. Но содержать собственных трубочистов и печных мастеров многие села не могли, поэтому проводили данные работы по своему усмотрению, часто с нарушениями правил эксплуатации и чистки печных дымоходов. Города Российской империи в этом плане были более защищены – трубочисты числились в штате городской полиции после указа Петра I от 1718 г.

В начале XX века в Российской империи налаживается огнестойкое строительство в селах. Оно происходило за счет развития пожарно-страхового дела, которым стало активно заниматься добровольческое движение совместно с земскими органами самоуправления. Впервые стал применяться цемент, увеличивается применение кирпича в качестве строительного материала. Внедрение новых строительных материалов происходило благодаря развитию кредитных сельских кооперативов, которые финансировали строительство местных кирпичных заводов. В 1905–1908 гг. на эти цели земства израсходовали 14 млн руб. Вместе с тем, ущерб, ежегодно наносимый пожарами в стране, составлял 400–500 млн руб.

Обстановка с пожарами была до того сложной, что повсеместно стало распространяться применение при тушении пожаров труда женщин и детей. Проблема тушения сельских пожаров стала основной темой обсуждаемой на VI съезде Императорского Российского пожарного общества (ИРПО). Вместе с тем, должной поддержки со стороны государственной власти ИРПО не получило, что не нашло своего отражения в деятельности Государственной Думы Российской империи, которая была больше озабочена проблемами пожарной безопасности городов и промышленных предприятий, чем крестьянских подворий. Это вполне объяснялось составом депутатского корпуса, который в основном представлял

интересы крупных монополий и частного предпринимательства, сосредоточенных в нескольких крупных городах империи, и озабоченных решением собственных проблем. Впрочем, и на уровне земских уездных управ представительство крестьян было весьма малочисленным, поэтому пожаробезопасное строительство в основном происходило в подворьях сельских кулаков и в помещичьих усадьбах.

В этих социально-экономических условиях возможность развития добровольческого движения в сельской местности была значительно ограничена, что в совокупности с отсутствием должного внимания со стороны органов земского самоуправления и центральной государственной власти отодвигало решение проблемы пожарной безопасности в российских селах в неопределенную историческую перспективу.

Исторический опыт организации пожарного дела в сельской местности России в дореволюционную эпоху показывает, что в течение всей истории становления пожарного дела на селе российская власть фактически не оказала действенной финансовой, материально-технической поддержки. Она использовала свой административный ресурс в основном в формировании нормативно-правовой основы пожарной безопасности сельского населенного пункта и контролирующим функциям.

Социально-экономическая деградация села в пореформенную эпоху (последняя треть XIX – начало XX вв.) не позволила организовать полноценного добровольческого противопожарного движения в российской деревне. Развитие рыночных отношений поставило добровольцев в зависимость от уровня их благосостояния и материально-технического оснащения, который принципиально не улучшился, несмотря на завершение в стране промышленного переворота. Незавершенность буржуазно-либеральных реформ 1860–1870-х гг. не способствовала развитию сельского самоуправления, органы которого стали придатком бюрократического аппарата и не способствовали эффективному решению проблемы роста числа пожаров. Но главной причиной неэффективности состояния пожарной безопасности в российском дореволюционном селе являлся низкий уровень образованности подавляющего большинства населения, для которого проблема физического выживания была приоритетнее, чем проблема профилактики и тушения пожаров. Традиционное мировоззрение российского дореволюционного крестьянства оценивало высокий уровень пожароопасности как обыденную, а не как чрезвычайную ситуацию.

Кардинальное решение проблемы пожарной безопасности российского села могло произойти только вместе с радикальным изменением государственного и общественного строя Российской империи, что стало происходить после революции 1917 г.

Литература

1. Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых (1613–1913) СПб., 1913. 155 с.
2. Голубев С.Г., Зильберштейн Ф.Б., Савельев П.С. Пожарное дело в СССР. М., 1968. 217 с.
3. Ермолова М.А. Женский вопрос в пожарном деле // Борьба с огнем и страхование. 1916. № 8.
4. Немного статистики. Пожарное дело 1909 г. № 12.
5. Пуришкевич В.М. Национальное бедствие в России. СПб., 1909. 73 с.
6. Титков В.И. Четвертая стихия. МВД России. М., 1998. 175 с.
7. Трачук М.П. История пожарного дела в России. / Львовское пожарно-техническое училище МВД СССР. Львов, 1959. 89 с.
8. Черных В.В. История пожарного дела России / Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2003. 203 с.
9. Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб. 1892. 131 с.
10. Щаблов Н.Н. Виноградов В.Н., Бессонов В.П. Пожарное дело в России: хрестоматия. / Академия российских энциклопедий. СПб., 2007. 688 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ В РОССИИ

О.В. Гаврилова, кандидат юридических наук;

Е.О. Латышева, кандидат юридических наук;

С.М. Степкин.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Рассматривается вопрос создания и становления пожарного добровольчества в дореволюционной России. Анализируется положительный опыт создания добровольных пожарных команд в Российской империи.

Ключевые слова: пожар, пожарная команда, взаимодействие, добровольная пожарная охрана, правовой статус

TO THE PROBLEMS OF CREATION OF VOLUNTEER FIRE SERVICE IN RUSSIAN FEDERATION

O.V. Gavrilova; E.O. Latysheva; S.M. Stepkin. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The question of volunteer fire service in pre-Revolutionary Russian Federation is considered. The experience of volunteer fire service brigades in Russian Empire is analyzed.

Key words: the fire, the fire brigade, the interaction, the voluntary fire protection, the legal status

6 мая 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Федеральный закон № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» (принят Государственной Думой РФ 20 апреля 2011 г., одобрен Советом Федерации 27 апреля 2011 г.).

Закон направлен на урегулирование общественных отношений, возникающих в связи с реализацией физическими лицами и юридическими лицами (общественными объединениями) права на объединение для участия в профилактике и тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ.

Федеральным законом устанавливаются правовые основы создания и деятельности добровольной пожарной охраны, определяются права и гарантии деятельности общественных объединений пожарной охраны и добровольных пожарных, регулируются отношения добровольной пожарной охраны с органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями и гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Затрагивая вопрос пожарного добровольчества в нашей стране, нельзя не сказать, прежде всего, об актуальности развития этого движения в современной России. Горький опыт минувшего засушливого лета еще раз подтвердил: моральных и материальных потерь можно было бы избежать, если бы в отдаленных сельских районах были боееспособные пожарные дружины.

По мнению министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С.К. Шойгу «все реагирование на лесные и площадные пожары надо делить на два основных уровня. Первый – это реагирование на местном уровне за счет создаваемых добровольных пожарных дружин и за счет органов местного самоуправления, которые должны быть наделены определенными полномочиями, и иметь, как это принято во всем мире, социальные льготы» [1].

Известный писатель М. Веллер уверен, что россиянам по силам создание пожарных команд (как это делает население некоторых стран). Но «для этого необходимо в принципе уменьшить власть чиновников и увеличить низовую инициативу населения. Чтобы люди, пожелавшие создать свою пожарную дружину, не обивали пороги чиновников, пытались получить десятки справок и объясняя, зачем им это нужно, почему им это можно и т. д.» [2].

В соответствии с положениями Федерального закона «О пожарной безопасности» добровольная пожарная охрана является одним из элементов системы обеспечения пожарной безопасности страны [3].

Привлечение граждан к деятельности в области обеспечения пожарной безопасности населенных пунктов и организаций оказывает существенное влияние на оперативную обстановку с пожарами в стране и деятельность Государственной противопожарной службы.

Во-первых, расширяется круг лиц, участвующих в данном процессе, что позволяет органам управления ГПС оптимизировать свои ресурсы. Во-вторых, подразделения и органы управления ГПС получают дополнительный источник информации о противопожарном состоянии населенных пунктов и объектов национальной экономики. В переходный период экономики России деятельность ДПО по профилактике и тушению пожаров резко сократилась. Это связано с процессом распада добровольной пожарной охраны.

В настоящее время в Российской Федерации более 103 тыс. населенных пунктов с численностью населения 37 млн человек находятся за пределами нормативного радиуса выезда подразделений пожарной охраны. Остро стоит вопрос организации тушения пожаров в сельской местности [4].

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность развития и совершенствования добровольного начала в системе обеспечения пожарной безопасности для организации эффективной борьбы с пожарами.

В основу Федерального закона «О добровольной пожарной охране» были положены исторически обусловленные принципы создания и организации деятельности добровольной пожарной охраны в России.

Пожарное добровольчество в России имеет давнюю историю, уходящую своими корнями в XIX век. К середине позапрошлого столетия стало очевидно, что обуздать огонь силами профессионалов невозможно, и назрела острая необходимость в создании новых форм организации борьбы с огнем, в том числе с привлечением населения в борьбе с пожарами. Стали создаваться вольнонаемные и общественные команды или пожарные дружины при городских самоуправлениях. Впервые такие команды появились в Европе в XIX веке.

В Российской империи первая общественная пожарная команда была сформирована в 1843 г. в г. Осташкове Тверской губернии. Учреждена она была по инициативе городского общества. Однако озабоченность Осташковского городского общества относительно борьбы с пожарными бедствиями проявилась гораздо раньше, а именно, с начала века. Еще в 1809 году городское общество Осташкова, во главе которого стоял в то время первостатейный купец К.В. Савин, решило собирать с купцов и мещан города определенную сумму на оснащение города пожарными устройствами и постройку помещения для пожарного инвентаря.

С тех пор это благое дело при усердии жителей города, постепенно развивалось. Что выразилось в увеличении как состава пожарного обоза, так и числа обывателей, обязавшихся являться на пожары с инструментом. Уже к 1822 г. таких лиц было 800. Среди осташковцев оказались граждане, научившиеся в Московском пожарном депо делать пожарные инструменты. Постепенно они оказывали помощь и в других местностях страны в пожарных случаях.

Благоустройство пожарной части в г. Осташкове было доведено до такого благосостояния, что оно было поставлено примером для городов России. Со своей стороны правительство поощряло полезную деятельность граждан. Им было предоставлено ряд льгот: освобождение от платы повинностей и от воинского постоя за ручательством городского

общества, форменной фуражки с галуном и затем кокарды на них и аттестат от городской думы за десятилетнюю службу. За более же продолжительный срок и особенное отличие некоторые из членов общества были удостоены высочайших наград – золотых и серебряных медалей.

Также в числе первых вольно-пожарные общества были организованы в городах: Ревель (1862 г.); Юрьев (1864 г.); Рига (1865 г.); Пернов (1866 г.); Аренсбург; Валк, Вольмар, Вердей, Лемзам, Феллин (все – в 1867 г.), Верро, Туккум (1868 г.).

Членами пожарных команд становились мещане, церковнослужители, рабочие и ремесленники, крестьяне. Все они были кровно заинтересованы в сохранении от огня своих жилищ и имущества.

Что же заставляло граждан добровольно вступать в ряды вольно-пожарных команд? Несомненно, главным и единственным стимулом было осознание необходимости противодействия огненной стихии, основанное на чувстве взаимопомощи и единения, желание бескорыстно помочь ближним в постигшем их несчастье.

Говоря об истории пожарного добровольчества в дореволюционной России, нельзя не упомянуть и о Вольном пожарном обществе в г. Орле, учрежденном в 1888 г. по инициативе городского головы А.И. Лебединского (председатель общества) и первого командира дружины К.К. Шуммера. Однако население города к созданию Общества отнеслось безучастно, но вскоре своими действиями на пожарах добровольцы вернули доверие горожан. Орловское пожарное общество состояло из почетных и действительных членов, так называемых охотников, а также членов-жертвователей. Все действительные члены Общества составляли дружину, которая делилась на отряды: трубников, лазальщиков и охранителей. Во главе каждого стоял брадмейстер. В дружине имелась вещевая и врачебная части. Командир дружины заведовал всеми ее отрядами и частями.

Распорядительной частью заведовал Совет из членов, избираемых общим собранием, а также Городской голова и полицмейстер. Средства Общество получало в виде частных пожертвований, членских взносов, субсидий от города и от страховых обществ. Случайный доход приносило проведение публичных гуляний в городском саду, заливка ледяных гор и катка. Расходы состояли в уплате извозчикам по таксе за доставку членов-охотников дружины на пожары, в ремонте насосов и найме у горожан лошадей под обоз.

Дружина вместе с городской полицейской пожарной частью принимала участие в тушении не только всех городских пожаров, но и в других населенных пунктах. Так, 18 октября 1892 г. по распоряжению губернатора дружина была отправлена экстренным поездом в Курск и помогла курянам в борьбе с огненной стихией, чем оказала жителям неоценимую услугу (в тот период городская пожарная команда Курска насчитывала менее 10 человек).

По данным Министерства внутренних дел, в 1910 г. в 50 губерниях европейской части России насчитывалось 3309 добровольных пожарных обществ и дружин. Среди них сельских пожарных обществ и дружин – 2868. Наибольшее число подобных добровольных организаций было в Пермской губернии – 476.

Всего же к 1917 г. в Российской империи было организовано более 6 тысяч различных пожарных организаций, добровольных среди них насчитывалось около 5 тысяч [4].

Нельзя не отметить и тот факт, что значительную роль в становлении пожарного добровольчества в России, а главное, в его централизованном управлении сыграло Императорское пожарное общество (ИПО). 15 июня 1992 г. Съезд русских деятелей пожарной охраны единодушно признал жизненно важным создание Пожарного общества, одобрив проект Устава Общества, – этот день следует считать днем рождения Российского пожарного общества [5].

В 1893 г. было создано Соединенное российское пожарное общество, сформирован и приступил к практической работе Совет Общества, председателем которого стал граф А.Д. Шереметьев.

В 1898 г. Российское пожарное общество стало императорским, а почетным

председателем стал Великий князь Владимир Александрович. Вторым председателем стал граф А.Д. Львов. Деятельность общества носила многогранный характер. В его задачи входило: принятие предупредительных мер, пресечение пожарных бедствий, помощь пожарным и лицам, пострадавшим от пожаров, издание специальной литературы, организация и проведение пожарных выставок.

Основным источником финансирования деятельности Совета общества и добровольных пожарных организаций являлись разовые взносы почетных членов Общества, страховых компаний, деньги от лотерей, продажи пожарной техники.

Российское пожарное общество являлось фактически единственным в России центром по решению всех проблем, связанных с пожарами. Его усилиями удалось объединить многих деятелей пожарной охраны для решения насущных вопросов пожарной безопасности. Велика была заслуга Общества в расширении противопожарной пропаганды.

Нельзя не оценить положительно заслугу специальных печатных изданий в освещении и пропаганде пожарного добровольчества в стране. Так, российские журналы «Пожарный», «Пожарное дело» достаточно широко публиковали материалы о деятельности пожарных обществ.

ИРПО просуществовало 27 лет. В 1919 г. в силу нелояльности руководства Центрального Совета Общества к Советской власти ИРПО было ликвидировано, хотя структурные подразделения, добровольные пожарные формирования и команды сохранились практически во всех губерниях и волостях и существовали в период советской власти.

Дореволюционный опыт пожарного добровольчества в нашей стране может быть полезен и продуктивен в нынешнее время при создании добровольных пожарных команд на местах, в сельской глубинке. Показателен такой опыт и в плане взаимодействия чиновников и населения в таком важном для пожарной безопасности страны деле. Актуален пример и основного источника финансирования деятельности совета Российского пожарного общества и добровольных пожарных организаций – разовые взносы почетных членов Общества, страховых компаний, деньги от лотерей, продажи пожарной техники.

Общероссийская общественная организация «Всероссийское добровольное пожарное общество» сегодня это:

- 81 региональное отделение в субъектах Российской Федерации;
- 874 местных (городских районных) отделения ВДПО. В том числе 22 в закрытых административно-территориальных образованиях;
- научно-исследовательский институт ВДПО ОПБ с 32 филиалами в крупнейших субъектах РФ;
- Тольяттинский завод противопожарного оборудования ВДПО;
- издательский дом ВДПО.

В рядах ВДПО свыше 210 тыс. членов и граждан, добровольно исполняющих общественные обязанности в сфере пожарной безопасности и защиты от ЧС.

Ежедневно более 8 тыс. штатных работников ВДПО, среди которых немало педагогов, воспитателей, психологов и социальных работников проводят целенаправленную работу по воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности среди населения.

ВДПО сегодня – это более 17 тыс. дружин юных пожарных, свыше 226 тыс. юных пожарных. Ежегодно проводится более 30 тыс. коллективно-творческих мероприятий с детьми и молодежью, в которых принимает участие более полутора миллиона человек [6].

Несмотря на все трудности Всероссийское добровольное пожарное общество, имея и на практике реализуя на протяжении всей истории своего существования в качестве уставных благородные цели по борьбе с пожарами, вносит и будет вносить достойный вклад в обеспечение пожарной безопасности России.

Нельзя особо не отметить, что в подписанном Президентом Российской Федерации Федеральном законе от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» дано

определение понятию «добровольная пожарная охрана». Законодательно определен правовой статус пожарных добровольцев, порядок их обязательного страхования и стимулирования деятельности. Регламентирован порядок привлечения граждан для участия в деятельности добровольной пожарной охраны в случае возникновения пожаров для выполнения закрепленных за ними функциональных обязанностей пожарных добровольцев во время исполнения ими трудовых обязанностей по основному месту работы с обязательным учетом интересов работодателей.

Федеральным законом предусматривается, что добровольная пожарная охрана – это социально ориентированные общественные объединения пожарной охраны, созданные по инициативе граждан и юридических лиц, объединившихся для участия в деятельности по профилактике и тушению пожаров и проведению аварийно-спасательных работ.

Кроме того, определены такие основные понятия, как «добровольный пожарный». Это физическое лицо, являющееся членом или участником общественного объединения пожарной охраны и принимающее на безвозмездной основе участие в профилактике и тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ; «работник добровольной пожарной охраны» – физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с юридическим лицом – общественным объединением пожарной охраны; «добровольная пожарная дружина» и «добровольная пожарная команда», являющиеся территориальными или объектовыми подразделениями добровольной пожарной охраны, принимающими непосредственное участие в тушении пожаров. При этом команда имеет на вооружении мобильные средства пожаротушения, а дружина их не имеет.

В документе определено, что деятельность добровольной пожарной охраны строится на принципах добровольности, равноправия, свободы в определении внутренней структуры добровольной пожарной охраны, целей, форм и методов деятельности добровольной пожарной охраны, готовности подразделений добровольной пожарной охраны и добровольных пожарных к участию в профилактике и тушении пожаров, проведении аварийно-спасательных работ и к оказанию первой помощи пострадавшим.

Положениями Закона определяются аспекты социальной и экономической поддержки деятельности работников добровольной пожарной охраны и добровольных пожарных, установлены их права, обязанности и ответственность.

Федеральным законом предусмотрен порядок организации службы добровольной пожарной охраны, а также финансового и материально-технического обеспечения её деятельности, которое осуществляется за счёт собственных средств, взносов и пожертвований, средств учредителей, средств поддержки, оказываемой органами государственной власти и органами местного самоуправления, и иных средств, не запрещённых законодательством Российской Федерации.

Литература

1. Шойгу С.К. Ситуация этого лета показала, что необходимо вносить изменения и дополнения в законодательство о местном самоуправлении // Спасатель. 2010. 14 сент. № 25 (291), С. 3.
2. Веллер М. Не вяжите нам руки. / Аргументы и факты. 2010. № 39 (1560). С. 56.
3. О пожарной безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // СЗ РФ. № 35.
4. Дешевых Ю.И. Всероссийское добровольное пожарное общество: вчера, сегодня, а завтра? // Пожарное дело. 2006. № 4.
5. Харин Ю. Пожарное добровольчество в дореволюционной России // Спасатель. 2010. № 25 (291). 14 сент. С. 14.
6. Пожарное добровольчество. История и современность // Пожарное и спасательное дело. 2009. № 5. С. 15–20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Владимир Трофимович – проф. каф. организации пожаротуш. и провод. авар.-спас. работ СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-25-85, e-mail: avt@mail, канд. воен. наук, доц.;

Аланичева Наталья Евгеньевна – препод. каф. ин. яз. и культуры речи СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д.149), тел. (812) 774-47-36, e-mail: 1 nealanicheva@mail.ru;

Ардаматская Елена Николаевна – проф. каф. ин. яз. и культуры речи СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д.149), тел. (812) 774-47-36, e-mail: ardam-elena@yandex.ru, канд. филол. наук, доц.;

Бойкова Валентина Александровна – адъюнкт факультета подготовки и переподг. науч. и науч.-пед. кадров СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: valka81@mail.ru, тел. (812) 387-97-95;

Виноградов Владимир Николаевич – техн. редактор объедин. редакции СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-68-91, e-mail: redakziaotdel@yandex.ru, канд. техн. наук, доц., проф. Академии энциклопед. наук;

Винокурова Надежда Георгиевна – проф. каф. психологии риска, экстрем. и кризис. ситуаций СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-25-85, д-р пед. наук, проф., засл. работник высш. шк. РФ;

Гаврилова Ольга Вячеславовна – редактор редакционного отд. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-68-91, канд. юр. наук;

Грешных Антонина Адольфовна – нач. факультета подготовки и переподг. науч. и науч.-пед. кадров СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 387-97-95, e-mail: g.antonina@mail.ru, д-р пед. наук, канд. юр. наук, проф.;

Губанова Ольга Александровна – зам. нач. отд. кадров СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 388-87-20, канд. пед. наук;

Зверев Валерий Леонидович – проф. каф. психол. и пед. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 388-86-28, e-mail: zvaleo@mail.ru, канд. ист. наук, доц.;

Иванов Андрей Федорович – проф. каф. филос. и соц. наук СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 774-63-35, e-mail: nexus@home.eltel.net, д-р филос. наук, проф.;

Курис Ирина Викторовна – зав. каф. трансперсональной психологии и педагогики Международного университета фундаментального образования, тел. (812) 370-51-88, e-mail: kurisira@gmail.com, канд. пед. наук, проф.;

Латышева Елена Олеговна – доц. каф. филос. и соц. наук СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 774-63-35, канд. юр. наук;

Луговой Александр Александрович – нач. каф. филос. и соц. наук СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 774-63-35, д-р филос. наук, проф., засл. работник высш. шк. РФ;

Михайлова Валентина Владиславовна – доц., каф. психол. и пед. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 388-86-28 e-mail: valentine-vladi@mail.ru;

Петимко Александр Иванович – ст. препод. каф. психол. и пед. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 388-86-28, e-mail: pais60@mail.ru;

Рондырев-Ильинский Владимир Борисович – зам. нач. 5 отряда федеральной противопож. службы по Ханты-Мансийскому автон. окр.-Югра, (г. Нижневартовск, ул. Интернациональная, д. 61 «А»), тел. 8(3666)46-70-31, e-mail:osipta@list.ru, канд. пед. наук;

Скипский Георгий Александрович – доц. каф. истории Уральского института ГПС МЧС России (620062 г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 22), тел. 8(343) 375-15-10, канд. истор. наук, доц.;

Солнцев Владимир Олегович – нач. отд. кадров СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-44-49, канд. пед. наук, доц.;

Степкин Сергей Михайлович – зам. нач. редакционного отд. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 369-68-91;

Тангиев Бахаудин Батырович – проф. каф. теории и истории гос. и права СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 601-31-20, e-mail: tangievb@yandex.ru, канд. техн. наук, канд. юр. наук, доц.;

Чепкасова Екатерина Владимировна – доц. каф. филос. и соц. наук СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 774-63-35, e-mail: echerkasova@mail.ru, канд. филос. наук, доц.;

Филимонова Елена Геннадьевна – доц. каф. фин.-экон.и тылового обеспечения. СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812)369-05-45, канд. экон. наук, доц.;

Щаблов Николай Николаевич – проф. каф. филос. и соц. наук СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812) 774-63-35, канд. пед. наук, доц., проф. Академии энциклопед. наук;

Юнцова Ольга Семеновна – зам. нач. уч.-метод. работы центра организации и координации СПб университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), тел. (812)369-01-50, канд. пед. наук, доц.



ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – высшее учебное заведение, реализующее программы высшего профессионального образования, а также образовательные программы послевузовского профессионального образования по подготовке научных, научно-технических и научно-педагогических кадров (адъюнктура, аспирантура, докторантура). Институт дополнительного профессионального образования (в составе университета) осуществляет переподготовку и повышение квалификации специалистов более 30 категорий сотрудников МЧС России.

Сегодня университет является высшим учебным заведением федерального подчинения, имеющим статус юридического лица и реализующим профессиональные образовательные программы высшего, среднего, послевузовского и дополнительного образования.

Основным направлением деятельности университета является подготовка специалистов в рамках направления – «безопасность жизнедеятельности», вместе с тем организована подготовка и по другим специальностям, востребованным в системе МЧС России. Это специалисты в области законодательного обеспечения и правового регулирования деятельности МЧС России, психологии риска и чрезвычайных ситуаций, бюджетного учета и аудита в организациях МЧС, пожарно-технические эксперты и дознаватели. В 2007 г. в Рособннадзоре аккредитована специализация «Проведение проверок и дознания по делам о пожарах» в рамках специальности «Юриспруденция».

Широта научных интересов, высокий профессионализм, большой опыт научно-педагогической деятельности, владение современными методами научных исследований, постоянный поиск оптимальных путей решения современных проблем позволяют коллективу университета приумножать научный и научно-педагогический потенциал вуза, обеспечивать непрерывность и преемственность образовательного процесса. Сегодня на 31 кафедре университета свои знания и огромный опыт передают 11 заслуженных деятелей науки РФ, 14 заслуженных работников высшей школы РФ, 2 заслуженных юриста РФ, заслуженные изобретатели РФ и СССР. Подготовку специалистов высокой квалификации в настоящее время в университете осуществляют: 2 лауреата Премии Правительства РФ в области науки и техники, 91 доктор наук, 222 кандидата наук, 84 профессора, 121 доцент, 14 академиков, 10 членов-корреспондентов, 5 почетных работников высшего профессионального образования РФ, 2 почетных работника науки и техники РФ.

Начальник университета – Владимир Сергеевич Артамонов, генерал-полковник внутренней службы, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ по проблемам управления, информатики и вычислительной техники, член Аттестационной комиссии по вопросам присвоения ученых званий профессора по кафедре и доцента по кафедре, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

В состав университета входят *три института*: дополнительного профессионального образования; заочного и дистанционного обучения; безопасности жизнедеятельности; *три факультета*: инженерно-технический; экономики и права; подготовки и переподготовки научных и научно-педагогических кадров.

Филиал университета – Сибирский филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Железногорск, Красноярский край.

Университет имеет представительства в других городах: Стрижевой (Томская обл.);

Магадан, Мурманск, Алматы (Казахстан), Полярные Зори (Мурманская обл.), Махачкала, Выборг (Ленинградская обл.), Чехов (Московская обл.).

В университете созданы:

- учебно-методический центр;
- научно-исследовательский центр;
- центр информационных технологий и систем;
- учебно-научный центр инженерно-технических экспертиз;
- центр дистанционного обучения;
- экспертный центр;
- технопарк науки и инновационных технологий.

Университет осуществляет подготовку по программам высшего и среднего профессионального образования по следующим специальностям:

Специальность	Квалификация	Направление	Специализация	Предназначение
Пожарная безопасность	Инженер (старший техник)	Безопасность жизнедеятельности	Пожаротушение, государственный пожарный надзор	Органы управления и подразделения МЧС России
Психология	Психолог	Гуманитарные науки	Безопасность в ЧС	Психологическое обеспечение деятельности МЧС России
Юриспруденция	Юрист	Гуманитарные науки	Безопасность в ЧС. Проведение проверок и дознаний по делам о пожарах	Законодательное и правовое регулирование в обеспечении деятельности МЧС России
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	Экономист	Экономика и управление	Бухгалтерский учет, анализ и контроль в бюджетных и некоммерческих организациях	Бюджетный учет и учет в подразделениях МЧС России
Системный анализ и управление	Бакалавр техники и технологии	Автоматика и управление		Подразделения управления силами и средствами
Прикладная математика	Инженер-математик	Информатика и вычислительная техника	Информационные технологии в системе управления ГПС	Аналитические подразделения
Безопасность технологических процессов и производств	Инженер	Безопасность жизнедеятельности		Подразделения МЧС России по охране спецобъектов и объектов национального достояния

Специальность	Квалификация	Направление	Специализация	Предназначение
Судебная экспертиза	Судебный эксперт	Гуманитарные науки	Инженерно-технические экспертизы	Дознание по делам о пожарах, испытательные пожарные лаборатории
Автомобили и автомобильное хозяйство	Инженер	Эксплуатация наземного транспорта и транспортного оборудования	Техническая эксплуатация автомобилей	Автомобильное хозяйство, автопарки МЧС России
Управление персоналом	Менеджер	Экономика и управление	Управление персоналом в организациях МЧС России	Кадровой аппарат подразделения МЧС России
Государственное и муниципальное управление	Менеджер	Экономика и управление	Управление в ЧС	Организация управления в подразделениях МЧС России
Менеджмент организации	Менеджер	Экономика и управление	Менеджмент в материально-техническом обеспечении	Пожарно-технические центры, тыловые подразделения
Организация и технология защиты информации	Специалист по защите информации	Информационная безопасность	Защита информационных процессов в компьютерных системах и вычислительных сетях МЧС России	Обеспечение информационной безопасности в подразделениях МЧС России
Безопасность жизнедеятельности	Учитель безопасности жизнедеятельности	Образование и педагогика		Подготовка преподавателей учебных центров
Защита в чрезвычайных ситуациях	Инженер	Безопасность жизнедеятельности		Органы управления и подразделения МЧС России
Дополнительное образование				
На основе специальности «Пожарная безопасность»	Переводчик в сфере профессиональной коммуникации	Безопасность жизнедеятельности		Органы управления и подразделения МЧС России

В университете действуют шесть диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по техническим, педагогическим, психологическим, юридическим и экономическим наукам.

В университете осуществляется подготовка научных и научно-педагогических кадров, в том числе и на возмездной основе. Подготовка докторантов, адъюнктов, аспирантов и

соискателей осуществляется по ряду специальностей технических, экономических, юридических, педагогических и психологических наук.

При обучении специалистов в вузе широко используется передовой отечественный и зарубежный опыт. Университет поддерживает тесные связи с образовательными, научно-исследовательскими учреждениями и структурными подразделениями пожарноспасательного профиля Азербайджана, Белоруссии, Великобритании, Германии, Казахстана, Канады, Молдавии, США, Украины, Финляндии, Франции, Эстонии и других государств.

Ежегодно в университете проводятся международные научно-практические конференции, семинары и «круглые столы» по широкому спектру теоретических и научно-прикладных проблем, в том числе по развитию системы предупреждения, ликвидации и снижения последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, совершенствованию организации взаимодействия различных административных структур в условиях экстремальных ситуаций и др. На базе университета совместные научные конференции и совещания проводили Правительство Ленинградской области и Федеральная подписание соглашения о сотрудничестве с Государственным институтом служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, научно-технический совет МЧС России и Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации, Северо-Западный региональный центр МЧС России, Международная ассоциация пожарных и спасателей (CTIF).

Вуз является членом Международной ассоциации пожарных «Институт пожарных инженеров», объединяющей более 20 стран мира. В настоящее время университет проводит совместные научные исследования с пожарно-техническими службами США по проблемам борьбы с огнем в условиях низких температур и отдаленных территорий, сотрудничает с Учебным пожарным центром г. Куопио (Финляндия), осуществляет проект по обмену курсантами и профессорско-преподавательским составом с пожарным департаментом г. Линдесберг (Швеция). Разработана и успешно осуществляется программа совместных действий по тушению пожаров на границе России и Финляндии. В целях объединения усилий научных работников и ведущих специалистов в области гражданской защиты для создания более эффективной системы подготовки высококвалифицированных кадров пожарных и спасателей по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также повышения уровня научно-исследовательской и педагогической работы в 2004–2005 гг. учебным заведением были Гражданской Защиты Французской Республики, университетом Восточного Кентукки (США), Центром исправительных технологий Северо-Запада США, Государственной пожарной школой Гамбурга (Германия), учебными заведениями пожарно-спасательного профиля стран СНГ.

За годы существования университет подготовил более 1000 специалистов для пожарной охраны Афганистана, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Гвинеи-Бисау, Кореи, Кубы, Монголии, Йемена и других зарубежных стран. В 2008 г. по направлению Международной организации гражданской обороны в университете по программам повышения квалификации обучались сотрудники пожарно-спасательных служб Иордании, Бахрейна, Азербайджана, Монголии и Молдавии.

Компьютерный парк университета составляет около 400 единиц, объединенных в локальную сеть. Компьютерные классы позволяют курсантам работать в международной компьютерной сети интернет. С помощью сети интернет обеспечивается выход на российские и международные информационные сайты, что позволяет значительно расширить возможности учебного, учебно-методического и научно-методического процесса. Необходимая нормативно-правовая информация находится в базе данных компьютерных классов, обеспеченных полной версией программ «Консультант-плюс», «Гарант», «Законодательство России», «Пожарная безопасность». Для информационного обеспечения образовательной деятельности в университете функционирует единая локальная сеть.

Нарастающие сложность и комплексность современных задач заметно повышают

требования к организации учебного процесса. Сегодня университет реализует программы обучения с применением технологий дистанционного обучения, приобретающим статус одной из равноправных форм обучения.

В настоящее время аудитории, в которых проходят занятия, оснащены телевизорами и техникой для просмотра методических пособий на цифровых носителях, интерактивными учебными досками. Библиотека университета соответствует всем современным требованиям: каждое рабочее место читального зала оборудовано индивидуальным средством освещения, в зале установлены компьютеры с возможностью выхода в интернет, телевизоры и видеотехника для просмотра учебных пособий, произведена полная замена мебели. Общий фонд библиотек составляет сегодня более 320 тыс. экземпляров.

Библиотека выписывает свыше 100 наименований журналов и 15 наименований газет, в том числе обязательные, в соответствии с ГОСВПО. Университет активно сотрудничает с ВНИИПО МЧС России и ВНИИ ГОиЧС МЧС России, которые ежемесячно присылают свои издания, необходимые для учебного процесса и научной деятельности университета. В работе библиотеки используется автоматизированная библиотечная система ИРБИС, которая включена в единую локальную сеть университета.

Университет обладает современным общежитием для курсантов и студентов учебного заведения. В общежитие созданы интернет-кафе, видео-зал, зал для фитнеса.

Поликлиника оснащена современным оборудованием, что позволяет проводить комплексное обследование и лечение сотрудников учебного заведения и учащихся.

В университете большое внимание уделяется спорту. Составленные из преподавателей, курсантов и слушателей команды по различным видам спорта – постоянные участники спортивных турниров, проводимых в Санкт-Петербурге, других городах России и за рубежом. Слушатели и курсанты университета являются членами сборных команд МЧС России по многим видам спорта.

Курсанты и слушатели университета имеют прекрасные возможности для повышения своего культурного уровня, развития творческих способностей. Налажены связи с театрами и концертными залами города.

В Санкт-Петербургском университете Государственной противопожарной службы МЧС России созданы все условия для подготовки высококвалифицированных специалистов как для Государственной противопожарной службы, так и в целом для МЧС России.



АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА»

Материалы, публикуемые в журнале, должны отвечать профилю журнала, обладать несомненной новизной, относиться к вопросу проблемного назначения, иметь прикладное значение и теоретическое обоснование и быть оформлены по следующим правилам:

1. Материалы для публикации представляются в редакцию журнала с *резолуцией* заместителя начальника университета по научной работе. Материал должен сопровождаться:

а) для **сотрудников** СПб УГПС – *выпиской* из протокола заседания кафедры о целесообразности публикации и отсутствии материалов, запрещенных к публикации в открытой печати, *рецензией от члена редакционного совета* (коллегии). По желанию прилагается вторая рецензия от специалиста соответствующего профиля, имеющего ученую степень;

б) для авторов **сторонних** организаций – сопроводительным *письмом* от учреждения на имя начальника университета и *разрешением* на публикацию в открытой печати, *рецензией* от специалиста по соответствующему статье профилю, имеющему ученую степень;

в) *электронной версией* статьи, представленной в формате редактора Microsoft Word (версия не ниже 6.0). Название файла должно быть следующим:

Автор1_Автор2 - Первые три слова названия статьи.doc, например: **Иванов - Анализ существующей практики.doc**;

г) *плата* с адъюнктов и аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

2. Статьи, включая рисунки и подписи к ним, список литературы, должны иметь объем от 8 до 13 машинописных страниц.

3. Оформление текста:

а) текст материала для публикации должен быть тщательно отредактирован автором;

б) текст на одной стороне листа формата А4 набирается на компьютере (шрифт Times New Roman 14, *интервал 1,5*, без переносов, в одну колонку, *все поля по 2 см*, нумерация страниц внизу посередине);

в) на первой странице авторского материала должны быть напечатаны **на русском и английском языках:** название (прописными буквами, полужирным шрифтом, без подчеркивания); инициалы и фамилии *авторов (не более трех)*; ученая степень, ученое звание, почетное звание; место работы (название учреждения), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации. Аннотация должна быть краткой, информативной, отражать основные положения и выводы представляемой к публикации статьи, а также включать полученные результаты, используемые методы и другие особенности работы. Примерный объем аннотации 40–60 слов.

4. Оформление формул в тексте:

а) формулы должны быть набраны на компьютере в редакторе формул Microsoft Word (Equation), размер шрифта эквивалентен 14 (Times New Roman);

б) в формулах рекомендуется использовать буквы латинского и греческого алфавитов (курсивом);

в) формулы печатаются по центру, номер – у правого поля страницы (нумеровать следует только формулы, упоминаемые в тексте).

5. Оформление рисунков и таблиц:

а) рисунки необходимо выделять отдельным блоком для удобства переноса в тексте или вставлять из файла, выполненного в любом из общепринятых графических редакторов, под рисунком ставится: Рис. 2. и далее следуют пояснения;

б) если в тексте не одна таблица, то их следует пронумеровать (сначала пишется: Таблица 2, на той же строке название таблицы полужирно, и далее следует сама таблица);

в) если в тексте одна таблица или один рисунок, то их нумеровать не следует;

г) таблицы должны иметь «вертикальное» построение;

д) в тексте ссылки на таблицы и рисунки делаются следующим образом: рис. 2, табл. 4, если всего один рисунок или одна таблица, то слово пишется целиком: таблица, рисунок.

6. Оформление библиографии (списка литературы):

а) в тексте ссылки на цитируемую литературу обозначаются порядковой цифрой в квадратных скобках;

б) список должен содержать цитируемую литературу, пронумерованную в порядке ее упоминания в тексте.

Пристатейные библиографические списки должны соответствовать ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Примеры оформления списка литературы:

Литература

1. Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

2. Информационные аналитические признаки диагностики нефтепродуктов на местах чрезвычайных ситуаций / М.А. Галишев, С.В. Шарапов, С.В. Тарасов, С.А. Кондратьев // Жизнь и безопасность. 2004. № 3–4. С. 134–137.

3. Щетинский Е.А. Тушение лесных пожаров: пособ. для лесных пожарных. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ВНИИЛМ, 2002.

4. Грэждяну П.М., Авербух И.Ш. Вариант вероятностного метода оценки оползнеопасности территории // Современные методы прогноза оползневого процесса: сб. науч. тр. М.: Наука, 1981. С. 61–63.

5. Минаев В.А., Фаддеев А.О. Безопасность и отдых: системный взгляд на проблему рисков // Туризм и рекреация: тр. II Междунар. конф. / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. С. 329–334.

6. Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2006. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2007).

7. Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей: Федер. закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.

7. Оформление раздела «Сведения об авторах»

Сведения об авторах прилагаются в конце статьи и включают: Ф.И.О. (полностью), должность, место работы с указанием адреса и его почтового индекса; ученую степень, ученое звание, почетное звание; номер телефона, адрес электронной почты.

Статья должна быть подписана авторами и указаны контактные телефоны.

Вниманию авторов: Материалы, оформленные без соблюдения настоящих требований, будут возвращаться на доработку.

Редакция оставляет за собой право направлять статьи на дополнительное, анонимное, рецензирование.

Ответственность за достоверность фактов, изложенных в материалах номера, несут их авторы.

МЧС РОССИИ
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы

Научно-аналитический журнал

**Психолого-педагогические проблемы безопасности
человека и общества
№ 2 (11) – 2011**

Издается ежеквартально

Подписной индекс № 15660 в «Каталоге российской прессы «Почта России» (ООО МАП)»

Главный редактор Е.Ю. Сычева
Редактор Г.Ф. Сулова

Подписано в печать 23.06.2011. Формат 60×86_{1/8}.
Усл.-печ. л. 12,0 Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149